СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ
Издательство «Детская литература»

ЗОЛОТОЕ СЛОВО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Около восьми веков назад, в 1187 году, было создано «Слово о полку Игореве» — гениальное произведение древней русской литературы. Протекшие столетия не приглушили его поэтического звучания и не стерли красок. Интерес к «Слову о полку Игореве» не только не уменьшился, но становится все более и более широким, все более и более глубоким.

Почему же так долговечно это произведение, столь небольшое по своим размерам? Почему идеи «Слова» продолжают волновать нас?

Любовь к родине вдохновляла автора «Слова о полку Игореве». Она как бы водила его пером. Она же сделала его произведение бессмертным — равно понятным и близким всем людям, подлинно любящим свою родину и свой народ.

«Слово о полку Игореве» проникнуто большим человеческим чувством — теплым, нежным и сильным чувством любви к родине. «Слово» буквально напоено им. Это чувство сказывается и в том душевном волнении, с которым автор «Слова» говорит о поражении войск Игоря, и в том, как он передает слова плача русских жен по убитым воинам, и в широкой картине русской природы, и в радости по поводу возвращения Игоря.

Вот почему значение «Слова» так безмерно возросло в нашу великую советскую эпоху, когда с необычайной силой проявились беззаветный патриотизм и единство советского народа. Вот почему

оно находит такой горячий отклик в сердцах всех советских людей, беззаветно преданных своей родине. Призыв «Слова» к защите родины, к охране мирного труда ее народа звучит и сейчас с неослабеваемой силой.

Значение «Слова» особенно велико для нас еще и потому, что оно является живым и непререкаемым свидетельством высоты древнерусской культуры, ее самобытности и ее народности.

Русь времени „Слова о полку Игореве“

«Слово о полку Игореве» создано в годы, когда процесс феодального дробления Руси достиг своей наибольшей силы. Множество мелких феодальных княжеств — «полугосударств» — враждует между собой, оспаривая друг у друга владения, старшинство, втягиваясь в братоубийственные войны во имя эгоистических княжеских интересов. Падает значение Киева как центра Русской земли.

Распад единого Киевского государства начался уже при Ярославе Мудром, в первой половине XI века, когда обособилась Полоцкая земля. Смерть Ярослава Мудрого повела к дальнейшему разделению Русской земли. По завещанию Ярослава, основные русские города того времени: Киев, Чернигов, Переяславль, Владимир-Волынский, Смоленск, с окружающими их областями были распределены между его сыновьями. В конце XI века Черниговское княжество окончательно закрепляется за внуком Ярослава — Олегом Святославичем и его потомством. Этого Олега Святославича автор «Слова о полку Игореве» прозвал Олегом Гориславичем, правильно указав в нем одного из тех князей, от которых «сѣяшется и растяшеть усобицами» Русская земля.

Обособление отдельных земель как наследственных княжеских владений было признано при Владимире Мономахе на Любечском съезде князей в 1097 году. Одно из решений этого съезда гласило: «Каждо да держит отчину свою», то есть «пусть каждый владеет землею отца».

Любечский съезд, признавший разделение Русской земли, не привел князей даже к временному соглашению, его решения были

тотчас же нарушены. Один из князей — Василёк Теребо́вльский — был вероломно схвачен двумя другими и ослеплен. Снова начались княжеские раздоры. Призывая к единению, народ киевский обратился к Владимиру Мономаху с просьбой не «погубити Русьскые земли» своими раздорами, напоминая, что враги родины — половцы «имуть радоватися и возмуть землю нашю». Призыв заканчивался прямым укором князьям, которые своими усобицами хотят «погубити землю Русьскую». Этот призыв народа к князьям был на устах у каждого поколения русских людей, в каждом княжестве, в каждом городе.

Галич, Рязань, Смоленск, Владимир-Волынский, Владимир-Залесский, Ростов, Новгород — все эти областные центры решительно стремятся к политической самостоятельности, уходят из-под влияния слабеющего золотого киевского стола, замыкаются в своих эгоистических местных интересах; князья вступают в борьбу друг с другом, про малое говорят «се великое» и погрязают в бесконечных братоубийственных войнах.

Междоусобная борьба князей была трагически осложнена нависшей над Русью половецкой опасностью. Половцы заняли еще в середине XI века степи между Волгой и Днепром, Крым и проникли на Балканский полуостров. Они представляли собой такую мощную военную силу, что не раз грозили существованию Византийской империи, и последняя постоянно обращалась за помощью к русским князьям. Русским князьям в начале XII века удалось одержать крупные победы над половцами, однако половцы продолжали разорять мирное население русских сел и городов: они грабили сельское население, сжигали города, избивали и угоняли в рабство жителей. Быстрая степная конница не знала естественных преград на бесконечных, открытых, необозримых южных и юго-восточных границах Руси, которые было трудно оберегать. Кочевники из бескрайного «дикого поля», из «страны незнаемой» неожиданными походами стремились глубоко проникнуть в Русскую землю. Волны степных набегов разбивались о стойкое сопротивление разрозненных княжеств. Часть половцев оседала на пограничных землях и под именем «ковуев» и «своих поганых», то есть «своих язычников», постепенно проникалась мирным влия-

нием русской культуры. Но раздоры русских князей создавали возможность для новых вторжений. Враждуя между собой, князья призывали половцев себе в помощь, расшатывая тем самым веками слагавшееся здание русской государственности.

Культура Руси времени „Слова о полку Игореве“

Упадок политического единства Руси не был, однако, связан с ее культурным упадком. Самый распад Киевского государства вызывался развитием хозяйственной жизни на местах и сопровождался ростом его отдельных частей, образованием новых областных центров, подъемом активности городских масс населения.

Рядом с Киевом, Новгородом и Черниговом в этот период растут и крепнут многочисленные новые очаги русской культуры: Владимир-Залесский и Владимир-Волынский, Полоцк и Смоленск, Туров и Галич. Местные литературные школы, глубоко своеобразное зодчество каждой из областей, живопись и прикладное искусство развиваются и крепнут именно в этот период. Воздвигаются многочисленные каменные здания в Киеве, в Чернигове, во Владимире-Волынском, в Галиче, в Новгороде, в Смоленске, во Владимире-Залесском и в других городах обширной Русской земли.

Об одном из зданий этого времени летописец писал, что оно было «измечтано» «всею хитростью», доступною человеку. Сохранившиеся во Владимире-Залесском белокаменные постройки этой поры богато украшены снаружи рельефными изображениями львов, барсов, грифонов, кентавров, всадников и т. п. В живописи создаются превосходные фрески, то есть стенные росписи водяными красками по особым образом подготовленной штукатурке. Остатки таких росписей сохранились в Пскове, в Старой Ладоге, в Новгороде. Хотя в большинстве по своему содержанию эти фрески были церковными, но их создавали русские мастера, знавшие и любившие народное искусство, поэтому и в этих фресках сказалось красочное и жизнерадостное искусство русского народа.

О высоком уровне русской культуры времени «Слова о полку Игореве» ярко свидетельствует и прикладное искусство. Художе-

ственные ремесла в XII веке представлены роскошными рукописями, тончайшими ювелирными изделиями из золота и серебра с эмалью и чернью, изделиями из железа, резьбой по кости, камню, дереву и т. п. До нас дошли сорок два названия различных ремесленных специальностей этого времени.

Особенного развития в XII веке достигает искусство слова. Большинство древнерусских письменных произведений XII века до нас не дошло в результате истребления врагами, пожарами; но даже то немногое, что сохранилось, свидетельствует об общей высокой литературной культуре XII века, о наличии нескольких литературных школ, о многочисленности жанров, о самой потребности в литературе, о привычке к литературному чтению. Летопись в это время ведется почти в каждом городе, во многих монастырях, нередко — при дворе местного князя.

Исключительно быстрое развитие русской литературы XI—XII веков связано с ростом древнерусского литературного языка — сжатого, выразительного, гибкого, богатого словами, обильно насыщенного синонимами, способными отразить многочисленные оттенки мыслей и чувств. Русский язык этой поры ответил потребностям чрезвычайно усложнившейся русской действительности и создал богатую политическую, военную и техническую терминологию, смог в полной мере воплотить в себе изощренное ораторское искусство, передать сложное историческое содержание всемирной и русской истории, воспринять в переводах лучшие произведения общеевропейской средневековой литературы. Развитие древнерусского литературного языка отражало общий высокий уровень древнерусской культуры, еще не подвергшейся разрушениям монголо-татарского нашествия.

Древнерусский письменный литературный язык вырос на основе устного русского литературного языка — высокоразвитого языка устной народной поэзии и языка политической жизни. Речи, которыми русские князья перед битвами «подавали дерзость» своим воинам, были великолепны по своему лаконизму, образности, энергии и свободе выражения. Особым лаконизмом, выработанностью словесных формул, образностью отличались речи, произносившиеся на вечевых собраниях. То же можно сказать о речах на

пиршествах, на судах, на княжеских съездах, о речах, произносившихся послами. В русский литературный язык влились отдельные слова и выражения древнеболгарского языка, использовавшегося в церковной письменности и в богослужении и известного под названием языка церковнославянского.

Однако грамматический строй русского языка остался русским, а отдельные церковнославянские слова не разрушили основного словарного фонда русского языка. Русский язык переработал в себе элементы церковнославянского языка и стал еще богаче и выразительнее.

Словарный состав древнерусского языка в XII веке был уже очень богат.

Язык русских летописей, язык русских договоров и грамот и многих других произведений русской письменности, а в первую очередь язык «Слова о полку Игореве» — это древнерусский письменный литературный язык. Богатый и выразительный, он был одним из главных достижений русского народа того времени.

События русской истории, предшествовавшие походу Игоря Святославича Новгород-Северского

Большинство феодальных усобиц XII века было связано с враждой потомства Мономаха и потомства его противника Олега Святославича — Олега Гориславича «Слова о полку Игореве». И мономáховичи и óльговичи постоянно пользовались половецкой помощью в своих походах на соседние русские княжества. Особенно часто прибегали к помощи половцев черниговские ольговичи, искавшие мира и союза с беспокойным населением смежных им степей. И эта половецкая «помощь», как и самостоятельные походы половцев, стала с конца XI века жестоким народным бедствием. Особенно усиливаются набеги половцев в 70-х годах XII века, когда, по выражению летописца, начинается «рать без перерыва».

Русские князья имели к этому времени опытных и закаленных в боях профессиональных воинов, составлявших основное ядро их

войска — дружину. Кроме этих дружин, князья могли в случае необходимости собрать многочисленное войско из крестьян и горожан. На границах со степью стояли заставы; в самой степи находились русские «сторожа» — разведчики, следившие за передвижениями кочевников.

Русское войско было в XII веке в основном конным; оно было очень быстрым в передвижениях, выработало искусную тактику борьбы с кочевниками. Русские походы в степь предпринимались по преимуществу весной, когда истощенные на скудном зимнем подножном корму кони половцев оказывались гораздо слабосильнее коней русского войска. В бою русские войска умели действовать сложными построениями, были стойки и бесстрашны. Чувство воинской чести и любовь к родине отличали и профессионалов-дружинников и простых воинов, набранных из народа. Вооружение дружинников составляли мечи, сабли, луки, иногда шестоперы (особые палицы с шестиреберными наконечниками). Кроме того, дружинники имели копья — оружие, хотя и легко ломавшееся, но незаменимое в первой стычке с врагом.

Дружинники имели прочные стальные (булатные) шлемы и брони, то есть кольчуги, появившиеся на Руси раньше, чем в Западной Европе. Вооружение простых воинов было проще — здесь чаще встречались копья и топоры. Тяжелые, накалявшиеся на солнце шлемы и брони надевались обычно перед самым сражением.

Однако общерусского войска, с единым командованием, на Руси в то время не было. Союзные походы русских князей собирались с трудом, а каждое из войск того или иного русского князя было гораздо малочисленнее войска половцев.

Начавшийся в 70-х годах XII столетия особенно сильный натиск половцев разбивается об ответные походы русских. После ряда поражений половцы объединяются под властью хана Кончака. Половецкие войска получают единую организацию и хорошее вооружение; у них появляются и сложные метательные орудия, и «греческий огонь», и огромные, передвигавшиеся «на возу высоком» луки-самострелы, тетиву которых натягивало более пятидесяти человек. Разъединенная раздорами Русь лицом к лицу столкнулась с сильным и, главное, единым войском кочевников.

Под влиянием половецкой опасности, как впоследствии под влиянием опасности монголо-татарской, даже в княжеской среде зреет идея необходимости единения. В 80-х годах XII века делается попытка примирения ольговичей и мономаховичей. Сами ольговичи рвут со своей традиционной политикой союза со степью, и замечательно, что в истории этого перелома политики ольговичей очень важную роль играет герой «Слова о полку Игореве» — ольгович Игорь Святославич, князь Новгород-Северский.

Вначале Игорь — типичный ольгович. Еще в 1180 году половцы деятельно помогали Игорю Святославичу. Наголову разбитый Рюриком Ростиславичем Киевским у Долобска вместе со своими союзниками — половцами, Игорь Святославич вскочил в ладью сам-друг со своим будущим злейшим врагом, а теперешним союзником ханом Кончаком и успел скрыться от киевского князя.

Одержав победу, киевский князь Рюрик своеобразно воспользовался ее плодами. Не чувствуя в себе достаточно сил, чтобы удержать в своей власти Киев, он оставил на великом княжении киевском ольговича — Святослава Всеволодовича, будущего героя «Слова о полку Игореве», а себе взял остальные города киевской области. Киев был уступлен Рюриком Святославу Киевскому на условиях, о которых мы можем лишь догадываться: по-видимому, Святослав обязался отказаться от союза с половцами и условился действовать против них, в согласии со всеми русскими князьями. В ближайшие годы Рюрику и Святославу удается широко организовать союзные походы русских князей на степь.

Обязательства феодального главы всех князей ольговичей — Святослава Киевского — распространились и на Игоря Святославича Новгород-Северского, его двоюродного брата, находившегося у него в феодальном подчинении. Прямодушный и честный, Игорь решительно рвет со своей прежней политикой; он становится яростным противником половцев. Однако Игорю Святославичу не сразу удалось доказать свою преданность новой для него политике единения, совместной борьбы с половцами.

В 1184 году объединенными усилиями русских князей под предводительством Святослава Всеволодовича Киевского половцы были разбиты. Захвачены были военные машины, отбиты русские

пленники; попал в плен «басурменин», стрелявший «живым огнем». Половцы были устрашены, и опасность, казалось бы, надолго устранена от Русской земли. Однако Игорь Святославич Новгород-Северский не смог участвовать в этом победоносном походе: поход начался весной, и гололедица помешала его конному войску подоспеть вовремя. По-видимому, Игорь Святославич тяжело переживал эту неудачу: ему не удалось доказать свою преданность союзу русских князей против половцев, его могли заподозрить в умышленном уклонении от участия в походе, как бывшего союзника Кончака. Вот почему в следующем, 1185 году Игорь, «не сдержав юности» — своего молодого задора, без сговора со Святославом и Рюриком бросается в поход против половцев.

Он ставит себе смелую задачу — собственными силами «поискать» старую черниговскую Тмуторокань, находившуюся на берегу Черного моря и когда-то принадлежавшую черниговским князьям. Высокое чувство воинской чести, раскаяние в своей прежней политике, преданность новой — общерусской, ненависть к своим бывшим союзникам — свидетелям его позора, муки страдающего самолюбия — все это двигало им в походе.

Смелость, искренность, чувство чести столкнулись в характере Игоря с его недальновидностью, любовь к родине — с отсутствием ясного представления о необходимости единения, совместной борьбы. Игорь в походе действовал с исключительной отвагой, но он не подчинил всю свою деятельность интересам родины, он не смог отказаться от стремления к личной славе, и это привело его к поражению, которого еще не знали русские. Впервые за всю историю борьбы с половцами русские князья — Игорь и его брат Всеволод, «буй тур», — оказались в плену. Впервые русское войско потерпело такое страшное поражение. В этом черты особого трагизма похода Игоря Святославича — трагизма, приковавшего к этому походу внимание и автора «Слова о полку Игореве», и летописцев, составивших о нем в разных концах Русской земли свои повести, самые обширные и, может быть, самые живые из всех повестей о степных походах русских князей.

Поход Игоря Святославича Новгород-Северского

Сохранилось два летописных рассказа о походе Игоря Святославича 1185 года: один более обширный — в Ипатьевской летописи, другой более сжатый — в Лаврентьевской. Вот как на основании этих двух летописных рассказов можно себе представить поход Игоря.

23 апреля 1185 года, во вторник, Игорь Святославич Новгород-Северский, сын его — Владимир Путивльский, племянник — князь Святослав Ольгович Рыльский вместе с присланными от Ярослава Всеволодовича Черниговского во главе с Ольстином Олексичем дружинами ковуев выступили в далекий степной поход на половцев без сговора с киевским князем Святославом. Откормленные за зиму кони шли тихо. Игорь ехал, собирая свою дружину. В походе у берегов Донца 1 мая, когда день клонился к вечеру, их застигло солнечное затмение, считавшееся в те времена предзнаменованием несчастья, но Игорь не поворотил коней. У реки Оскола Игорь два дня поджидал брата Всеволода, шедшего иным путем, из Курска. От Оскола пошли дальше, к реке Сальнице.

Застигнуть половцев врасплох, как рассчитывал Игорь, не удалось: неожиданно русские сторожа, которых послали ловить «языка», донесли, что половцы вооружены и готовы к бою. Сторожа советовали либо идти быстрее, либо возвратиться. Но Игорь сказал: «Оже ны будеть не бившися возворотитися, то соромъ ны будеть пущеи смерти...» Согласившись на этом, русские не стали на ночлег, а ехали всю ночь. На следующий день, в обеденное время, русские встретили половецкие полки. Половцы отправили назад свои вежи (кочевые жилища на телегах), а сами, собравшись «от мала и до велика», выстроились на той стороне реки Сюурлия. Войска Игоря построились в шесть полков. По обычаю того времени, Игорь Святославич сказал князьям краткое ободряющее слово: «Братья, сего мы искали, а потягнемь». Посередине стал полк Игоря, по правую руку от него — полк буй тура Всеволода, по левую — полк Игорева племянника Святослава Рыльского, впереди — полк сына Игоря, Владимира, и полк черниговских ковуев. Отборные стрелки, выведенные из всех полков, стали впереди строя. Половцы выстроили своих стрельцов. «Пустивши

по стреле», то есть дав залп из луков, половцы бежали. Бежали и те половецкие полки, которые стояли вдалеке от реки. Передовые полки черниговских ковуев и Владимира Игоревича погнались за половцами. Игорь же и Всеволод шли медленно, сохраняя боевой порядок своих полков. Русские овладели вежами половцев и захватили полон (пленных). Часть войска гналась за половцами дальше и ночью вернулась назад с полоном.

Как рассказывает Ипатьевская летопись, на следующий же день после первой победы над половцами, с рассветом, половецкие полки, «ак борове», то есть подобно лесу, стали неожиданно наступать на русских. Небольшое русское войско увидело, что оно собрало против себя «всю половецкую землю». Но и в этом случае отважный Игорь не поворотил полки. Его речь перед битвой напоминает речи Владимира Мономаха своей заботой о «черных людях», то есть о простых ратниках из крестьян. Он сказал: «Если погибнем или убежим, а черных людей покинем, то ны будеть грех... Поидем! Но или умремь, или живи будемь на едином месте». Чтобы пробиваться к Донцу, не опережая и не отставая друг от друга, Игорь приказал конным спешиться и драться всем вместе.

Трое суток день и ночь медленно пробивался Игорь к Донцу со своим войском. В бою Игорь был ранен в правую руку. Оттесненные половцами от воды, воины были истомлены жаждой. Первыми изнемогли от жажды кони. Много было раненых и мертвых в русских полках. Бились крепко до самого вечера, бились вторую ночь; на рассвете утром в воскресенье черниговские ковуи дрогнули. Игорь поскакал к ковуям, чтобы остановить их. Он снял шлем, чтобы быть ими узнанным, но не смог их задержать. На обратном пути, в расстоянии полета стрелы от своего полка, изнемогая от раны, он был взят в плен половцами. Схваченный ими, он видел, как жестоко бьется его брат Всеволод во главе своего войска, и, по словам летописи, просил смерти, чтобы не видеть его гибели. Раненого Игоря взял к себе на поруки его бывший союзник — Кончак. Из всего русского войска спаслось только пятнадцать человек, а ковуев и того меньше. Прочие же утонули.

В то время Святослав Всеволодович Киевский, решив идти на половцев к Дону на все лето, собирал воинов на севере своих

владений — в «верхних» землях. На обратном пути у Новгород-Северского Святослав услышал, что двоюродные братья его пошли, утаясь от него, на половцев, и «не любо бысть ему». Когда Святослав подходил уже в ладьях к Чернигову, он узнал о поражении Игоря. Святослав, услышав это, «глубоко вздохнул», «утер слезы» и сказал: «О люба моя братья и сынове и мужи земле Руское! Дал ми бог притомити поганыя, но не воздержавше уности (юности) отвориша ворота на Русьскую землю... Да како жаль ми бяшеть на Игоря (как мне было на него раньше досадно), тако ныне жалую больше (так теперь еще больше жалею) по Игоре, брате моемь».

В этих словах Святослава точно определены последствия поражения Игоря. Святослав «притомил поганых» в своем походе 1184 года, а Игорь, «не сдержав юности», свел на нет его результаты — «отворил ворота» половцам на Русскую землю. Скорбь и лютая туга (печаль) распространились по всей Русской земле. «И не мило бяшеть тогда комуждо свое ближнее», — говорит летописец.

Половцы, победив Игоря с братиею, «взяша гордость велику» и собрав весь свой народ, ринулись на Русскую землю. И была между ними распря: Кончак хотел идти на Киев — отомстить за Боняка и деда своего Шарукана, потерпевших там поражение в 1106 году, а Гзак предлагал пойти на реку Сейм, «где ся остале жены и дети: готов нам полон собран; емлем же городы без опаса».

И так разделились надвое. Кончак пошел к Переяславлю-Южному, осадил город и бился здесь весь день.

В Переяславле был тогда князем Владимир Глебович. Был он «дерз и крепок к рати», выехал из города и бросился на половцев, но дружины выехать за ним дерзнуло немного. Князь крепко бился с врагами, был окружен и ранен тремя копьями. Тогда прочие подоспели из города и отняли князя. Владимир из города послал сказать Святославу Киевскому, Рюрику и Давыду Ростиславичам: «Се половьцы у мене, а помозите ми». Между войсками Рюрика и Давыда произошли разногласия, смоленские дружины Давыда «стали вечем» и отказались идти в поход. Святослав с Рюриком

поплыли по Днепру против половцев, а Давыд со своими смольнянами возвратился обратно. Услышав о приближении войска Святослава и Рюрика, половцы отступили от Переяславля и на обратном пути осадили город Римов. Все эти события нашли отражение в «Слове».

В плену Игорь пользовался относительной свободой и почетом. К нему приставили двадцать сторожей, которые не мешали ему ездить, куда он захочет, и слушались его, когда он куда-либо их посылал. С ними Игорь ездил на ястребиную охоту.

Половец, по имени Лавр, предложил Игорю бежать. Игорь отказался пойти «неславным путем», но обстоятельства в конце концов вынудили его к бегству: сын тысяцкого и конюший, находившиеся вместе с Игорем в плену, сообщили ему, что возвращающиеся от Переяславля половцы намерены перебить всех русских пленных. Время для бегства было выбрано вечернее — при заходе солнца. Игорь послал к Лавру своего конюшего с приказом перебираться на ту сторону реки с поводным конем. Половцы, стерегшие Игоря, напились кумыса, играли и веселились, думая, что князь спит. Игорь поднял полу половецкой вежи, вышел, перебрался через реку, сел там на коня и бежал.

Одиннадцать дней пробирался Игорь до пограничного города Донца, убегая от погони. Приехав в Новгород-Северский, Игорь вскоре пустился в объезд — в Чернигов и в Киев, — ища помощи и поддержки, и всюду был встречен с радостью.

Время создания „Слова о полку Игореве“

«Слово о полку Игореве» было создано вскоре после событий Игорева похода. Оно написано под свежим впечатлением от этих событий. Это не историческое повествование о далеком прошлом — это отклик на события своего времени, полный еще не притупившегося горя. Автор «Слова» обращается в своем произведении к современникам событий, которым эти события были хорошо известны. Поэтому «Слово» соткано из намеков, из напоминаний, из глухих указаний на то, что было еще живо в памяти каждого читателя-современника.

Есть и более точные указания в «Слове о полку Игореве» на то, что оно написано вскоре после описываемых событий. В 1196 году умер буй тур Всеволод, в 1198 году Игорь Святославич сел на княжение в Чернигове, не раз ходил перед тем вновь на половцев, но все это осталось без упоминаний в «Слове о полку Игореве». Не упомянуты и другие события русской истории, случившиеся после 1187 года. В частности, автор «Слова» в числе живых князей называет умершего в 1187 году Ярослава Осмомысла Галицкого: к нему автор «Слова» обращается с призывом «стрелять» в Кончака «за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святъславича». Отсюда ясно, что «Слово» написано не позднее 1187 года; но оно не могло быть написано и ранее 1187 года, так как оно заключается «славой» молодым князьям, в том числе и Владимиру Игоревичу, только в том же, 1187 году вернувшемуся из плена. Поэтому можно думать, что «Слово о полку Игореве» написано в 1187 году.

„Слово о полку Игореве" — призыв к единению

«Слово о полку Игореве» было непосредственным откликом на события Игорева похода. Оно было призывом к прекращению княжеских усобиц, к объединению перед лицом страшной внешней опасности. По точному выражению Карла Маркса, «смысл поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием монголов»[1]. Этот призыв и составляет основное содержание «Слова о полку Игореве». На примере поражения Игоря автор показывает печальные последствия политического разъединения Руси.

«Слово о полку Игореве» не только повествует о событиях Игорева похода — оно дает им оценку. Оно представляет собой страстную и взволнованную речь патриота, то обращающегося к событиям живой современности, то вспоминающего дела седой старины. Эта речь — то гневная, то печальная и скорбная, но всегда полная веры в родину, полная гордости ею, уверенности в ее будущем.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXII, стр. 122.

В «Слове о полку Игореве» ясно ощущается широкое и свободное дыхание устной речи. Оно чувствуется и в выборе выражений — обычных, употреблявшихся в устной речи терминов, военных и феодальных; оно чувствуется и в выборе художественных образов, лишенных литературной изысканности, доступных и народных; оно чувствуется и в самой ритмике языка.

Автор «Слова о полку Игореве» постоянно обращается к своим читателям, называя их «братия», точно он видит их перед собой. В круг своих воображаемых слушателей он вводит и своих современников и людей прошлого. Он обращается к Бояну: «О Бояне, соловию стараго времени! Абы ты сиа плъкы ущекоталъ». Он обращается к буй туру Всеволоду: «Яръ туре Всеволодѣ! Стоиши на борони, прыщеши на вои стрълами, гремлеши о шеломы мечи харалужными!» Он обращается к Игорю, к Всеволоду Суздальскому, к Рюрику и Давыду Ростиславичам и ко многим другим. Говоря о печальных предзнаменованиях, которые предшествовали походу Игоря и сопровождали Игоря на его роковом пути, он как бы хочет остановить его и тем самым вводит читателя в тревожную обстановку похода. Он прерывает самого себя восклицаниями скорби: «О Руская землѣ! уже за шеломянемъ еси!», «То было въ ты рати и въ ты плъкы, а сицей рати не слышано!» Все это создает впечатление непосредственной близости автора «Слова» к тем, к кому он обращается.

Эта близость больше, чем близость писателя к своему читателю, скорее это близость оратора или певца, непосредственно обращающегося к своим слушателям.

Когда читаешь «Слово о полку Игореве», живо чувствуешь, что автор предназначал его скорее всего для произнесения вслух.

Однако было бы ошибочным считать, что «Слово о полку Игореве» предназначалось только для произнесения или только для чтения, — не исключена возможность, что автор «Слова» предназначал свое произведение и для пения. Сам автор «Слова» хотя и называет свое произведение очень неопределенно — то «словом», то «песнью», то «повестью», однако, выбирая свою поэтическую манеру, рассматривает как своего предшественника не какого-либо из известных нам писателей и ораторов XI—XII веков, а Бояна —

певца, поэта, исполнявшего свои произведения под аккомпанемент какого-то струнного инструмента — по-видимому, гуслей. Автор «Слова» считает Бояна своим предшественником в том же роде поэзии, в каком творит и сам.

Таким образом, «Слово о полку Игореве» — это призыв к единению. Оно было несомненно написано автором, но автор чувствовал свою связь с устным словом, с устной поэзией; автор чувствовал свое произведение произнесенным, но предназначалось ли оно для произнесения вслух как речь или для пения, сказать трудно. Если это речь, то она все же имеет сходство с песней; если это песнь, то она близка к речи. К сожалению, ближе определить жанр «Слова» не удается. Написанное, оно сохраняет все обаяние живого, устного слова — слова горячего, убеждающего, полного самой искренней, самой задушевной и сердечной любви к родине.

Подлинный смысл призыва автора «Слова о полку Игореве» заключался, конечно, не только в попытке организовать тот или иной поход, но и в том, чтобы объединить общественное мнение против феодальных раздоров князей, заклеймить в общественном мнении вредные феодальные представления, настроить общественное мнение против поисков князьями личной «славы», личной «чести» и отмщения ими личных «обид». Задачей «Слова» было не только военное, но и идейное сплочение всех лучших русских людей вокруг мысли о единстве Русской земли.

Политическое мировоззрение автора „Слова о полку Игореве“

Каким же представлялось автору «Слова о полку Игореве» то единство Руси, к которому он звал своих читателей? Единство Руси представлялось автору «Слова» не в виде прекраснодушных «добрососедских» отношений всех русских князей на основе их доброй воли. Само собой разумеется, что нельзя было просто уговорить русских князей перестать враждовать между собою. Нужна была такая сильная центральная власть, которая могла бы скре-

пить единство Руси, сделать Русь мощным государством. Автор «Слова» — сторонник сильной княжеской власти, которая была бы способна обуздать произвол мелких князей.

Центр единой Руси он видит в Киеве. Киевский князь рисуется ему как сильный и «грозный» властитель. Поэтому автор «Слова» наделяет «слабого» киевского князя Святослава Всеволодовича идеальными свойствами главы русских князей: он «грозный» и «великий».

Обращаясь с призывом к русским князьям встать на защиту Русской земли, автор «Слова о полку Игореве» напоминает этим князьям об их военном могуществе и как бы рисует в своем обращении собирательный образ сильного, могущественного князя. Этот князь силен войском: он «многовоий». Он силен судом: «суды рядигъ до Дуная». Он вселяет страх пограничным с Русью странам; он может «Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти». Он «подперъ горы Угорскыи своими желѣзными плъки, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота». Он славен в других странах; ему поют славу «нѣмци и венедици», «греци и морава».

Перед нами образ князя, воплощающего собой идею сильной княжеской власти, с помощью которой должно было осуществиться единство Русской земли. Эта идея сильной княжеской власти только еще рождалась в XII веке. Впоследствии этот же самый образ «грозного» великого князя отразился в Житии Александра Невского и в ряде других произведений XIII века. Не будет только стоять за этим образом «грозного» великого князя — Киев как центр Руси. Перемещение центра Руси на северо-восток и падение значения киевского стола станет слишком явным. Значение центра Русской земли в XV—XVI веках перейдет к Москве, которая и объединит Русь с помощью сильной власти московского князя.

В XII веке сильная княжеская власть едва только начинала возникать, ей еще предстояло развиться в будущем, однако автор «Слова о полку Игореве» уже видел, что с помощью сильной княжеской власти можно будет объединить Русь и дать крепкий отпор внешним врагам.

Образ русской земли в „Слове о полку Игореве"

Свой призыв к единению, свое чувство единства родины автор «Слова о полку Игореве» воплотил в живом, конкретном образе Русской земли. «Слово о полку Игореве» посвящено всей Русской земле в целом. Героем «Слова» является не какой-либо из князей, а русский народ, Русская земля. К ней, к Русской земле, обращены все лучшие чувства автора. Образ Русской земли — центральный в «Слове»; он очерчен автором широко и свободно.

Автор «Слова о полку Игореве» рисует обширные пространства Русской земли. Он ощущает родину как единое огромное целое.

Едва ли в мировой литературе есть произведение, в котором были бы одновременно втянуты в действие такие огромные географические пространства. Половецкая степь («страна незнаема»), «синее море», Дон, Волга, Днепр, Донец, Дунай, Западная Двина, Рось, Сула, Стугна, Немига, а из городов — Корсунь, Тмуторокань, Киев, Полоцк, Чернигов, Курск, Переяславль, Белгород, Новгород, Галич, Путивль, Римов и многие другие — вся Русская земля находится в поле зрения автора, введена в круг его повествования. Обширность Русской земли подчеркивается им одновременностью действия в разных ее частях: «дѣвици поють на Дунаи, — вьются голоси чрезъ море до Киева». Одновременно с походом Игорева войска двигаются к Дону половцы «неготовами дорогами», скрипят их несмазанные телеги.

Обширные пространства родины, в которых разворачивается действие «Слова о полку Игореве», объединяются гиперболической быстротой передвижения в нем действующих лиц. Всеслав дотронулся копьем до золотого престола киевского, отскочил от него лютым зверем, в полночь из Белгорода скрылся в синей ночной мгле, наутро же, поднявшись, оружием отворил ворота Новгорода, расшиб славу Ярослава... Всеслав-князь людей судил, князьям города уряжал, а сам в ночи волком рыскал: из Киева дорыскивал до петухов Тмуторокани; великому Хорсу (солнцу) волком путь перерыскивал. Святослав, словно вихрь, исторгнул поганого Кобяка из лукоморья, из железных великих полков половецких, и пал Кобяк в городе Киеве, в гриднице Святославовой.

В обширных пространствах Руси могущество героев «Слова о полку Игореве» приобретает гиперболические размеры: Владимира I Святославича нельзя было пригвоздить к горам киевским, галицкий Ярослав подпер горы угорские (венгерские) своими железными полками, загородив королю путь, затворив Дунаю ворота.

Такой же грандиозностью отличается и пейзаж «Слова о полку Игореве», всегда конкретный и взятый как бы в движении: перед битвой с половцами кровавые зори свет поведают, черные тучи с моря идут... быть грому великому, идти дождю стрелами с Дону великого... Земля гудит, реки мутно текут, прах над полями несется. После поражения войска Игоря широкая печаль течет по Руси.

Ветер, солнце, грозовые тучи, в которых трепещут синие молнии, утренний туман, дождевые облака, щёкот соловьиный по ночам и галочий крик утром, вечерние зори и утренние восходы, море, овраги, реки составляют огромный, необычайно широкий фон, на котором развертывается действие «Слова», передают ощущение бескрайних просторов родины.

Широкий простор родной природы живо ощущается и в плаче Ярославны. Ярославна обращается к ветру, веющему под облаками, лелеющему корабли на синем море, к Днепру, который пробил каменные горы сквозь землю Половецкую и лелеял на себе Святославовы ладьи до Кобякова стана, к солнцу, которое для всех тепло и прекрасно, а в степи безводной простерло жгучие свои лучи на русских воинов, жаждою им луки скрутило, истомою им колчаны заткнуло.

В радостях и печалях русского народа принимает участие вся русская природа: понятие родины — Русской земли — объединяет для автора ее историю, «стра́ны», то есть сельские местности, города, реки и всю природу — живую, сочувствующую русским. Солнце тьмою заслоняет путь князю — предупреждает его об опасности. Донец стелет бегущему из плена Игорю зеленую постель на своих серебряных берегах, одевает его теплым туманом, сторожит гоголями и дикими утками.

Чем шире охватывает автор Русскую землю, тем конкретнее и жизненнее становится ее образ, в котором оживают реки, вступаю-

щие в беседу с Игорем, наделяются человеческим разумом звери и птицы.

Ощущение обширности пространства и простора родины, постоянно присутствующее в «Слове о полку Игореве», усиливается многочисленными образами соколиной охоты, участием в действии птиц (гуси, гоголи, вороны, галки, соловьи, кукушки, лебеди, кречеты), совершающих большие перелеты к Дону и к синему морю, через поля широкие. Постоянные упоминания о море подчеркивают это ощущение.

Охватывая мысленным взором всю Русскую землю, автор видит и слышит все, что в ней происходит. Автор «Слова о полку Игореве» говорит о подробностях походной жизни, о приемах защиты и нападения, о различных деталях вооружения, отмечает поведение птиц и зверей.

Образ родины, полной городов, рек и многочисленных обитателей, как бы противопоставлен образу пустынной половецкой степи — «стране незнаемой», ее яругам (оврагам), холмам, болотам и «грязивым» местам.

Русская земля для автора «Слова о полку Игореве» — это, конечно, не только «земля» в собственном смысле этого слова, не только русская природа, русские города, это, в первую очередь, народ, ее населяющий. Автор «Слова» говорит о мирном труде русских «ратаев» — пахарей, нарушенном усобицами князей; он говорит о женах русских воинов, оплакивающих своих мужей, павших в битве за Русь; он говорит о горе всего русского народа после поражения Игоря, о гибели достояния русского народа, о радости жителей городов и сельских местностей при возвращении Игоря.

Войско Игоря Новгород-Северского — это прежде всего «русичи» (русские сыны). Они идут на половцев за родину; переходя границу Руси, они прощаются с родиной — с Русской землей в целом, а не с Новгород-Северским княжеством, не с Курском или с Путивлем. «О Руская землѣ! уже за шеломянемъ еси!»

Вместе с тем понятие родины включает для автора «Слова о полку Игореве» и ее историю. В зачине к «Слову» автор говорит, что он собирается вести свое повествование «отъ стараго Владиме-

ра (Владимира I Святославича) до нынѣшняго Игоря». Излагая историю неудачного похода князя Игоря на половцев, автор охватывает события русской жизни за полтора столетия и ведет свое повествование, «свивая славы оба полы сего времени» — постоянно обращаясь от современности к истории, сопоставляя прошлые времена с настоящим. Автор вспоминает века Трояновы, годы Ярославовы, походы Олеговы, времена «стараго Владимера» Святославича.

Автор «Слова о полку Игореве» рисует удивительно живой образ Русской земли. Создавая «Слово», он сумел окинуть взором всю Русь целиком, объединил в своем описании и русскую природу, и русских людей, и русскую историю. Образ страдающей родины очень важен в художественном и идейном замысле «Слова»: он вызывает сочувствие к ней читателя, он возбуждает ненависть к ее врагам, он зовет русских людей на ее защиту. Образ Русской земли — существенная часть «Слова» как призыва к ее защите от внешних врагов.

«Слово о полку Игореве» — произведение поразительно цельное. Художественная форма «Слова» очень точно соответствует его идейному замыслу. Все образы «Слова» способствуют выявлению его основной идеи — идеи единства Руси.

Образы русских князей в „Слове о полку Игореве“

Отношение автора «Слова о полку Игореве» к русским князьям двойственное: он видит в них представителей Руси, он им сочувствует, гордясь их успехами, скорбя об их неудачах, но осуждает их эгоистическую, узко местную политику и их раздоры, их нежелание совместно защищать Русскую землю.

На примере похода Игоря Святославича Новгород-Северского автор показывает, к чему может привести отсутствие единения. Игорь терпит поражение только потому, что пошел в поход один. Он действует по феодальной формуле: «мы собе, а ты собе». Слова Святослава Киевского, обращенные к Игорю Святославичу, характеризуют в известной мере и отношение к нему автора «Слова». Святослав упрекает Игоря и Всеволода в том, что они без сговора

с ним отправились в поход, ища себе славы. Он упрекает их в том, что они хотели похитить славу его побед над половцами и разделить только между собою славу своего похода.

В этих же чертах выдержан и весь рассказ о походе Игоря: храбрый, но недальновидный Игорь идет в поход, несмотря на то что поход этот с самого начала обречен на неуспех; он идет, несмотря на все неблагоприятные «знамения». Игорь любит родину, Русь, но основным побуждением его является стремление к личной славе. Игорь говорит: «Братие и дружино! Луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти; а всядемъ, братие, на свои бръзыя комони, да позримъ синего Дону»; и еще: «Хощу бо, — рече, — копие приломити конець поля Половецкаго; съ вами, русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону». Желание личной славы «заступает ему знамение».

Однако автор подчеркивает, что поступки Игоря Святославича обусловлены в большей мере понятиями его среды, чем его личными свойствами. Сам по себе Игорь Святославич скорее даже хорош, чем плох, но деяния его плохи, потому что над ними господствуют предрассудки феодального общества, идеология господствующего класса. Поэтому в образе Игоря на первый план выступает общее, а не индивидуальное. Игорь Святославич — «средний» князь своего времени: храбрый, мужественный, в известной мере любящий родину, но безрассудный и недальновидный, заботящийся о своей чести больше, чем о чести родины.

С гораздо большим осуждением говорит автор «Слова о полку Игореве» о родоначальнике князей ольговичей и деде Игоря Святославича — Олеге Гориславиче, внуке Ярослава Мудрого и постоянном противнике Владимира Мономаха. Вспоминая этого Олега (Олег жил во второй половине XI — начале XII века; умер в 1115 году), автор «Слова» говорит, что он мечом крамолу ковал и стрелы по земле сеял, при нем сеялась и прорастала усобицами Русская земля. Автор «Слова» отмечает гибельность крамол Олега прежде всего для трудового народа, для крестьянства: «Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нъ часто врани граяхуть, трупиа себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедие». Автор наделяет Олега

ироническим отчеством «Гориславич», имея в виду, конечно, не его личное горе, а народное горе, вызванное усобицами Олега.

Зачинателем усобиц изображен и родоначальник полоцких князей Всеслав Полоцкий. Весь текст о Всеславе представляет собою размышление о его злосчастной судьбе. Всеслав изображен в «Слове» с осуждением, но и с некоторой, правда очень незначительной, долей сочувствия. Это неприкаянный князь, мечущийся, как затравленный зверь, хитрый, «вещий» неудачник. Перед нами исключительно яркий образ князя периода феодальной раздробленности Руси.

В остальных русских князьях автор «Слова о полку Игореве» в большей мере отмечает их положительные черты, чем отрицательные. Автор подчеркивает подвиги русских князей, рисует их могущество, их славу. В образах русских князей отражены его мечты о сильной власти на Руси, о военном могуществе русских князей. Владимир I Святославич так часто ходил в походы на врагов, что его «нельзя было пригвоздить к горам киевским». Всеволод Суздальский может Волгу веслами расплескать, а Дон шлемами вылить, и автор «Слова» скорбит о том, что этого князя нет сейчас на юге. Ярослав Осмомысл подпер горы венгерские своими железными полками, загородил дорогу венгерскому королю, отворял Киеву ворота, стрелял в салтанов за землями.

Понятие гиперболы может быть применено к «Слову о полку Игореве» лишь с большими ограничениями. Впечатление гиперболы достигается в «Слове» тем, что на того или иного князя переносятся подвиги его дружины. Так, например, Всеволод буй тур прыщет на врагов стрелами, гремит о шлемы мечами харалужными; шлемы оварские «поскепаны» его калеными саблями. Конечно, стрелы, мечи и сабли — не личные Всеволода. Автор «Слова» говорит здесь о том, что Всеволод прыщет на врагов стрелами своей дружины, сражается ее мечами и ее саблями. То же перенесение подвигов дружины на князя видим мы и в других случаях. Святослав Киевский «притрепал» коварство половцев «своими сильными плъкы и харалужными мечи»; Всеволод Суздальский может «Донъ шеломы выльяти» — конечно, не своим одним шлемом, а многими шлемами своего войска.

Совсем особую группу составляют женские образы «Слова о полку Игореве»: все они овеяны мыслью о мире, о семье, о доме, проникнуты нежностью и лаской, ярко народным началом; в них воплощена печаль и забота родины о своих воинах. В идейном замысле автора эти женские образы занимают очень важное место.

Жены русских воинов после поражения Игорева войска плачут о своих павших мужьях. Их плач, полный нежности и беспредельной грусти, носит глубоко народный характер: «Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати». Тот же народно-песенный характер носит и плач Ярославны — юной жены Игоря. Замечательно, что Ярославна оплакивает не только пленение своего мужа — она скорбит о всех павших русских воинах: «О вѣтрѣ, вѣтрило! Чему, господине, насильно вѣеши? Чему мычеши хиновьскыя стрѣлкы на своею нетрудною крилцю на моея лады вои?.. Свѣтлое и тресвѣтлое слънце! Всѣмъ тепло и красно еси: чему, господине, простре горячюю свою лучю на ладѣ вои?»

Противопоставление войны миру, воплощенному в образе русских женщин, особенно ярко в лирическом обращении автора «Слова» к Всеволоду буй туру. В разгар боя Всеволод не чувствует на себе ран, он забыл честь и жизнь и своей милой, любимой «красныя Глѣбовны свычая и обычая». Характерно, что ни один переводчик «Слова» не смог удовлетворительно перевести превосходное и, в сущности, хорошо понятное выражение: «свычая и обычая».

Итак, образы русских князей, женские образы «Слова о полку Игореве» даны не сами по себе — они служат идеям автора, служат целям все того же призыва к единению. Перед нами и здесь «Слово» выступает как произведение исключительно целеустремленное. Рукою художника — автора «Слова» — водила политическая мысль, мысль страстная, полная горячей любви к родине.

Образ Бояна

Особняком в «Слове о полку Игореве» стоит образ певца-поэта Бояна. Отношение к нему у автора «Слова» сложное: с воспоминания о Бояне он начинает свое вступление, его он рисует

великим поэтом прошлого, однако одновременно автор «Слова» считает невозможным следовать старым поэтическим приемам Бояна.

Боян — «вещий», он «внук» (потомок) языческого бога Велеса. Это «соловей старого времени». Боян сам слагал свои песни и сам их пел, сопровождая их игрой на каком-то струнном инструменте. Он был хотью (любимцем) князя Олега Святославича (Олега Гориславича) — родоначальника князей ольговичей. Его песни — «славы» князьям. Боян пел песнь «старому Ярославу» (Ярославу Мудрому), храброму Мстиславу Тмутороканскому, Роману Святославичу. Его струны сами рокотали славу князьям. В своей высокопарной манере Боян как бы летал умом под облаками, «скакал соловьем» по воображаемому дереву, рыскал по тропе Трояна через поля на горы.

Свое произведение автор «Слова о полку Игореве» противопоставляет произведениям Бояна: «Начати же ся тъй пѣсни по былинамь сего времени (то есть по действительным событиям нашего времени), а не по замышлению Бояню». При всем своем уважении к славе и величию Бояна автор «Слова» подчеркивает неприемлемость для себя его «старых словес».

Эту последнюю сторону отношения автора «Слова» к Бояну хорошо определил Пушкин в своих оставшихся незаконченными подготовительных заметках к переводу «Слова»: «Стихотворцы никогда не любили упрека в подражании, и неизвестный творец «Слова о полку Игореве» не преминул объявить в начале своей поэмы, что он будет петь по-своему, по-новому, а не тащиться по следам старого Бояна».

В идейном замысле «Слова о полку Игореве» образ Бояна имеет существенное значение. Он нужен автору для того, чтобы подчеркнуть, что он следует в своем повествовании за действительными событиями «сего времени»; он нужен автору, чтобы указать, что «Слово» правдиво, что оно не занимается высокопарным восхвалением подвигов князей. Автор «Слова» не отрицательно относится к русским князьям, как не отрицательно относится он и к Бояну, но его произведение — не «слава», не «хвала» князьям, и сам он не следует традициям хвалебной поэзии Бояна.

„Слово о полку Игореве“ и русская народная поэзия

Если мы присмотримся к тем художественным средствам, которыми пользуется автор «Слова о полку Игореве», то убедимся, что в основном он черпает их из устной народной поэзии и из устной русской речи. И это далеко не случайно. С народной поэзией связывают его не только художественные вкусы, но мировоззрение, политические взгляды. Автор «Слова» творит в формах народной поэзии потому, что сам он близок к народу.

Народные образы «Слова о полку Игореве» тесно связаны с его народными же идеалами. Художественная сторона и идейная неотделимы в «Слове» друг от друга. Вот, например, обычное в «Слове» сравнение битвы с жатвой: при Олеге Гориславиче Русская земля «сѣяшется и растяшеть усобицами»; в битве Игоря с половцами «чрьна земля подъ копыты костьми была посѣяна, а кровию польяна»; о битве Всеслава на реке Немиге сказано: «На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чепи харалужными, на тоцѣ животъ кладутъ вѣютъ душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни — посѣяни костьми рускихъ сыновѣ». Эти сравнения были очень часты в устной народной поэзии. Они встречаются и позднее — в записях русских, украинских и белорусских песен, сделанных в XVIII и XIX веках. В старых солдатских и казачьих песнях мы находим такие строки:

Посеяна новая пашня
Солдатскими головами.
Поливаиа новая пашия
Горячей солдатской кровью.

Или:

Не плугами поле, не сохами пораспахано,
А распахано поле конскими копытами,
Засеяно поле не всхожими семенами,
Засеяно казачьими головамн,
Заволочено поле казачьими черными кудрями.

Или:

Чорна роля [пашня] забрана,
Кулямн засіяна,
Білим тілом зволочена,
І кров'ю сполощена.

Замечательно, однако, что это сравнение поля битвы с пашней в «Слове о полку Игореве» и в народной поэзии имеет глубокий идейный смысл. Это даже и не сравнение, а противопоставление: в «Слове» и в народной поэзии противопоставляется война — мирному труду, разрушение — созиданию, смерть — жизни (по-древнерусски «жизнь» — не только «существование», но и богатство, плоды земледельческого труда, «жито»).

Образы мирного труда, пронизывающие все «Слово о полку Игореве» в целом, делают это произведение апофеозом мира. «Слово» призывает к борьбе с половцами, в первую очередь, во имя защиты мирного труда.

Противопоставление мира войне пронизывает и другие части «Слова о полку Игореве». Автор «Слова» обращается к образу пира как к апофеозу мирного труда: «ту кроваваго вина не доста; ту пиръ докончаша храбрии русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую». С поразительной конкретностью противопоставляя русских их врагам, он называет последних сватами: Игорь Святославич действительно приходился сватом Кончаку (дочь Кончака была помолвлена с сыном Игоря — Владимиром). Отсюда следует, что образ пира-битвы не просто заимствован из народной поэзии, где он обычен, а умело осмыслен. Той же цели противопоставления мира войне служат и женские образы «Слова»: Ярославна и красная Глебовна.

Встречаются в «Слове о полку Игореве» и другие признаки его тесной связи с устной народной поэзией: отрицательные метафоры («Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни — посѣяни костьми рускихъ сыновъ»), некоторые типично народные эпитеты (чистое поле, серые волки, острые мечи, синее море, каленые стрелы, борзые кони, черный ворон, красные девы и многие другие). Приводятся в «Слове» плачи (плач Ярославны, плач русских жен) и прославления («Слово» заключается «славой» русским князьям).

Мы уже сказали выше, что эта связь автора «Слова о полку Игореве» с народной поэзией не была случайной. Автор «Слова» занимал свою независимую патриотическую позицию, по духу своему близкую широким слоям трудового населения Руси. Его произ-

ведение — горячий призыв к единству Руси перед лицом внешней опасности, призыв к защите мирного, созидательного труда русских людей. Вот почему художественная, поэтическая система «Слова» тесно связана с русским народным творчеством.

Ритмичность „Слова о полку Игореве“

Не раз делались попытки разложить текст «Слова о полку Игореве» на стихи, найти в «Слове» тот или иной стихотворный размер. Однако все эти попытки не привели ни к чему, так как «Слово», конечно, не написано по законам современного нам стихосложения. Оно ритмично, но его ритмическая система глубоко своеобразна, принадлежит своему времени — XII веку — и не поддается разложению на современные нам стихотворные размеры.

Ритм «Слова» в основном связан с синтаксическим построением фраз, неразрывен со смыслом, с содержанием текста.

Тревожный ритм коротких синтаксически-смысловых единиц превосходно передает волнение Игоря перед бегством:

Игорь спитъ,
Игорь бдитъ,
Игорь мыслию поля мѣритъ.

Или:

Кликну,
стукну земля,
въшумѣ трава,
вежи ся половецкии подвизашася.

Иной ритм — ритм большого, свободного дыхания народного плача — чувствуется в обращениях Ярославны к солнцу, к ветру, к Днепру:

О Днепре Словутицю!
Ты пробилъ еси каменныя горы
сквозѣ землю Половецкую.
Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли насады
до плъку Кобякова.
Възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ,
а быхъ не слала къ нему слезъ
на море рано.

Бодрый и энергичный ритм мчащегося войска чувствуется в описании кметей Всеволода буй тура:

...под трубами повити,
под шеломы възлѣлѣяни,
конець копия вѣскръмлеии,
пути имь вѣдоми,
яругы имь знаеми,
луци у нихъ напряжени,
тули отворени,
сабли изъострени;
сами скачють, акы сѣрыи влъци въ полѣ,
ищучи себе чти, а князю славѣ.

Торжество победы русских над половцами превосходно передано энергичной фразой, лишенной сказуемого и потому производящей впечатление радостного возгласа, выкрика:

Чрьленъ стягъ,
бѣла хорюговь,
чрьлена чолка,
сребрено стружие —
храброму Святъславличю!

Ритмичность «Слова о полку Игореве» теснейшим образом связана со всей его композицией. Ритмично все построение «Слова» в целом. Ритмичны равномерные переходы от одной темы к другой. Ритмичны равномерно распределяющиеся в «Слове» лирические отступления, повторяющиеся лирические восклицания. Дважды повторено в «Слове» восклицание: «О Руская землѣ! уже за шеломянемъ еси!» Дважды повторено восклицание: «А Игорева храбраго плъку не крѣсити!» Трижды повторен призыв: «За землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святъславича!» Ритмично повторяются одинаково построенные обращения Ярославны к ветру, к Днепру и к солнцу. Ритмично сменяют друг друга призывы к русским князьям: к Всеволоду, к Рюрику и Давыду, к Ярославу Осмомыслу. Ритмичность речи подчеркивают одинаковые начала фраз:

Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы;
ту кроваваго вина не доста;
ту пиръ докончаша храбрии русичи.

Уже снесеся хула на хвалу;
уже тресну нужда на волю.

Ритмичность достигается также сходным синтаксическим построением фраз:

...притопта хлъми и яругы,
взмути рѣкы и озеры,
иссуши потокы и болота.

Ритм речи создают и излюбленные в «Слове» парные сочетания: «чти и живота», «свычая и обычая», «туга и тоска», «отъ Дона и отъ моря», «въ ты рати и въ ты пълкы», «что ми шумить, что ми звенить», «хълми и яругы», «рѣкы и озеры», «потокы и болота» и т. д. Наконец, ритм в «Слове» связан и с постоянными противопоставлениями:

Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша,
а храбрии русици преградиша чръленымн щиты.

рѣтко ратаевѣ кикахуть,
нъ часто врани граяхуть.

Коли Игорь соколомъ полетѣ,
тогда Влуръ влъкомъ потече.

Противопоставления эти неразрывны с основным содержанием «Слова», отвечают его идейному замыслу.

Итак, гибкий ритм «Слова о полку Игореве» подчинен содержанию. Ритм «Слова» меняется, близко следуя смыслу, содержанию произведения. В этом точном соответствии ритмической формы и идейного содержания «Слова» — одно из важнейших оснований своеобразной музыкальности его языка.

Кем был автор „Слова о полку Игореве“

Автор «Слова» мог быть приближенным Игоря Святославича: он ему сочувствует. Он мог быть и приближенным Святослава Киевского: он сочувствует и ему. Он мог быть черниговцем и киев-

лянином. Он мог быть дружинником: дружинными понятиями он пользуется постоянно. Он, несомненно, был книжно образованным человеком и по своему социальному положению вряд ли принадлежал к эксплуатируемому классу населения. Однако в своих политических воззрениях он не был ни «придворным», ни дружинником, ни защитником местных интересов, ни идеологом князей, бояр или духовенства. Где бы ни было создано «Слово» — в Киеве, в Чернигове, в Галиче, в Полоцке или в Новгород-Северском, — оно не воплотило в себе никаких областных черт. И это произошло, в первую очередь, потому, что автор «Слова» занимал свою, независимую от правящей верхушки феодального общества патриотическую позицию. Ему были чужды местные интересы феодальных верхов и близки интересы широких слоев русского трудового населения, повсюду стремившегося к единству Руси.

Автор «Слова» — выразитель чаяний и настроений трудового народа Руси, хотя сам, вероятно, не был ни крестьянином, ни ремесленником, а скорее всего принадлежал к дружинникам.

Самое имя автора «Слова» нам неизвестно и вряд ли станет когда-нибудь известно. Все попытки точно выяснить имя автора «Слова», которые до сих пор были сделаны, не выходят за пределы самых шатких и фантастических предположений.

„Слово о полку Игореве“ в древнерусской литературе

Знакомство со «Словом о полку Игореве» отчетливо обнаруживается во всем последующем развитии древней русской литературы. Так, например, в одной богослужебной книге — в так называемом псковском «Апостоле» 1307 года, хранящемся в Государственном Историческом музее в Москве, — имеется следующая приписка, сделанная переписчиком на последнем листе рукописи: «Сего же лета бысть бой на Русьской земли Михаил с Юрьем о княженье новгородьское. При сих князех сеяшется и ростяше усобицами, гыняше жизнь наша в князех, котóры и веци скоротишася человеком». Приписка эта в своей второй половине представляет собой переделку следующего места из «Слова»: «Тогда, при Олзѣ Гориславличи, съяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь

Даждьбожа внука; въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомь скратишась».

В самом начале XV века «Слово о полку Игореве» послужило литературным образцом для создания «Задонщины». «Задонщина» — это небольшое поэтическое произведение, посвященное прославлению победы Дмитрия Донского на Куликовом поле, «за Доном». «Задонщина» пользуется образами «Слова о полку Игореве», противопоставляя печальное прошлое радости победы. Правда, автор «Задонщины» не всюду понял «Слово», исказил и ослабил многие его художественные образы.

Через «Задонщину», а может быть, и непосредственно «Слово о полку Игореве» оказало влияние и на другое произведение о Донской битве — на так называемое «Сказание о Мамаевом побоище».

В XVI веке «Слово о полку Игореве», без сомнения, переписывалось в Пскове или в Новгороде, так как сгоревшая во время пожара 1812 года рукопись «Слова» была именно этого происхождения.

Таким образом, «Слово о полку Игореве» время от времени давало о себе знать в различных областях Руси. Его читали и переписывали, в нем искали вдохновения для собственных произведений. Созданное на юге Руси, «Слово» «не затерялось, — по выражению академика А. С. Орлова, — на границе «дикого поля»; оно обошло весь горизонт русской территории, не раз пересекло его окружность».

Открытие „Слова о полку Игореве", его издание и изучение

Один из списков «Слова о полку Игореве», относящийся, по-видимому, к XVI веку, был найден в начале 90-х годов XVIII века известным любителем и собирателем русских древностей А. И. Мусиным-Пушкиным. Текст «Слова» находился в сборнике древнерусских произведений светского содержания. Сборник этот был приобретен А. И. Мусиным-Пушкиным через своего комиссионера в числе других рукописей из Спасо-Ярославского монастыря. Первое, очень краткое сообщение о «Слове» было сделано известным поэтом того времени Херасковым в 1797 году во втором издании

его поэмы «Владимир». Затем о «Слове» несколько более подробно сообщил Карамзин в октябрьской книжке за 1797 год журнала «Spectateur du Nord»[1], издававшегося французскими эмигрантами в Гамбурге. С рукописи «Слова» сняты были копии; одна из них, предназначавшаяся для Екатерины II, до нас дошла. В 1800 году «Слово» было издано Мусиным-Пушкиным в сотрудничестве со своими учеными друзьями: А. Ф. Малиновским, Н. Н. Бантыш-Каменским и историком Н. М. Карамзиным — тремя лучшими в то время знатоками древнерусских рукописей. В 1812 году сборник, включавший «Слово о полку Игореве», сгорел во время московского пожара. Сгорела и бо́льшая часть экземпляров первого издания «Слова».

Сличение екатерининской копии и издания 1800 года наглядно показывает, как многого не понимали первоначально в «Слове о полку Игореве» из-за естественной для конца XVIII века неосведомленности в истории русского языка или неумения читать древние рукописи. То, что сейчас кажется нам простым и ясным в «Слове», не было «узнано» его первыми издателями. Они внесли в и без того испорченный переписчиками XII—XVI веков текст «Слова» свои собственные ошибки, кое-где не сумев его правильно прочесть. Но эти же ошибки издателей свидетельствуют вместе с тем и об их добросовестности: они предпочитали оставлять текст «темным», чем произвольно его «просветлять».

Явное непонимание текста «Слова о полку Игореве» заметно во многих местах первого издания, где неправильно разделены или слиты слова текста (в подлиннике, по свидетельству А. И. Мусина-Пушкина, слова были писаны в сплошную строку, как это было принято в XVI веке). Так, например, в первом издании «Слова» напечатано раздельно «по скочи» вместо «поскочи», «затвори въ Дунаю» вместо «затворивъ Дунаю», «мужа имѣ ся» вместо «мужаимѣся» и т. д. Непонятные им слова первые издатели «Слова» писали иногда с прописных букв, предполагая в них собственные имена. Так получились: село в Переяславской области «Шеломянем», в то время как мы знаем, что «шеломя» — это холм, «Ко-

---

[1] «Северное обозрение» (*франц.*).

щей» — якобы собственное имя половца, тогда как «кощей» — это древнерусское слово, означающее «раб», и др. Наконец, первые издатели «Слова» оставили вовсе без перевода такое ясное для нас место, как: «великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше» — «волком перебегал дорогу богу Хорсу», то есть «поспевал до восхода солнца».

Идеи «Слова о полку Игореве» не были поняты; не находили понимания и все типично русские особенности формы «Слова» — соответствие народной поэзии, летописи, произведениям древней русской литературы.

В дальнейшем были объяснены многие исторические детали в «Слове о полку Игореве»; стали ясными многие явления языка «Слова», казавшиеся непонятными в конце XVIII — начале XIX века; параллели к образам и фразеологии «Слова» были обнаружены в народной поэзии и во многих книжных произведениях XI—XIII веков, остававшихся ранее неизвестными.

«Слово о полку Игореве» изучалось литературоведами, поэтами, лингвистами и историками. «Словом» занимался Пушкин, оставивший нам черновики своей подготовительной работы к его переводу. «Слово» переводили В. Жуковский, А. Майков, Л. Мей и многие другие русские поэты XIX века.

Не было ни одного крупного русского ученого-филолога, который не писал бы о «Слове о полку Игореве». Всего в исследовательской литературе насчитывается более семисот работ о «Слове». Оно переведено на все славянские и на большинство западноевропейских языков. Дорогие, великолепно исполненные и тщательно комментированные издания «Слова», вышедшие в славянских странах, свидетельствуют о напряженном интересе к «Слову о полку Игореве» у братских нам народов.

Многочисленные переводы «Слова о полку Игореве» на языки народов СССР, издания и исследования «Слова», сделанные после Великой Октябрьской социалистической революции, говорят о любви всего советского народа к этому замечательному патриотическому произведению русской литературы.

Д. Лихачев

СЛОВО
О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

ТЕКСТ

И

ПЕРЕВОД

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЗАМЕТКА

Из двух сохранившихся воспроизведений погибшей рукописи «Слова о полку Игореве»: писарской копии, составленной для Екатерины II, и издания 1800 года, лучшим является издание 1800 года. Оно и положено в основу издаваемого ниже древнерусского текста «Слова о полку Игореве». Однако в текст этого первого издания внесен ряд поправок: во-первых, тогда, когда текст копии, составленный для Екатерины II, лучше передает погибшую рукопись, и, во-вторых, тогда, когда текст первого издания явно ошибочен.

Буква «і» заменена в нашем издании буквой «и» («і» была проставлена в первом издании по правилам орфографии XVIII века). Буква «ѣ» (ять) сохранена; ее следует произносить как «е». Читая «Слово», следует иметь в виду, что орфография в древнерусском языке не была окончательно устоявшейся, что одно и то же слово писалось иногда по-разному. Пунктуация проставлена современная (в древнерусских рукописях пунктуация не похожа на нашу; она не была воспроизведена ни в первом издании, ни в копии). Текст «Слова о полку Игореве» разбит на абзацы и на ритмические единицы. Этой разбивки в подлинной рукописи «Слова» также не было. В русских рукописях XI—XVII веков текст писался в сплошную строку — в том числе и текст поэтический.

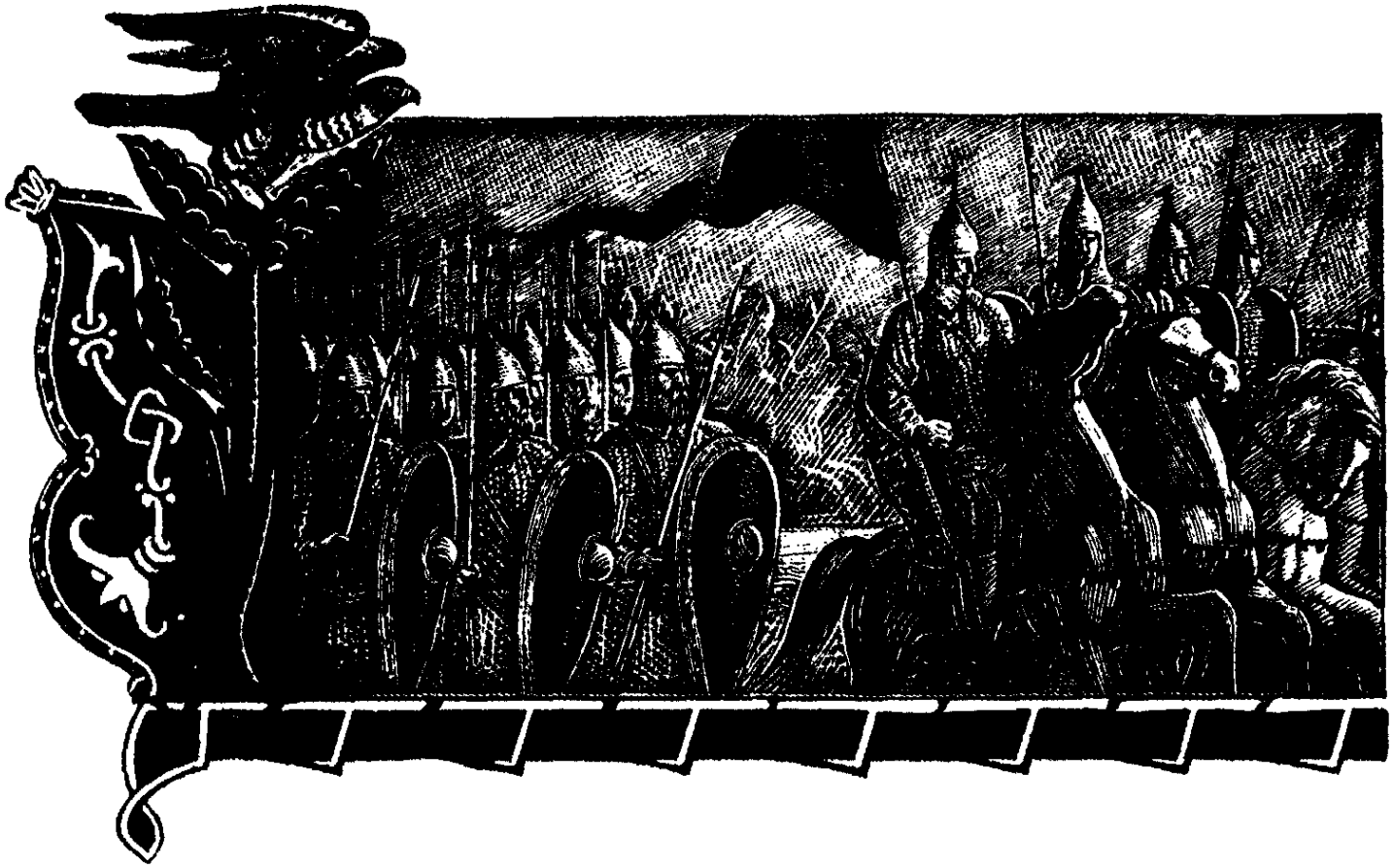
Каждая строка перевода «Слова» соответствует строке подлинного древнерусского текста. Ни подлинный текст, ни перевод не следует читать так, как читают современные стихи. Ритм «Слова» синтаксически-смысловой: в отдельные строки выделяются синтаксические и смысловые части; этим подчеркиваются синтаксические и смысловые повторения, схожие по грамматическому построению места.

При чтении древнерусского текста «Слова о полку Игореве» следует иметь в виду, что сочетания «лъ» и «ръ» в середине слов следует по большей части читать как «ол», «ел» и «ор», «ер». Например, слово «плъкы» читается «полкы», «пръсты» — «персты», «бръзыя» — «борзыя», «чрълеными» — «черлеными» и т. д.

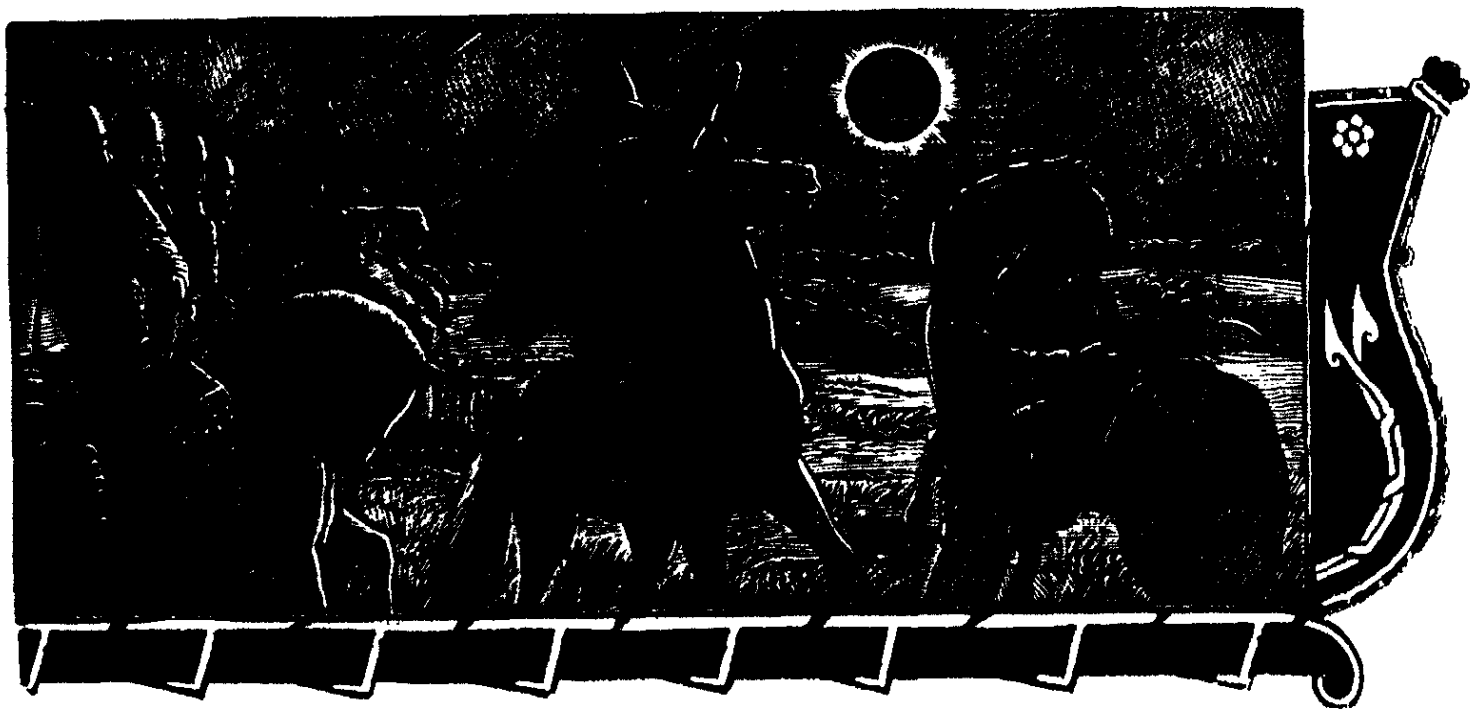
Примечания к тексту «Слова о полку Игореве» см. на стр. 181—220.

Слово о полку Игоревѣ,
Игоря, сына Святъславля,
внука Ольгова

Повесть о походе Игоревом,
Игоря, сына Святославова,
внука Олегова



Не лѣпо ли ны бяшетъ, братие,
начяти старыми словесы
трудныхъ повѣстий о пълку Игоревѣ,
Игоря Святъславлича?
Начати же ся тъй пѣсни
по былинамь сего времени,
а не по замышлению Бояню.
Боянъ бо вѣщий,
аще кому хотяше пѣснь творити,
то растѣкашется мыслию по древу,
сѣрымъ вълкомъ по земли,
шизымъ орломъ подъ облакы.



не пристало ли нам, братья,
начать старыми словами
печальные повести о походе Игоревом,
Игоря Святославича?
Пусть начнется же песнь эта
по былинам нашего времени,
а не по замышлению Бояна.
Боян же вещий,
если хотел кому песнь воспеть,
то растекался мыслию по древу,
серым волком по земле,
сизым орлом под облаками.

Помняшеть бо, рече,
първыхъ временъ усобицѣ.
Тогда пущашеть 10 соколовь на стадо лебедѣй:
которыи дотечаше,
та преди пѣснь пояше —
старому Ярославу,
храброму Мстиславу,
иже заръза Редедю предъ пълкы касожьскыми,
красному Романови Святъславличю.
Боянъ же, братие, не 10 соколовь
на стадо лебедъй пущаше,
нъ своя въщиа пръсты
на живая струны въскладаше;
они же сами княземъ славу рокотаху.

Почнемъ же, братие, повѣсть сию
отъ стараго Владимера до нынъшняго Игоря,
иже истягну умь крѣпостию своею
и поостри сердца своего мужествомъ;
наплънився ратнаго духа,
наведе своя храбрыя плъкы
на землю Половъцькую
за землю Руськую.

Тогда Игорь възрѣ
на свътлое солнце

Вспоминал он, как говорил,
первых времен усобицы.
Тогда напускал десять соколов на стадо лебедей:
какую лебедь настигали,
та первой и пела песнь —
старому Ярославу,
храброму Мстиславу,
что зарезал Редéдю пред полками касóжскими,
красному Роману Святославичу.
Боян же, братья, не десять соколов
на стадо лебедей напускал,
но свои вещие персты
на живые струны воскладал;
они же сами князьям славу рокотали.

Начнем же, братья, повесть эту
от старого Владимира до нынешнего Игоря,
который скрепил ум силою своею
и поострил сердце свое мужеством;
исполнившись ратного духа,
навел свои храбрые полки
на землю Половецкую
за землю Русскую.

Тогда Игорь взглянул
на светлое солнце

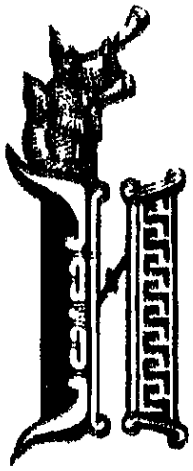
и видѣ отъ него тьмою
вся своя воя прикрыты.
И рече Игорь
къ дружинѣ своей:
«Братие и дружино!
Луце жъ бы потяту быти,
неже полонену быти;
а всядемъ, братие,
на свои бръзыя комони,
да позримъ
синего Дону».
Спалъ князю умь
похоти
и жалость ему знамение заступи
искусити Дону великаго.
«Хощу бо, — рече, — копие приломити
конець поля Половецкаго;
съ вами, русици, хощу главу свою приложити,
а любо испити шеломомь Дону».

О Бояне, соловию стараго времени!
Абы ты сиа плъкы ущекоталъ,
скача, славию, по мыслену древу,
летая умомъ подъ облакы,
свивая славы оба полы сего времени,
рища въ тропу Трояню
чресъ поля на горы.

и увидел воинов своих
тьмою прикрытых.
И сказал Игорь-князь
дружине своей:
«О дружина моя и братья!
Лучше ведь убитым быть,
чем плененным быть;
сядем же, братья,
на борзы́х коней
да посмотрим хоть
на синий Дон».
Ум князя уступил
желанию,
и охота отведать Дон великий
заслонила ему предзнаменование.
«Хочу, — сказал, — копье преломить
на границе поля Половецкого;
с вами, русичи, хочу либо голову свою сложі
либо шлемом испить из Дону».

О Боян, соловей старого времени!
Вот бы ты походы те воспел,
скача, соловей, по мысленному дереву,
летая умом по подоблачью,
свивая славу обеих половин сего времени,
рыща по тропе Трояна
через поля на горы.

Пѣти было пѣснь Игореви,
того внуку:
«Не буря соколы занесе
чрезъ поля широкая —
галици стады бѣжать
къ Дону великому».
Чи ли въспѣти было,
вѣщей Бояне,
Велесовь внуче:
«Комони ржуть за Сулою —
звенить слава въ Кыевѣ;
трубы трубять въ Новъградѣ —
стоять стязи въ Путивлѣ!»



горь ждетъ мила брата Всеволода.
И рече ему буй туръ Всеволодъ:
«Одинъ братъ,
одинъ свътъ свѣтлый —
ты, Игорю!
оба есвѣ Святъславличя!
Сѣдлай, брате,
свои бръзыи комони,
а мои ти готови,
осъдлани у Курьска напереди.

Так бы пришлось внуку Велеса
воспеть песнь Игорю:
«Не буря соколов занесла
через поля широкие —
стаи галок бегут
к Дону великому».
Или так бы начать тебе петь,
вещий Боян,
Велесов внук:
«Кони ржут за Сулой —
звенит слава в Киеве;
трубы трубят в Новгороде —
стоят стяги в Путивле!»

Игорь ждет милого брата Всеволода.
И сказал ему буй тур Всеволод:
«Один брат,
один свет светлый —
ты, Игорь!
Оба мы — Святославичи!
Седлай же, брат,
своих борзых коней,
а мои-то готовы,
оседланы у Курска еще ран

А мои ти куряни свѣдоми къмети:
подъ трубами повити,
подъ шеломы възлѣлѣяни,
конець копия въскръмлени,
пути имь вѣдоми,
яругы имь знаеми,
луци у нихъ напряжени,
тули отворени,
сабли изъострени;
сами скачють, акы сѣрыи влъци въ полѣ,
ищучи себе чти, а князю славѣ».

Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремень
и поѣха по чистому полю.
Солнце ему тъмою путь заступаше;
нощь стонущи ему грозою птичь убуди;
свистъ звѣринъ въста,
збися дивъ —
кличетъ връху древа,
велитъ послушати — земли незнаемѣ,
Влъзѣ,
и Поморию,
и Посулию,
и Сурожу,
и Корсуню,
и тебѣ, Тьмутороканьскый блъванъ!

А мои-то куряне — опытные воины:
под трубами повиты,
под шлемами взлелеяны,
с конца копья вскормлены,
пути им ведомы,
овраги им знаемы,
луки у них натянуты,
колчаны отворены,
сабли изо́стрены;
сами скачут, как серые волки в поле,
ища себе чести, а князю славы».

Тогда вступил Игорь-князь в золотое стремя
и поехал по чистому полю.
Солнце ему тьмою путь заступало;
ночь стонами грозы птиц пробудила;
свист звериный встал,
взбился див —
кличет на вершине дерева,
велит прислушаться — земле незнаемой,
Волге,
и Поморью,
и Посулью,
и Сурожу,
и Корсуню,
и тебе, Тмутороканский идол!

А половци неготовами дорогами
побѣгоша къ Дону великому:
крычатъ тѣлѣгы полунощы,
рци, лебеди роспущени.

Игорь къ Дону вои ведетъ!

Уже бо бѣды его пасетъ птиць
по дубию;
влъци грозу въсрожатъ
по яругамъ;
орли клектомъ на кости звѣри зовутъ;
лисици брешутъ на чръленыя щиты.

О Руская земле! уже за шеломянемъ еси!

Длъго ночь мрькнетъ.
Заря свѣтъ запала,
мъгла поля покрыла.
Щекотъ славий успе;
говоръ галичь убуди.
Русичи великая поля чрьлеными щиты прегородиша,
ищучи себѣ чти, а князю — славы.

Съ зарания въ пятокъ
потопташа поганыя плъкы половецкыя,
и рассушясь стрѣлами по полю,

И половцы непроложенными дорогами
побежали к Дону великому:
кричат телеги в полуночи,
словно лебеди распущенные.

А Игорь к Дону воинов ведет!

Уже несчастий его подстерегают птицы
по дубам;
волки грозу подымают
по оврагам;
орлы клектом на кости зверей зовут;
лисицы брешут на червленые щиты.

О Русская земля! уже ты за холмом!

Долго ночь меркнет.
Заря свет уронила,
мгла поля покрыла.
Щекот соловьиный уснул,
говор галок пробудился.
Русичи великие поля червлеными щитами перегородили
ища себе чести, а князю — славы.

Спозаранок в пятницу
потоптали они поганые полки половецкие
и, рассыпавшись стрелами по полю,

помчаша красныя дѣвкы половецкыя,
а съ ними злато,
и паволокы,
и драгыя оксамиты.
Орьтъмами,
и япончицами,

и кожухы
начашя мосты мостити по болотомъ
и грязивымъ мѣстомъ,
и всякыми узорочьи половѣцкыми.
Чрьленъ стягъ,
бѣла хорюговь,
чрьлена чолка,
сребрено стружие —
храброму Святъславличю!

помчали красных девушек половецких,
а с ними золото,
и па́волоки,
и дорогие оксами́ты.
Покрывалами,
и плащами,

и кожухами
стали мосты мостить по болотам
и по топким местам,
и всякими узорочьями половецкими.
Червлен стяг,
белая хоругвь,
червлена чёлка,
серебряно древко —
храброму Святославичу!

Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо.
Далече залетѣло!
Не было оно обидѣ порождено,
ни соколу,
ни кречету,
ни тебѣ, чръный воронъ,
поганый половчине!
Гзакъ бежитъ сѣрымъ влъкомъ,
Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону великому.

Другаго дни велми рано
кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ;
чръныя тучя съ моря идутъ,
хотятъ прикрыти 4 солнца,
а въ нихъ трепещуть синии млънии.
Быти грому великому,
Идти дождю стрѣлами съ Дону великаго!
Ту ся копиемъ приламати,
ту ся саблямъ потручяти
о шеломы половецкыя,
на рѣцѣ на Каялѣ,
у Дону великаго!

О Руская землѣ! уже за шеломянемъ еси!

Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами
на храбрыя плъкы Игоревы.
Земля тутнетъ,

Дремлет в поле Олегово храброе гнездо.
Далеко залетело!
Не было оно в обиду порождено
ни соколу,
ни кречету,
ни тебе, черный ворон,
поганый половец!
Гзак бежит серым волком,
а Кончак ему путь указывает к Дону великому.

На другой день спозаранок
кровавые зори свет возвещают;
черные тучи с моря идут,
хотят прикрыть четыре солнца,
а в них трепещут синие молнии.
Быть грому великому,
Пойти дождю стрелами с Дона великого!
Тут копьям изломиться,
тут саблям побиться
о шлемы половецкие
на реке на Каяле,
у Дона великого!

О Русская земля! уже ты за холмом!

Вот ветры, внуки Стрибога, веют с моря стрелами
на храбрые полки Игоревы.
Земля гудит,

рѣкы мутно текуть,
пороси поля прикрываютъ,
стязи глаголютъ:
половци идуть отъ Дона,
и отъ моря,
и отъ всѣхъ странъ Рускыя плъкы оступиша.
Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша,
а храбрии русици преградиша чрълеными щиты.

Яръ туре Всеволодѣ!
Стоиши на борони,
прыщеши на вои стрѣлами,
гремлеши о шеломы мечи харалужными!
Камо, туръ, поскочяше,
своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая,
тамо лежатъ поганыя головы половецкыя.
Поскепаны саблями калеными шеломы оварьскыя,
отъ тебе, яръ туре Всеволоде!
Кая раны дорога, братие, забывъ чти и живота,
и града Чрънигова отня злата стола,
и своя милыя хоти, красныя Глѣбовны
свычая и обычая?

Были вѣчи Трояни,
минула лѣта Ярославля;
были плъци Олговы,
Ольга Святѣславличя.

реки мутно текут,
пыль поля прикрывает,
стяги говорят:
половцы идут от Дона,
и от моря,
и со всех сторон русские полки обступили.
Дети бесовы кликом поля перегородили,
а храбрые русичи перегородили червлеными щитами.

Ярый тур Всеволод!
Стоишь ты в самом бою,
прыщешь на воинов стрелами,
гремишь о шлемы мечами булатными!
Куда, тур, поскачешь,
своим златым шлемом посвечивая,
там лежат поганые головы половецкие.
Рассечены саблями калеными шлемы аварские
тобою, ярый тур Всеволод!
Какой раны, братья, побоится тот, кто забыл честь, и
и города Чернигова отцов золотой стол,
и своей милой, желанной прекрасной Глебовны
свычаи и обычаи?

Были века Трояна,
минули годы Ярославовы;
были походы Олеговы,
Олега Святославича.

Тъй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше
и стрѣлы по земли сѣяше.
Ступаетъ въ златъ стремень въ градѣ Тьмутороканѣ,
той же звонъ слыша давный великый Ярославь,
а сынъ Всеволожь, Владимиръ,
по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ.
Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе
и на Канину зелену паполому постла
за обиду Олгову
храбра и млада князя.
Съ тоя же Каялы Святоплъкь повелѣ яти отца своего
междю угорьскими иноходьци
ко святѣй Софии къ Киеву.
Тогда, при Олзѣ Гориславличи,
сѣяшется и растяшеть усобицами,
погибашеть жизнь Даждьбожа внука;
въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомь скратишась.
Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть,
нъ часто врани граяхуть,
трупиа себѣ дѣляче,
а галици свою рѣчь говоряхуть,
хотять полетѣти на уедие.

То было въ ты рати и въ ты плъкы,
а сицей рати не слышано!
Съ зараниа до вечера,
съ вечера до свѣта
летятъ стрѣлы каленыя,

Тот ведь Олег мечом крамолу ковал
и стрелы по земле сеял.
Вступал в золотое стремя в городе Тмуторокане,
а звон тот уже слышал давний великий Ярослав,
а сын Всеволода, Владимир,
каждое утро уши закладывал в Чернигове.
Бориса же Вячеславича похвальба на суд привела
и на Канину зеленое погребальное покрывало постлала
храброму и молодому князю
за обиду Олега.
С той же Каялы Святополк повелел отца своего привезти
между венгерскими иноходцами
ко святой Софии к Киеву.
Тогда, при Олеге Гориславиче,
засевалось и прорастало усобицами,
погибало достояние Даждьбожа внука;
в княжеских крамолах сокращались жизни людские.
Тогда по Русской земле редко пахари покрикивали,
но часто вороны гра́яли,
трупы между собой деля,
а галки свою речь говорили,
собираясь полететь на добычу.

То было в те рати и в те походы,
а такой рати не слыхано!
С раннего утра до вечера,
с вечера до света
летят стрелы каленые,

гримлютъ сабли о шеломы,
трещатъ копиа харалужныя
въ полѣ незнаемѣ,
среди земли Половецкыи.
Чрына земля подъ копыты костьми была посѣяна,
а кровию польяна:
тугою взыдоша по Руской земли.

Что ми шумить,
что ми звенить —
далече рано предъ зорями?
Игорь плъкы заворочаетъ:
жаль бо ему мила брата Всеволода.
Бишася день,
бишася другый;
третьяго дни къ полуднию падоша стязи Игоревы.
Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы;
ту кроваваго вина не доста;
ту пиръ докончаша храбрии русичи:
сваты попоиша, а сами полегоша
за землю Рускую.
Ничить трава жалощами,
а древо с тугою къ земли преклонилось.

Уже бо, братие, не веселая година въстала,
уже пустыни силу прикрыла.
Въстала обида въ силахъ Дажьбожа внука,

гремят сабли о шлемы,
трещат копья булатные
в поле незнаемом,
среди земли Половецкой.
Черная земля под копытами костьми была засеяна
и кровью полита:
горем взошли они по Русской земле.

Что мне шумит,
что мне звенит —
издалека рано до зари?
Игорь полки заворачивает,
ибо жаль ему милого брата Всеволода.
Билися день,
билися другой;
на третий день к полудню пали стяги Игоревы.
Тут два брата разлучились на берегу быстрой Каялы;
тут кровавого вина недостало;
тут пир закончили храбрые русичи:
сватов напоили, а сами полегли
за землю Русскую.
Никнет трава от жалости,
а дерево с горем к земле приклонилось.

Уже ведь, братья, невеселое время настало,
уже пустыня войско прикрыла.
Встала обида в войсках Дажьбожа внука,

вступила дѣвою на землю Трояню,
въсплескала лебедиными крылы
на синѣмъ море у Дону;
плещучи, упуди жирня времена.
Усобица княземъ иа поганыя погыбе,
рекоста бо братъ брату:
«Се мое, а то мое же».
И начяша князи про малое
«се великое» млъвити,
а сами на себѣ крамолу ковати.
А погаиии съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами
на землю Рускую.

О, далече, зайде соколъ, птиць бья, — къ морю!
А Игорева храбраго плъку не крѣсити!
За нимъ кликну Карна, и Жля
поскочи по Руской земли,
смагу людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ.
Жены руския въсплакашась, аркучи:
«Уже намъ своих милыхъ ладъ
ни мыслию смыслити,
ни думою сдумати,
ни очима съглядати,
а злата и сребра ни мало того потрепати».

А въстона бо, братие, Киевъ тугою,
а Черниговъ напастьми.

вступила девою на землю Трояню,
восплескала лебедиными крылами
на синем море у Дона;
плеская, прогнала времена обилия.
Борьба князей против поганых прекратилась,
ибо сказал брат брату:
«Это мое, и то мое же».
И стали князья про малое
«это великое» говорить
и сами на себя крамолу ковать.
А поганые со всех сторон приходили с победами
на землю Русскую.

О, далеко залетел сокол, птиц избивая, — к морю!
Игорева храброго полка не воскресить!
По нем кликнула Ка́рна, и Же́ля
поскакала по Русской земле,
огонь мыкая в пламенном роге.
Жены русские восплакались, приговаривая:
«Уже нам своих милых лад
ни мыслию не смыслить,
ни думою не сдумать,
ни глазами не повидать,
а золота и серебра совсем не потрогать»

И застонал, братья, Киев от горя,
а Чернигов от напастей.

Тоска разлияся по Руской земли;
печаль жирна тече средь земли Рускыи.
А князи сами на себе крамолу коваху,
а погании сами,
побѣдами нарищуще на Рускую землю,
емляху дань по бѣлѣ отъ двора.

Тии бо два храбрая Святъславлича, —
Игорь и Всеволодъ —
уже лжу убудиста которою,
ту бяше успилъ отецъ ихъ —
Святъславь грозный великый киевскый —
грозою:
бяшеть притрепалъ своими сильными плъкы
и харалужными мечи,
наступи на землю Половецкую,
притопта хлъми и яругы,
взмути рѣкы и озеры,
иссуши потокы и болота.
А поганаго Кобяка изъ луку моря,
отъ желѣзныхъ великыхъ плъковъ половецкыхъ,
яко вихръ, выторже:
и падеся Кобякъ въ градѣ Киевѣ,
въ гридницѣ Святъславли.
Ту нѣмцы и венедици,
ту греци и морава
поютъ славу Святъславлю,
кають князя Игоря,

Тоска разлилась по Русской земле;
печаль обильная потекла посреди земли Русской.
А князи сами на себя крамолу ковали,
а поганые,
с победами нарыскивая на Русскую земл
сами брали дань по белке от двора.

Ибо те два храбрых Святославича,
Игорь и Всеволод,
уже коварство пробудили раздором,
а его усыпил было отец их —
Святослав грозный великий киевский —
грозою:
прибил своими сильными полками
и булатными мечами,
наступил на землю Половецкую,
притоптал холмы и овраги,
взмутил реки и озера,
иссушил потоки и болота.
А поганого Кобяка от лукоморья,
из железных великих полков половецких,
как вихрь исторг:
и пал Кобяк в граде Киеве,
в гриднице Святославовой.
Тут немцы и венецианцы,
тут греки и чехи
поют славу Святославу,
корят князя Игоря,

иже погрузи жиръ во днѣ Каялы — рѣкы половецкыя, —
рускаго злата насыпаша.
Ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата,
а въ сѣдло кощиево.
Уныша бо градомъ забралы,
а веселие пониче.

Святъславь мутенъ сонъ видѣ
въ Киевѣ на горахъ.
«Си ночь съ вечера одѣвахуть мя, — рече, —
чръною паполомою
на кроваты тисовѣ;
чръпахуть ми синее вино,
съ трудомъ смѣшено;
сыпахуть ми тъщими тулы поганыхъ тльковинъ
великый женчюгь на лоно
и нѣгуютъ мя.
Уже дьскы безъ кнѣса
в моемъ теремѣ златовръсѣмъ.
Всю нощь съ вечера
бусови врани възграяху у Плѣсньска,
на болони бѣша дебрь Кияня
и несошася къ синему морю».

потопившего богатство на дне Каялы — реки половецко
просыпав русского золота.
Тут Игорь-князь пересел из седла золотого
в седло рабское.
Приуныли у городов забралы,
а веселие поникло.

Святослав смутный сон видел
в Киеве на горах.
«Этой ночью с вечера одевали меня, — говорит, —
черным покрывалом
на кровати тисовой;
черпали мне синее вино,
с горем смешанное;
сыпали мне из пустых колчанов поганых иноземцев
крупный жемчуг на грудь
и нежили меня.
Уже доски без князька
в моем тереме златоверхом.
Всю ночь с вечера
серые вороны граяли у Плесеньска,
в предградье стоял лес Кияни,
и понеслись они, вороны, к синему морю».

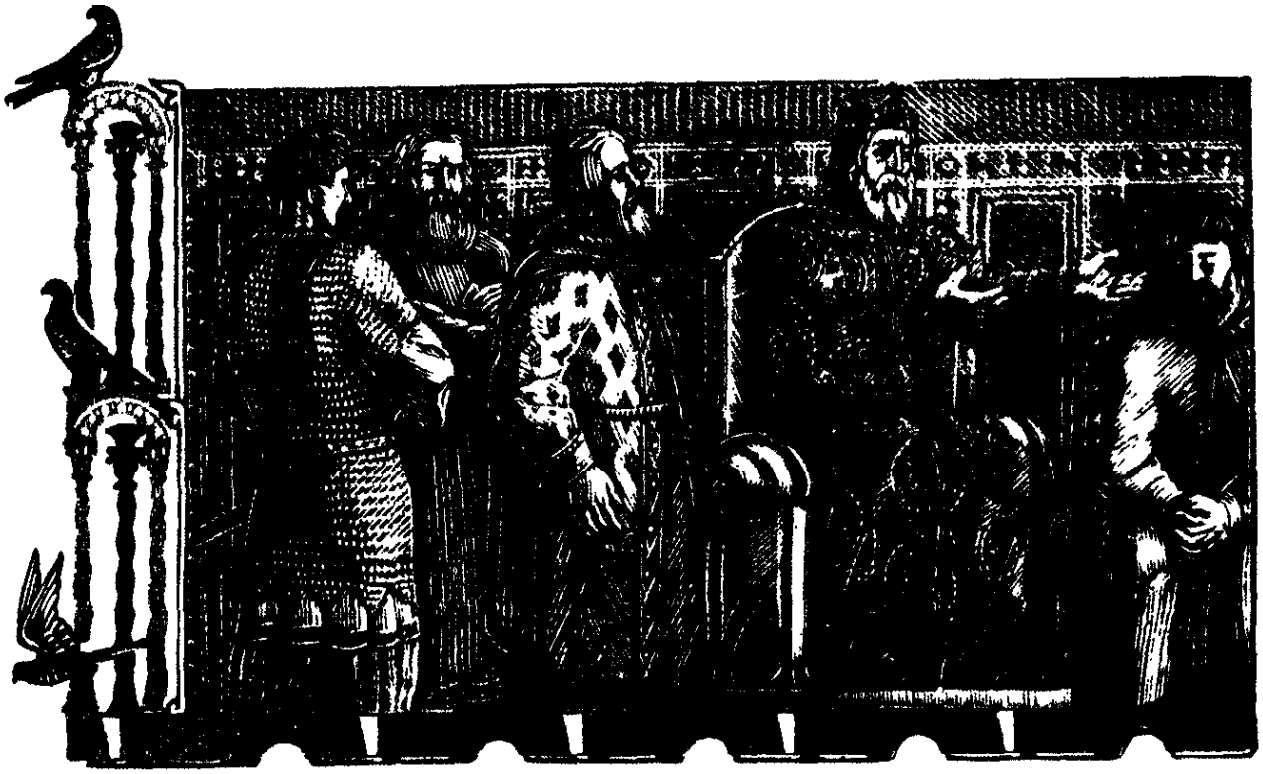
И ркоша бояре князю:
«Уже, княже, туга умь полонила;
се бо два сокола слѣтѣста
съ отня стола злата
поискати града Тьмутороканя,
а любо испити шеломомь Дону.
Уже соколома крильца припѣшали
поганыхъ саблями,
а самаю опуташа
въ путины желѣзны».

Темно бо бѣ въ 3 день:
два солнца помѣркоста,
оба багряная стлъпа погасоста,
и съ нима молодая мѣсяца —
Олегъ и Святъславъ —
тъмою ся поволокоста
и въ морѣ погрузиста,
и великое буйство подаста хинови.
На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла —
по Руской земли прострошася половци,
акы пардуже гнѣздо.
Уже снесеся хула на хвалу;
уже тресну нужда на волю;
уже връжеся дивь на землю.
Се бо готьскыя красныя дѣвы
въспѣша на брезѣ синему морю:

И сказали бояре князю:
«Уже, князь, горе ум полонило;
это ведь два сокола слетели
с отчего престола золотого
добыть города Тмутороканя
или испить шлемом Дона.
Уже соколам крыльца подсекли
сабли поганых,
а самих опутали
в путы железные».

Темно было в третий день:
два солнца померкли,
оба багряные столба погасли,
и с ними два молодых месяца -
Олег и Святослав —
тьмою заволоклись
и в море погрузились,
и великую смелость возбудили в хиновах.
На реке на Каяле тьма свет покрыла —
по Русской земле простерлись половцы,
точно выводок гепардов.
Уже пал позор на славу;
уже ударило насилие на свободу;
уже бросился див на землю.
И вот готские красные девы
запели на берегу синего моря:

звоня рускымъ златомъ,
поютъ время Бусово,
лелѣютъ месть Шароканю.
А мы уже, дружина, жадни веселия!



Тогда великый Святъславъ
изрони злато слово
с слезами смѣшено
и рече:
«О моя сыновчя, Игорю и Всеволоде!
Рано еста начала Половецкую землю
мечи цвѣлити,
а себѣ славы искати.
Нъ нечестно одолѣсте,
нечестно бо кровь поганую пролиясте.

звеня русским золотом,
воспевают время Бусово,
лелеют месть за Шарукана.
А мы уже, дружина, без веселья!

Тогда великий Святослав
изронил золотое слово,
со слезами смешанное
и сказал:
«О мои дети, Игорь и Всеволод!
Рано начали вы Половецкой земле
мечами обиду творить,
а себе славы искать.
Но нечестно вы одолели,
нечестно кровь поганую пролили.

Ваю храбрая сердца
въ жестоцемъ харалузѣ скована
а въ буести закалена.
Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ?
А уже не вижду власти
сильнаго,
и богатаго,
и многовоя
брата моего Ярослава,
съ черниговьскими былями,
съ могуты,
и съ татраны,
и съ шельбиры,
и съ топчакы,
и съ ревугы,
и съ ольберы.
Тии бо бес щитовь, съ засапожникы
кликомъ плъкы побѣждаютъ,
звонячи въ прадѣднюю славу.
Нъ рекосте: «Мужаимѣся сами:
преднюю славу сами похитимъ,
а заднюю си сами подѣлимъ!»
А чи диво ся, братие, стару помолодити?
Коли соколъ въ мытехъ бываетъ,
высоко птицъ възбиваетъ:
не дастъ гнѣзда своего въ обиду.
Нъ се зло — княже ми непособие:
наниче ся годины обратиша.

Ваши храбрые сердца
из крепкого булата скованы
и в смелости закалены.
Что же сотворили вы моей серебряной седине?
Не вижу уже власти
сильного,
и богатого,
и обильного воинами
брата моего Ярослава,
с черниговскими боярами,
с воеводами,
и с татрáнами,
и с шельбúрами,
и с топчакáми,
и с ревýгами,
и с ольбéрами.
Те ведь без щитов, с засапожными ножами
кликом полки побеждают,
звоня в прадедовскую славу.
Но сказали вы: «Помужествуем сами:
прошлую славу себе похитим,
а будущую сами поделим!»
А разве дивно, братья, старому помолодеть?
Когда сокол линяет,
высоко птиц взбивает:
не даст гнезда своего в обиду.
Но вот зло — князья мне не помогают:
худо времена обернулись.

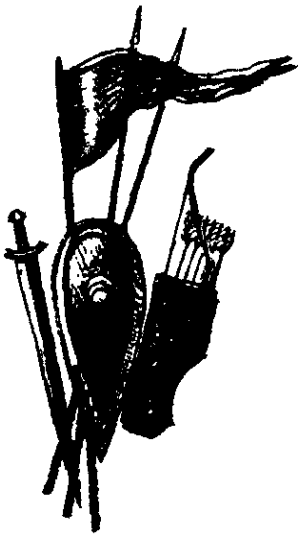
Се у Римъ кричатъ подъ саблями половецкыми,
а Володимиръ подъ ранами.
Туга и тоска сыну Глѣбову!»

Великый княже Всеволоде!
Не мыслию ти прелетѣти издалеча
отня злата стола поблюсти?
Ты бо можеши Волгу веслы раскропити,
а Донъ шеломы выльяти!
Аже бы ты былъ,
то была бы чага по ногатѣ,
а кощей по резанѣ.
Ты бо можеши посуху
живыми шереширы стрѣляти —
удалыми сыны Глѣбовы.

Ты, буй Рюриче, и Давыде!
Не ваю ли вои
злачеными шеломы по крови плаваша?
Не ваю ли храбрая дружина
рыкаютъ, акы тури,
ранены саблями калеными
на полѣ незнаемѣ?
Вступита, господина, въ злата стремень
за обиду сего времени,
за землю Рускую,

Вот у Римова кричат под саблями половецкими,
а Владимир под ранами.
Горе и тоска сыну Глебову!»

Великий князь Всеволод!
Неужели и мысленно тебе не прилететь издалека
отчий золотой стол поблюсти?
Ты ведь можешь Волгу веслами расплескать,
а Дон шлемами вылить!
Если бы ты был здесь,
то была бы раба по ногáте,
а раб по рéзани.
Ты ведь можешь посуху
живыми копьями стрелять —
удалыми сыновьями Глебовыми.



Ты, буйный Рюрик, и Давыд!
Не ваши ли воины
золочеными шлемами по крови плавали?
Не ваша ли храбрая дружина
рыкает, как туры,
раненные саблями калеными
на пóле незнаемом?
Вступите же, господа, в золотые стремена
за обиду сего времени,
за землю Русскую,

за раны Игоревы,
буего Святъславлича!

Галичкы Осмомыслѣ Ярославе!
Высоко сѣдиши
на своемъ златокованнѣмъ столѣ,
подперъ горы Угорскыи
своими желѣзными плъки,
заступивъ королеви путь,
затворивъ Дунаю ворота,
меча бремены чрезъ облакы,
суды рядя до Дуная.
Грозы твоя по землямъ текутъ,
отворяеши Киеву врата,
стрѣляеши съ отня злата стола
салътани за землями.
Стрѣляй, господине, Кончака,
поганого кощея,
за землю Рускую,
за раны Игоревы,
буего Святъславлича!

А ты, буй Романе, и Мстиславе!
Храбрая мысль носитъ вашъ умъ на дѣло.
Высоко плаваеши на дѣло въ буести,
яко соколъ на вътрехъ ширяяся,
хотя птицю въ буйствѣ одолѣти.

за раны Игоревы,
буйного Святославича!

Галицкий Осмомысл Ярослав!
Высоко сидишь ты
на своем златокованом престоле,
подпер горы Венгерские
своими железными полками,
заступив королю путь,
затворив Дунаю ворота,
меча тяжести через облака,
суды рядя до Дуная.
Грозы твои по землям текут,
отворяешь Киеву ворота,
стреляешь с отчего золотого престола
салтанов за землями.
Стреляй же, господин, в Кончака,
поганого раба,
за землю Русскую,
за раны Игоревы,
буйного Святославича!

А ты, буйный Роман, и Мстислав!
Храбрая мысль влечет ваш ум на подвиг.
Высоко взмываешь на подвиг в отваге,
точно сокол на ветрах паря,
стремясь птицу храбро одолеть.

Суть бо у ваю желѣзныи паробци
подъ шеломы латиньскыми.
Тѣми тресну земля,
и многы страны —
Хинова,
Литва,
Ятвязи,
Деремела,
и половци сулици своя повръгоша,
а главы своя подклониша
подъ тыи мечи харалужныи.

Нъ уже, княже Игорю,
утрьпѣ солнцю свѣтъ,
а древо не бологомъ листвие срони:
по Рси и по Сули гради подѣлиша.
А Игорева храбраго плъку не крѣсити!
Донъ ти, княже, кличетъ
и зоветь князи на побѣду.
Олговичи, храбрыи князи, доспѣли на брань...

Инъгварь и Всеволодъ,
и вси три Мстиславичи,
не худа гнѣзда шестокрилци!
Не побѣдными жребии
собѣ власти расхытисте!

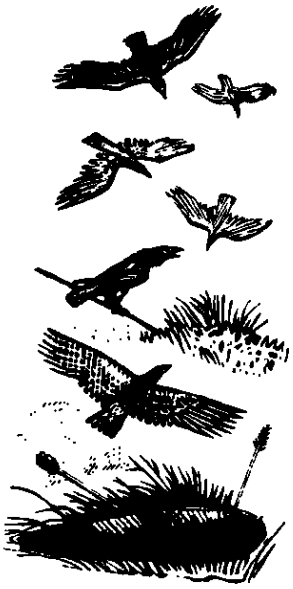
Есть ведь у вас железные молодцы
под шлемами латинскими.
От них дрогнула земля,
и многие страны —
Хи́нова,
Литва,
Ятвя́ги,
Дерему́ла,
и половцы копья свои повергли,
а головы свои подклонили
под те мечи булатные.

Но уже, о князь Игорь,
померк солнца свет,
а дерево не к добру листву сронило:
по Ро́си и по Сулé города поделили.
А Игорева храброго полка не воскресить!
Дон тебя, князь, кличет
и зовет князей на победу.
Ольговичи, храбрые князья, подоспели на брань..

Ингварь и Всеволод,
и все три Мстиславича,
не худого гнезда соколы!
Не по праву побед
расхитили вы себе владения!

Кое ваши златыи шеломы
и сулицы ляцкыи
и щиты?
Загородите полю ворота
своими острыми стрѣлами
за землю Рускую,
за раны Игоревы,
буего Святъславлича!

Уже бо Сула не течетъ сребреными струями
къ граду Переяславлю,
и Двина болотомъ течетъ
онымъ грознымъ полочаномъ
подъ кликомъ поганыхъ.
Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ,
позвони своими острыми мечи
о шеломы литовьскыя,
притрепа славу дѣду своему Всеславу,
а самъ подъ чрълеными щиты
на кровавѣ травѣ
притрепанъ литовскыми мечи
и с хотию на кров,
а тъи рекъ:
«Дружину твою, княже,
птиць крилы приодъ,
а звѣри кровь полизаша».
Не бысть ту брата Брячяслава,



Где же ваши золотые шлемы
и копья польские
и щиты?
Загородите полю ворота
своими острыми стрелами
за землю Русскую,
за раны Игоревы,
буйного Святославича!

Уже Сула не течет серебряными струями
для города Переяславля,
и Двина болотом течет
для тех грозных полочан
под кликом поганых.
Один только Изяслав, сын Васильков,
позвенел своими острыми мечами
о шлемы литовские,
прибил славу деда своего Всеслава,
а сам под червлеными щитами
на кровавой траве
был прибит литовскими мечами
на кровь со своим любимцем,
а тот и сказал:
«Дружину твою, князь,
крылья птиц приодели,
а звери кровь полизали».
Не было тут брата Брячислава,

ни другаго — Всеволода.
Единъ же изрони жемчюжну душу
изъ храбра тѣла
чресъ злато ожерелие.
Уныли голоси,
пониче веселие,
трубы трубятъ городеньскии!

Ярославли вси внуце и Всеславли!
Уже понизите стязи свои,
вонзите свои мечи вережени.
Уже бо выскочисте изъ дѣдней славѣ.
Вы бо своими крамолами
начясте наводити поганыя
на землю Рускую,
на жизнь Всеславлю.
Котóрою бо бъше насилие
отъ земли Половецкыи!

На седьмомъ вѣцѣ Трояни
връже Всеславъ жребий
о дѣвицю себъ любу.
Тъй клюками подпръ ся о кони
и скочи къ граду Кыеву
и дотчеся стружиемъ
злата стола киевьскаго.

ни другого — Всеволода.
Так в одиночестве изронил он жемчужную душ
из храброго тела
через златое ожерелье.
Приуныли голоса,
поникло веселие,
трубы трубят городенские!

Ярослава все внуки и Всеслава!
Склоните стяги свои,
Вложите в ножны свои мечи поврежденные,
ибо лишились вы славы дедов.
Вы ведь своими крамолами
начали наводить поганых
на землю Русскую,
на богатства Всеслава.
Из-за усобицы ведь настало насилие
от земли Половецкой!

На седьмом веке Трояна
кинул Всеслав жребий
о девице ему милой.
Он хитростями оперся на коней
и скакнул к городу Киеву
и коснулся древком
золотого престола киевского.

Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ
въ плъночи изъ Бѣлаграда,
обѣсися синѣ мьглѣ утръже вазни,
с три кусы отвори врата Новуграду,
разшибе славу Ярославу,
скочи влъкомъ
до Немиги съ Дудутокъ.

На Немизѣ снопы стелютъ головами,
молотятъ чепи харалужными,
на тоцѣ животъ кладутъ,
вѣютъ душу отъ тѣла.
Немизѣ кровави брезѣ
не бологомъ бяхуть посѣяни —
посѣяни костьми рускихъ сыновъ.

Всеславъ князь людемъ судяше,
княземъ грады рядяше,
а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше:
изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя,
великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше.
Тому въ Полотьскѣ позвониша заутренюю рано
у Святыя Софеи въ колоколы,
а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша.
Аще и вѣща душа въ дръзѣ тѣлѣ,
нъ часто бѣды страдаше.

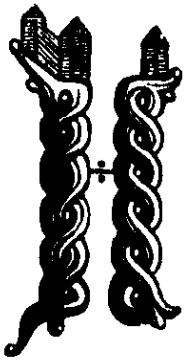
Скакнул от них лютым зверем
в полночь из Белгорода,
объятый синей мглой, добыл он счастье,
в три удара отворил ворота Новгорода,
расшиб славу Ярославу,
скакнул волком
до Немиги с Дудуток.

На Немиге снопы стелют головами,
молотят цепами булатными,
на току жизнь кладут,
веют душу от тела.
У Немиги кровавые берега
не добром были посеяны —
посеяны костьми русских сынов.

Всеслав-князь людям суд правил,
князьям города рядил,
а сам в ночи волком рыскал:
из Киева дорыскивал до петухов Тмутороканя,
великому Хорсу волком путь перерыскивал.
Для него в Полоцке позвонили к заутрене рано
у святой Софии в колокола,
а он в Киеве звон тот слышал.
Хоть и вещая душа у него в храбром теле,
но часто от бед страдал.

Тому вѣщей Боянъ
и пръвое припѣвку, смысленый, рече:
«Ни хытру,
ни горазду,
ни птицю горазду
суда божиа не минути».

О, стонати Руской земли,
помянувше пръвую годину
и пръвыхъ князей!
Того стараго Владимира
нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ киевьскымъ:
сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы,
а друзии — Давидовы,
нъ розно ся имъ хоботы пашутъ.
Копиа поютъ!



а Дунаи Ярославнынъ гласъ ся слышитъ,
зегзицею незнаема рано кычеть:
«Полечю, — рече, — зегзицею по Дунаеви,
омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ,
утру князю кровавыя его раны
на жестоцѣмъ его тѣлѣ».

Ему вещий Боян
давно припевку, разумный, сказал:
«Ни хитрому,
ни умелому,
ни птице умелой
суда божьего не миновать».

О, стонать Русской земле,
вспоминая первые времена
и первых князей!
Того старого Владимира
нельзя было пригвоздить к горам киевским:
теперь же встали стяги Рюриковы,
а другие — Давыдовы,
но врозь у них полотнища развеваются.
Копья поют!

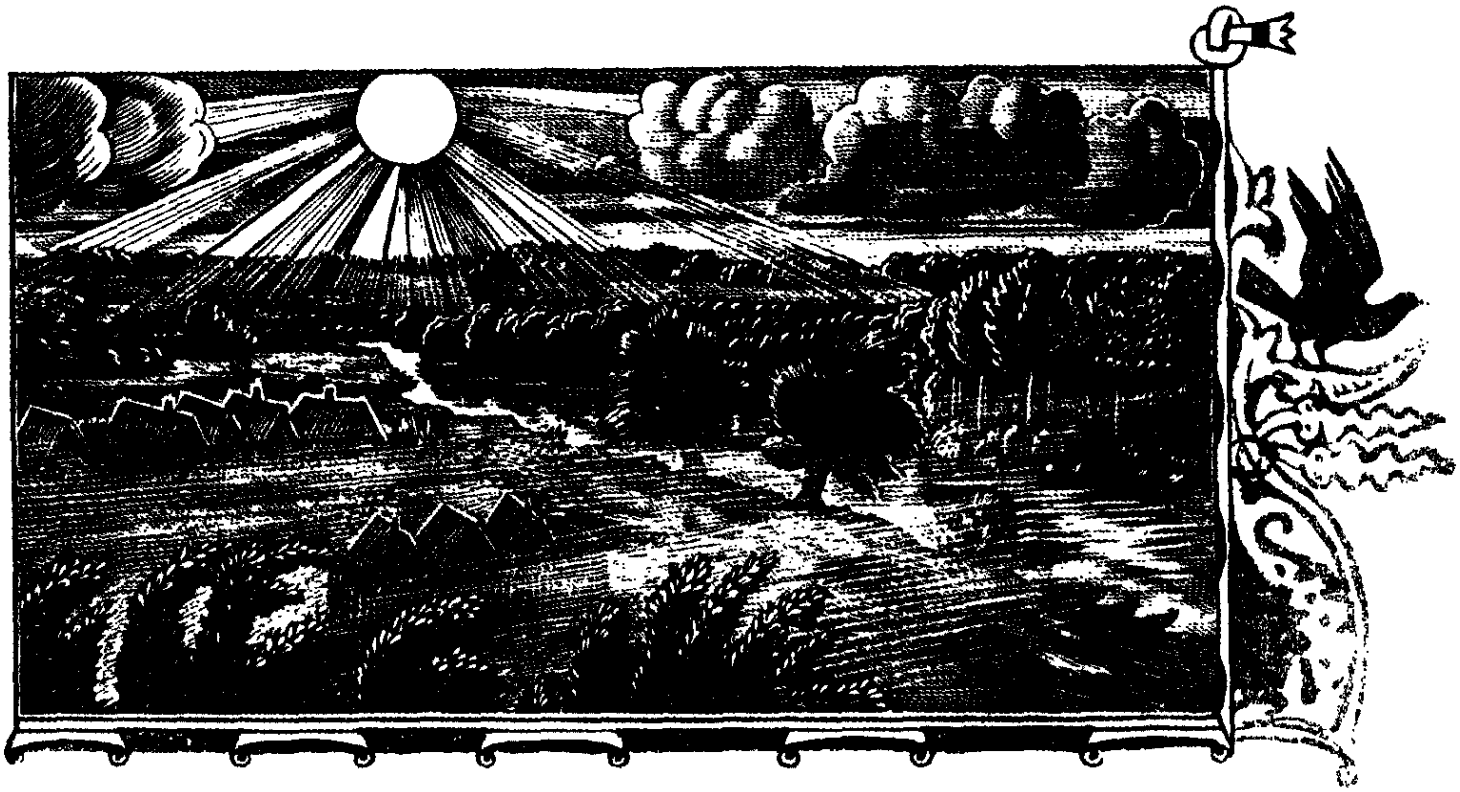
На Дунае Ярославнин голос слышится,
кукушкою безвестною рано кукует:
«Полечу, — говорит, — кукушкою по Дунаю,
омочу шелковый рукав в Каяле-реке,
утру князю кровавые его раны
на могучем его теле».

Ярославна рано плачетъ
въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи:
«О вѣтрѣ, вѣтрило!
Чему, господине, насильно вѣеши?
Чему мычеши хиновьскыя стрѣлкы
на своею нетрудною крилцю
на моея лады вои?

Мало ли ти бяшетъ горѣ подъ облакы вѣяти,
лелѣючи корабли на синѣ морѣ?
Чему, господине, мое веселие
по ковылию развѣя?»

Ярославна рано плачеть
Путивлю городу на заборолѣ, аркучи:
«О Днепре Словутицю!

Ярославна рано плачет
в Путивле на забрале, приговаривая:
«О ветер, ветрило!
Зачем, господин, веешь ты навстречу?
Зачем мчишь хиновские стрелочки
на своих легких крыльицах
на воинов моего милого?



Разве мало тебе было под облаками веять,
лелея корабли на синем море?
Зачем, господин, мое веселье
по ковылю ты развеял?»

Ярославна рано плачет
в Путивле-городе на забрале, приговаривая
«О Днепр Словутич!

Ты пробилъ еси каменныя горы
сквозѣ землю Половецкую.
Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли насады
до плъку Кобякова.
Възлелѣй, господине, мою ладу къ миѣ,
а быхъ не слала къ нему слезъ
на море рано».

Ярославна рано плачетъ
въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи:
«Свѣтлое и тресвѣтлое слънце!
Всѣмъ тепло и красно еси:
чему, господине, простре горячюю свою лучю
на ладѣ вои?
Въ полѣ безводнѣ жаждею имь лучи съпряже,
тугою имъ тули затче?»

Прысну море полунощи,
идутъ сморци мьглами.
Игореви князю богъ путь кажетъ
изъ земли Половецкой
на землю Рускую,
къ отню злату столу.

Погасоша вечеру зори.
Игорь спитъ,
Игорь бдитъ,

Ты пробил каменные горы
сквозь землю Половецкую.
Ты лелеял на себе Святославовы насады
до стана Кобякова.
Прилелей же, господин, моего милого ко мне,
чтобы не слала я к нему слез
на море рано».

Ярославна рано плачет
в Путивле на забрале, приговаривая:
«Светлое и трижды светлое солнце!
Всем ты тепло и прекрасно:
зачем, владыко, простерло ты горячие свои лучи
на воинов моего лады?
В поле безводном жаждою им луки скрутило,
горем им колчаны заткнуло?»

Прыснуло море в полуночи,
идут смерчи тучами.
Игорю-князю бог путь указывает
из земли Половецкой
в землю Русскую,
к отчему золотому столу.

Погасли вечером зори.
Игорь спит,
Игорь бдит,

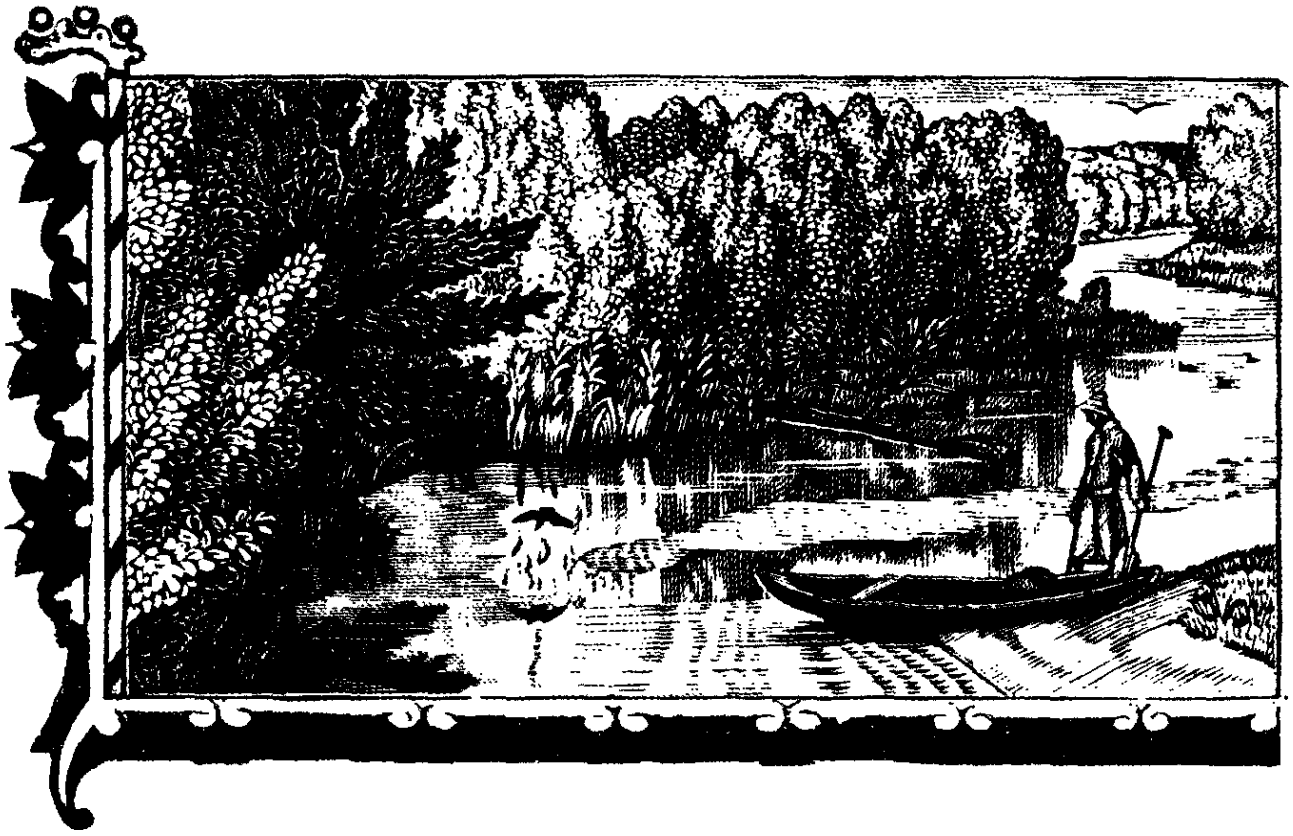
Игорь мыслию поля мѣритъ
отъ великаго Дону до малаго Донца.
Комонь въ полуночи Овлуръ свисну за рѣкою;
велить князю разумѣти:
князю Игорю не быть!
Кликну,
стукну земля,
въшумѣ трава,
вежи ся половецкии подвизашася.
А Игорь князь поскочи
горнастаемъ къ тростию
и бѣлымъ гоголемъ на воду.
Въвръжеся на бръзъ комонь
и скочи съ него бусымъ влъкомъ.
И потече къ лугу Донца,
и полетѣ соколомъ подъ мьглами,
избивая гуси и лебеди
завтроку,
и обѣду,
и ужинѣ.
Коли Игорь соколомъ полетѣ,
тогда Влуръ влъкомъ потече,
труся собою студеную росу:
претръгоста бо своя бръзая комоня.

Донецъ рече:
«Княже Игорю!

Игорь мыслью поля мерит
от великого Дона до малого Донца.
Коня в полночь Овлур свистнул за рекою:
велит князю разуметь:
князю Игорю не быть в плену!
Кликнула,
стукнула земля,
зашумела трава,
вежи половецкие задвигались.
А Игорь-князь поскакал
горностаем к тростнику
и белым гоголем на воду.
Вскочил на борзого коня
и соскочил с него серым волком.
И побежал к излучине Донца,
и полетел соколом под облаками,
избивая гусей и лебедей
к завтраку,
и обеду,
и ужину.
Коли Игорь соколом полетел,
тогда Овлур волком побежал,
стряхивая собою студеную росу:
оба ведь надорвали своих борзых коней.

Донец говорит:
«О князь Игорь!

Не мало ти величия,
а Кончаку нелюбия,
а Руской земли веселиа».



Игорь рече:
«О Донче!
не мало ти величия,
лелѣявшу князя на влънахъ,
стлавшу ему зелѣну траву
на своихъ сребреныхъ брезѣхъ,
одѣвавшу его теплыми мъглами
подъ сѣнию зелену древу;
стрежаше его гоголемъ на водѣ,
чайцами на струяхъ,
чрьнядьми на ветрѣхъ».

Немало тебе величия,
а Кончаку нелюбия,
а Русской земле веселия».

Игорь говорит:
«О Донец!
Немало тебе величия,
лелеявшему князя на волнах,
стлавшему ему зеленую траву
на своих серебряных берегах,
одевавшему его теплыми туманами
под сенью зеленого дерева;
ты стерег его гоголем на воде,
чайками на струях,
чёрнядями на ветрах».

Не тако ти, рече, рѣка Стугна:
худу струю имѣя,
пожръши чужи ручьи и стругы,
рострена къ устью,
уношу князю Ростиславу затвори.
Днѣпрь темнѣ березѣ
плачется мати Ростиславля
по уноши князи Ростиславѣ.
Уныша цвѣты жалобою,
и древо с тугою къ земли прѣклонилось.

А не сорокы втроскоташа —
на слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ.
Тогда врани не граахуть,
галици помлъкоша,
сорокы не троскоташа,
полозие ползаша только.
Дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ,
соловии веселыми пѣсньми
свѣтъ повѣдаютъ.

Млъвитъ Гзакъ Кончакови:
«Аже соколъ къ гнѣзду летитъ,
соколича рострѣляевѣ
своими злачеными стрѣлами».

Не такова-то, говорит он, река Стугна:
скудную струю имея,
поглотив чужие ручьи и потоки,
расширенная к устью,
юношу князя Ростислава заключила.
На темном берегу Днепра
плачет мать Ростислава
по юноше князе Ростиславе.
Уныли цветы от жалости,
и дерево с тоской к земле приклонилось.

То не сороки застрекотали —
по следу Игоря едут Гзак с Кончаком.
Тогда вороны не граяли,
галки примолкли,
сороки не стрекотали,
только полозы ползали.
Дятлы стуком путь кажут к реке
да соловьи веселыми песнями
рассвет возвещают.

Говорит Гзак Кончаку:
«Если сокол к гнезду летит,
расстреляем соколенка
своими золочеными стрелами».

Рече Кончакъ ко Гзѣ:
«Аже соколъ къ гнѣзду летитъ,
а вѣ соколца опутаевѣ
красною девицею».

И рече Гзакъ къ Кончакови:
«Аще его опутаевѣ красною дѣвицею,
ни нама будетъ сокольца,
ни нама красны дъвице,
то почнутъ наю птици бити
въ полѣ Половецкомъ».

Рекъ Боянъ и Ходына,
Святъславля пѣснотворца
стараго времени Ярославля,
Ольгова коганя хоти:
«Тяжко ти головы кромѣ плечю,
зло ти тѣлу кромѣ головы» —
Руской земли безъ Игоря.

Солнце свѣтится на небесѣ, —
Игорь князь въ Руской земли;
дѣвицы поютъ на Дунаи, —
вьются голоси чрезъ море до Киева.

Говорит Кончак Гзаку:
«Если сокол к гнезду летит,
То опутаем мы соколенка
красною девицей».

И сказал Гзак Кончаку:
«Если его опутаем красной девицей,
не будет у нас ни соколенка,
ни красной девицы,
и станут нас птицы бить
в поле Половецком».

Сказали Боян и Ходына,
Святославовы песнотворцы
старого времени Ярослава,
Олега-князя любимцы:
«Тяжко голове без плеч,
беда телу без головы» —
так и Русской земле без Игоря.

Солнце светится на небе, —
а Игорь-князь в Русской земле;
девицы поют на Дунае, —
вьются голоса их через море до Киева.

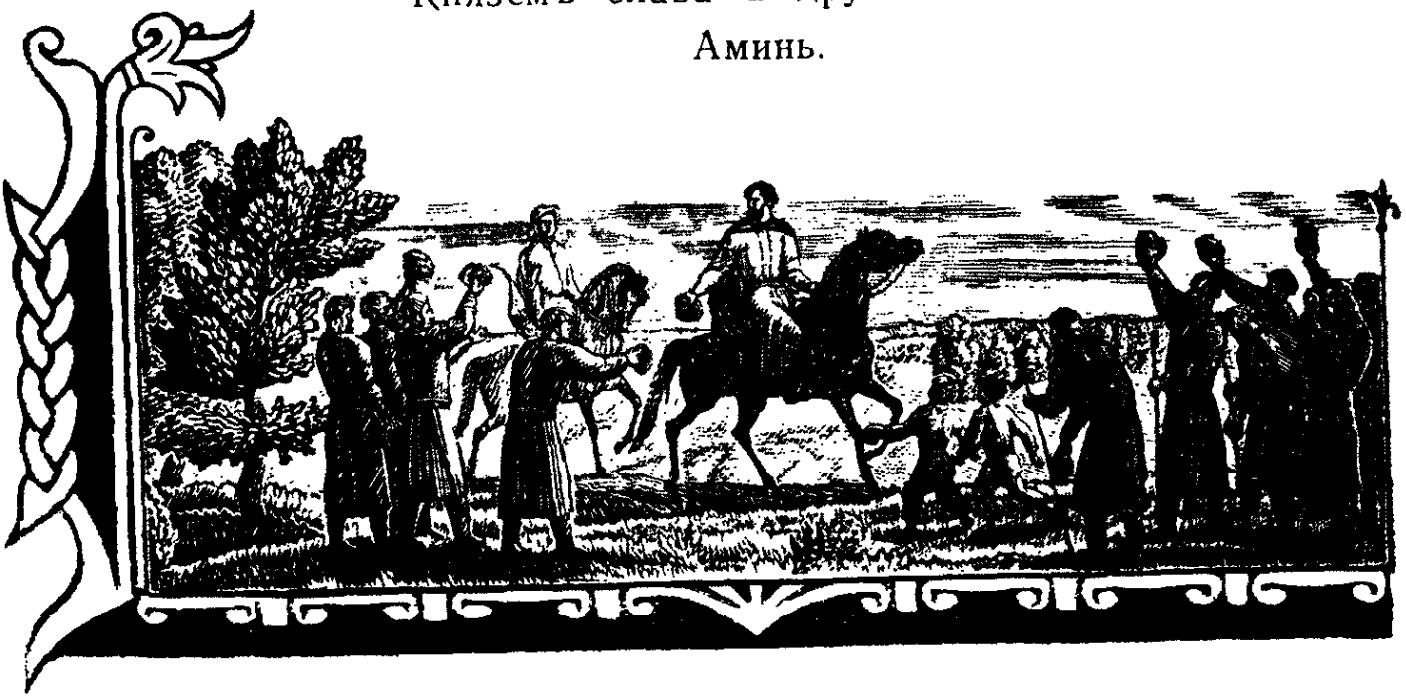
Игорь ѣдетъ по Боричеву
къ святѣй богородици Пирогощей.
Страны ради, гради весели.

Пѣвше пѣснь старымъ княземъ,
а потомъ молодымъ пѣти:

«Слава Игорю Святъславличю,
буй туру Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!»

Здрави князи и дружина,
побарая за христьяны
на поганыя плъки!

Княземъ слава а дружинѣ!
Аминь.



Игорь едет по Бори́чеву
ко святой богородице Пирогощей.
Села рады, грады веселы.

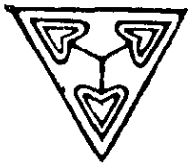
Певши песнь старым князьям,
потом и молодым петь:

«Слава Игорю Святославичу,
буй туру Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!»

Здравы будьте, князья и дружина,
борясь за христиан
против нашествий поганых!

Князьям слава и дружине!
Аминь.

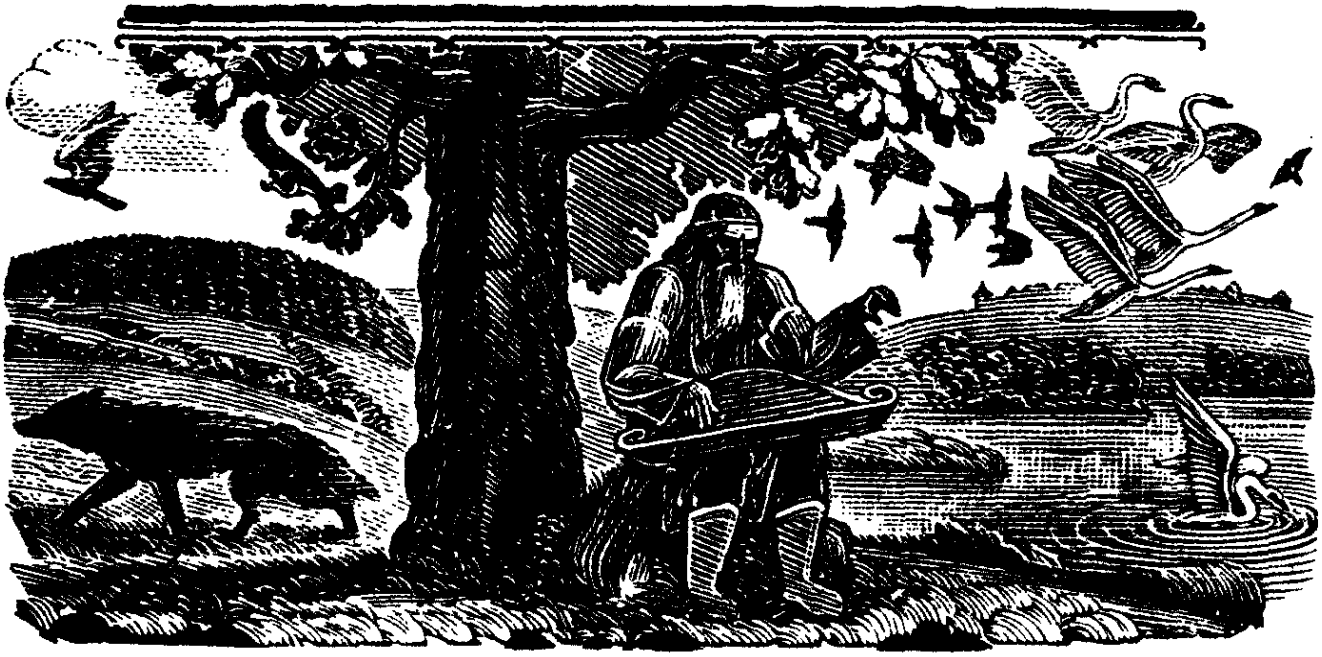
ПОЭТИЧЕСКИЕ ПЕРЕЛОЖЕНИЯ СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ



ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЗАМЕТКА

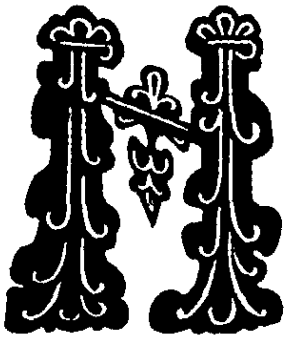
Ниже публикуются два поэтических переложения «Слова о полку Игореве»: одно принадлежит поэту середины XIX века А. Н. Майкову, другое — советскому поэту Н. А. Заболоцкому.

Переложение А. Н. Майкова публикуется по тексту «Собрания сочинений А. Н. Майкова», т. III, СПБ, 1872. Переложению А. Н. Майкова предшествовала его большая работа по изучению «Слова о полку Игореве». Для нас часть из предложенных А. Н. Майковым толкований уже устарела — действительна же теперь главным образом поэтическая сила его переложения.



СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

В переложении А. Майкова



е начать ли нашу песнь, о братья,
Со сказаний о старинных бранях, —
Песнь о храброй Игоревой рати
И о нем, о сыне Святославле!
И воспеть их, как поется ныне,
Не гоняясь мыслью за Бояном!
Песнь слагая, он, бывало, вещий,
Быстрой векшей по лесу носился,
Серым волком в чистом поле рыскал,
Что орел, ширя́л под облаками!
Как воспо́мнит брани стародавни,
Да на стаю лебедей и пустит
Десять быстрых соколов вдогонку;
И какую первую настигнет,
Для него и песню пой та лебедь, —

Песню пой о старом Ярославе ль,
О Мстиславе ль, что в бою зарезал,
Поборов, касожского Редедю,
Аль о славном о Романе Красном...
Но не десять соколов то было;
Десять он перстов пускал на струны,
И князьям, под вещими перстами, —
Сами струны славу рокотали!

Поведем же, братия, сказанье
От времен Владимировых древних,
Доведем до Игоревой брани,
Как он думу крепкую задумал,
Наострил отвагой храброй сердце,
Распалился славным ратным духом
И за землю Русскую дружины
В степь повел на ханов половецких.

У Донца был Игорь, только видит —
Словно тьмой полки его прикрыты,
И воззрел на светлое он Солнце —
Видит: Солнце — что двурогий месяц,
А в рогах был словно угль горящий;
В темном небе звезды просияли;
У людей в глазах позеленело.
«Не добра ждать», — говорят в дружин
Старики поникли головами:
«Быть убитым нам или пленённым!»
Князь же Игорь: «Братья и дружина,
Лучше быть убиту, чем пленёну!
Но кому пророчится погибель —
Кто узнает, нам или поганым?
А посядем на коней на борзых
Да посмотрим синего-то Дону!»
Не послушал знаменья он Солнца,
Распалясь взглянуть на Дон великий!

«Преломить копье свое, — он кликнул, —
Вместе с вами, ру́сичи, хочу я
На конце неведомого поля!
Или с вами голову сложити,
Иль испить златым шело́мом Дону!»

О Боян, о вещий песнотворец,
Соловей времен давно минувших!
Ах, тебе б певцом быть этой рати!
Лишь скача по мысленному древу,
Возносясь орлом под сизы тучи,
С древней славой новую свивая,
В путь Троянов мчась чрез дол на горы,
Воспевать бы Игореву славу!

То не буря соколов помчала,
То не стаи га́лчьи побежали
Чрез поля-луга на Дон великий...
Ах, тебе бы петь, о внук Велесов!..

За Сулóй-рекою да ржут кони,
Звон звенит во Киеве во стольном,
В Новеграде затрубили трубы;
Веют стяги красные в Путивле...
Поджидает Игорь мила брата;
А пришел и Всеволод и молвит:
«Игорь, брат, един ты свет мой светлый!
Святославли мы сыны, два брата!
Ты седлай коней своих ретивых,
А мои оседланы уж в Курске!
И мои куряне ль не смышлены!
Повиты под бранною трубою,
Повзросли под шлемом и кольчугой,
Со конца копья они вскормлёны!
Все пути им сведомы, овраги!
Луки туги, тулы отворёны,

Остры сабли, крепко отточёны,
Сами скачут словно волки в поле,
Алчут чести, а для князя славы!..»

И вступил князь Игорь во злат стремя
И дружины двинулись за князем.
Солнце путь их тьмою заступало;
Ночь пришла — та взвыла, застонала
И грозою птиц поразбудила.
Свист звериный встал кругом по степи;
Высоко поднявшися по древу,
Черный Див закликал, подавая
Весть на всю незнаемую землю,
На Сулу, на Волгу и Поморье,
На Корсунь и Сурожское море,
И тебе, болван Тмутороканский!
И бегут неёзжими путями
К Дону тьмы поганых, и отвсюду
От телег их скрып пошел, — ты скажешь:
Лебедей испуганные крики.

Игорь путь на Дон великий держит,
А над ним беду уж чуют птицы
И несутся следом за полками;
Воют волки по крутым оврагам,
Ощетинясь, словно бурю кличут;
На красны щиты лисицы брешут,
А орлы своим зловещим клектом
По степям зверьё зовут на кости...

А уж в степь зашла ты, Русь, далеко!
Перевал давно переступила!

Ночь редеет. Бел рассвет проглянул,
По степи туман понесся сизый;
Позамолкнул щекот соловьиный,

Галчий говор по кустам проснулся...
В поле Русь, с багряными щитами,
Длинным строем изрядилась к бою,
Алча чести, а для князя — славы.

И в пяток то было; спозаранья
Потоптали храбрые поганых!
По полю рассыпавшись, что стрелы,
Красных дев помчали половецких,
Оксами́ту, па́волок и злата.
А мешков и всяких узоро́чий,
Кожухов и юрт такую силу,
Что мосты в грязя́х мостили ими.
Всё дружине храброй отдал Игорь,
Красный стяг один себе оставил,
Красный стяг, серебряное древко,
С алой челкой, с белою хоругвью.

Дремлет храброе гнездо Олега.
Далеко, родное, залетело!
«Не родились, знай, мы на обиду
Ни тебе, быстр сокол, пёстер кречет,
Ни тебе, зол ворон половчанин...»

А уж Гзак несется серым волком,
И Кончак за Гзаком им навстречу...

И в другой день полосой кровавой
Повещают день кровавый зори...
Идут тучи черные от моря,
Тьмой затмить хотят четыре солнца...
Синие в них молнии трепещут...
Грому быть, великому быть грому!
Лить дождю калёными стрела́ми!
Поломаться копьям о кольчуги,
Потупиться саблям о шеломы,
О шеломы половчан поганых!

А уж в степь зашла ты, Русь, далеко
Перевал давно переступила!..

Чу! Стрибожьи чада понеслися,
Веют ветры, уж наносят стрелы,
На полки их Игоревы сыплют...
Помутились, пожелтели реки,
Загудело поле, пыль поднялась,
И сквозь пыли уж знамёна плещут...
Ото всех сторон враги подходят —
И от Дона и от синя моря,
Обступают наших отовсюду!
Отовсюду бесовы исчадья
Понеслися с гиканьем и криком.

Молча Русь, отпор кругом готовя,
Подняла щиты свои багряны.

Ярый тур ты, Всеволод! Стоишь ты
Впереди с курянами своими!
Прыщешь стрелами на вражьих воев,
О шеломы их гремишь мечами!
Где ты, буй тур, ни поскачешь в битве,
Золотым посвечивая шлемом, —
Там валятся головы поганых,
Там трещат аварские шеломы
Вкруг тебя от сабель молодецких!
Не считает ран уж он на теле!
Да ему о ранах ли тут помнить,
Коль забыл он и Чернигов славный,
Отчий стол, честны́ пиры княжие
И своей красавицы княгини,
Той ли светлой Глебовны, утехи,
Милый лик и ласковый обычай!

Были веки темного Трояна,
Ярослава годы миновали;
Были брани храброго Олега...
Тот Олег мечом ковал крамолу,
Сеял стрелы по земле по Русской...
Затрубил он сбор в Тмуторокани:
Слышал трубы Всеволод великий,
И с утра в Чернигове Владимир
Сам в стенах закладывал ворота...
А Бориса ополчила слава
И на смертный одр его сложила
На зеленом поле у Канйна...
Пал млад князь, пал храбрый Вячеславич,
За его ж, за Ольгову, обиду!
И с того зеленого же поля
На своих угóрских иноходцах
Ярополк увез и отче тело
Ко святой Софии в стольный Киев.
И тогда ж, в те злые дни Олега,
Сеялось крамолой и растилось
На Руси от внуков Гориславы;
Погибала жизнь Дажьбожьих внуков,
Сокращались веки человекам...
В дни те редко ратаи за плугом
На Руси покрикивали в поле;
Только враны каркали на трупах,
Галки речь вели между собою,
Далекó почуя мертвечину.

Так в те брани, так в те рати было,
Но такой, как Игорева битва,
На Руси не слыхано от века!

От зари до вечера, день целый,
С вечера до света реют стрелы,
Гремлют остры сабли о шеломы,

С треском копья ломятся булатны
Середи́ неведомого поля,
В самом сердце Половецкой сте́пи!
Под копытом черное все поле
Было сплошь засеяно костями,
Было кровью алою поли́то,
И взошел посев по Руси — горем!..

Что́ шумит-звенит перед зарею?
Скачет Игорь полк поворотити...
Жалко брата... Третий день уж бьются!
Третий день к полудню уж подходит:
Тут и стяги Игоревы пали!
Стяги пали, тут и оба брата
На Каяле быстрой разлучились...
Уж у храбрых русичей не стало
Тут вина кровавого для пира,
Попоили сватов, да и сами
Полегли за о́тческую землю!
В поле травы с жалости поникли,
Дерева̀ с печали приклонились...

Невеселый час настал, о братья!
Уж пустыня скрыла поле боя,
Где легла Дажьбожья внука сила, —
Но над ней стоит ее Обида...
Обернулась девою Обида
И ступила на землю Трояню,
Распустила крылья лебедины
И, крылами плещучи у Дона,
В синем море плеща, громким гласом
О годах счастливых поминала:

«От усобиц княжьих — гибель Ру́си!
Братья спорят: то́ мое и это!
Зол раздор из малых слов заводят,

На себя куют крамолу сами,
А на Русь с победами приходят
Отовсюду вóроги лихие!

Залетел далече ясный сокол,
Загоняя птиц ко синю морю, —
А полка уж Игорева нету!
На всю Русь поднялся вой поминок,
Поскочила Скорбь от веси к веси
И, мужей зовя на тризну, мечет
Им смолой пылающие роги...
Жены плачут, слезно причитают:
Уж ни мыслью милых нам не смыслить!
Уж ни думой лад своих не сдумать!
Ни очами нам на них не глянуть,
Златом, срéбром нам уже не звякнуть!

Стонет Киев, тужит град Чернигов,
Широко печаль течет по Руси;
А князья куют себе крамолу,
А враги с победой в селах рыщут,
Собирают дань по белке с дыму...
А все храбрый Всеволод да Игорь!
То они зло лихо разбудили:
Усыпил было его могучий
Святослав, князь Киевский великий...
Был грозой для ханов половецких!
Наступил на землю их полками,
Притоптал их хóлмы и овраги,
Возмутил их реки и озера,
Иссушил потоки и болота!
А того поганого Кобяка,
Из полков железных половецких,
Словно вихрь, исторг из лукоморья —
И упал Кобяк во стольный Киев,
В золотую гридню к Святославу...

Немцы, греки, и венецияне,
И морава хвалят Святослава,
И корят все Игоря, смеются,
Что на дне Каялы половецкой
Погрузил он русскую рать-силу,
Ре́ку русским золотом засыпал
Да на ней же сам с седла златого
На седло кощея пересажен».

В городах затворены́ ворота.
Приумолкло на Руси веселье.
Смутен сон приснился Святославу.

«Снилось мне, — он сказывал боярам
Что меня на кипарисном ложе,
На горах, здесь в Киеве, ох, черным
Одевали с вечера покровом;
С синим мне вином мешали зе́лье;
Из поганых половецких ту́лов
Крупный жемчуг сыпали на лоно;
На меня, на мертвеца, не смотрят, —
В терему ж золотоверхом словно
Из конька повыскочили доски,
И всю ночь прокаркали у Пленска,
Там, где прежде дебрь была Кисаня,
На подолье, стаи черных вранов,
Проносясь несметной тучей к морю...»

Отвечали княжие бояре:

«Ум твой, княже, полонило горе!
С злат-стола два сокола слетели,
Захотев испить шеломом Дону,
Поискать себе Тмуторокани.
И подсекли половцы им крылья,
А самих опутали в железа!
В третий день внезапно тьма настала!

Оба солнца красные померкли,
Два столба багряные погасли,
С ними оба тьмой поволоклися
И в небесных безднах погрузились,
На веселье ханам половецким,
Молодые месяцы, два света —
Володимир с храбрым Святославом!
На Каяле Тьма наш Свет покрыла,
И простерлись половцы по Руси,
Словно люты пардусовы гнезда!
Уж хула на славу нанеслася,
Зла нужда ударила на волю,
Черный Див повергнулся на землю,
Рад, что девы готские запели
По всему побережью синя моря!
Золотом позванивают русским,
Прославляют Бусовы победы
И лелеют месть за Шарукана...
До веселья ль, княже, тут дружине!»

Изронил тогда в ответ боярам
Святослав из уст златое слово,
Горючьми слезами облитое:

«Детки, детки, Всеволод мой, Игорь!
Сыновцы мои вы дорогие!
Не в пору искать пошли вы славы
И громить мечами вражью землю!
Ни победой, ни пролитой кровью
Для себя не добыли вы чести!
Да сердца-то ваши удалые
На огне искованы на лютом,
Во отваге буйной закалёны!
Что теперь вы, дети, сотворили
С сединой серебряной моею?
Нет со мной уж брата Ярослава!

Он ли сильный, он ли многоратный,
Со своей черниговской дружиной!
А его Могу́ты и Татра́ны,
Топчаки́, Реву́ги и Ольбе́ры,
Те — с ножами, без щитов, лишь кликом,
Браиной славой прадедам ревнуя,
Побеждают полчища и рати...
Вы ж возмнили: сами одолеем!
Всю сорвем, что в будущем есть, славу,
Да и ту, что добыли уж деды!..

Старику б помолодеть не диво!
Вьет гнездо соко́л и птиц взбивает,
Своего гнезда не даст в обиду,
Да беда — в князьях мне нет помоги!
Времена тяжелые настали:
Крик в Ромна́х под саблей половецкой!
Володимир ранами изъя́звлен,
Стонет, тужит Глебович удалый...
Что ж ты, княже, Всеволод великий!
И ие в мысль тебе перелетети,
Издалёка поблюсти стол отчий?
Мог бы Волгу веслами разбрызгать,
Мог бы Дон шело́мами расчерпать!
Будь ты здесь, да половцев толпою
Продавали б — девка по ногате,
Смерд-кощей по ре́зани пошел бы!
Ведь стрелять и посуху ты можешь:
У тебя живые самострелы —
Двое братьев, Глебовичей храбрых!

Ты, буй Рюрик, ты, Давыд удалый!
Вы ль с дружиной по златые шлемы
Во крови не плавали во вражьей?
Ваши ль рати не рычат по степи,
Словио туры, раненные саблей!

Ой, вступите в золотое стремя,
Распалитесь гневом за обиду
Вы за землю Русскую родную,
За живые Игоревы раны!

Остромысл ты вещий, Ярославе...
Высоко на золотом престоле
Восседаешь в Галиче ты крепком!
Пóдпер ты своей железной ратью,
Что стеной, Карпатские угорья,
Заградив для короля дорогу,
Затворив ворота на Дунае,
Через тучи сыпля горы камней
И судя до самого Дуная!
И текут от твоего престола
По землям на супротивных грозы...
Отворяешь в Киеве ворота,
Мечешь стрелы зá земли в салтанов!..
Ах, стреляй в поганого кощея,
Разгроми Кончáка за обиду,
Встань за землю Русскую родную,
За живые Игоревы раны!

Ты, Роман, с своим Мстиславом верным
Смело мысль стремит ваш ум на подвиг!
Ты, могучий, в замыслах высоко
Возлетаешь, что сокóл ширяя
На ветрáх над верною добычей...
Грудь у вас из-под латинских шлемов
Вся покрыта кольчатою сеткой!
Перед вами трепетали земли,
Потрясались Хи́новские страны,
Деремéла ж, половцы с литвою
И ятвя́ги палицы бросали
И во прах кидались перед вами!
Свет, о князь, от Игоря уходит!

Не на благо лист спадает с древа!
По Росй, Сулé враг грады делит,
А полку уж Игорева нету!
Дон зовет, Роман, тебя на подвиг,
Всех князей сзывает на победу,
А одни лишь ольговичи вняли
И на брань на зов его доспели...

Ингварь, Всеволод и вы, три брата,
Вы, три сына храброго Мстислава,
Не худа гнезда птенцы крылаты!
Отчин вы мечом не добывали —
Где же ваши шлемы золотые?
Аль уж нет щитов и ляшских палиц?
Заградите острыми стрелами
Ворота́ на Русь с широкой степи!
Потрудитесь, князи, в поле ратном,
Все за землю Русскую родную,
За живые Игоревы раны!..

Уж не той серебряной струею
Потекла Сула к Переяславлю,
И Двина пошла уже болотом,
Взмущена врагом, под грозный Полоцк!
Услыхал и Полоцк крик поганых!
Изяслав булатными мечами
Позвонил один о вражьи шлемы,
Да разбил лишь дедовскую славу,
Сам сражен литовскими мечами
И изрублен на траве кровавой,
Под щитами красными своими!
И, на том одрé на смертном лёжа,
Сам сказал: «Вороньими крылами
Приодел ты, князь, свою дружину,
Полизать зверям ее дал крови!»
И один, без брата Брячислава,

Без другого Всеволода-брата,
Изронил жемчужную он душу;
Изронил один из храбра тела,
Сквозь свое златое ожерелье!..
И поникло в óтчине веселье,
В Городнé трубят печально трубы...

Все вы, внуки грозного Всеслава,
Опустите ваши красны стяги
И в ножны́ мечи свои вложите:
Вы из дедней выскочили славы!
В ваших сварах первые вы стали
Наводить на óтчий край поганых!
И от вас не лучше половецких,
Таковы ж насилья были Ру́си!
Загадал о дедине любезной
Тот Всеслав, на Киев жребий бросил,
На коня вскочил он и помчался,
Да лишь древком копия́ добился
До его престола золотого!
В ночь бежал оттуда лютым зверем,
Синей мглой из Бéлграда поднялся,
Утром бил уж стены в Новегра́де,
Ярослава славу поруша́я...
Проскочил оттуда серым волком,
От Дудуток на реку Немигу...
Не снопы то стелют на Немиге —
Человечьи головы кидают!
Не цепами молотя́т — мечами!
Жизнь на ток кладут и веют душу,
Веют душу храбрую от тела!
Ох, не житом сеяны — костями
Берега кровавые Немиги,
Всё своими русскими костями!..
Днем Всеслав суды судил народу
И ряды рядил между князьями,

В ночь же волком побежит, бывало,
К петухам в Тмуторокань поспеет,
Хорсу путь его перебегая!
Да! ему заутреню, бывало,
Зазвонят у полоцкой Софии,
Он же звон у киевской уж слушал!
А хотя и с вещею душою
Был, великий, в богатырском теле,
Все ж беды́ терпел-таки немало!
Про него и спел Боян припевку:
«Будь хитер-горазд, летай хоть птицей,
Всё суда ты божьего не минешь!»

Ох, стонать земле великой Русской,
Про князей воспоминая давних,
Вспоминая прежнее их время!
Да нельзя ж ведь было пригвоздити
Ко горам ко киевским высоким
Старика Владимира навеки!
По рукам пошли его знамена,
И уж розно машут бунчуками,
Розно копья петь пошли по рекам!

Игорь слышит Ярославнин голос...
Там, в земле незнаемой, поу́тру
Ра́ным-рано ласточкой щебечет:
«По Дунаю ласточкой помчусь я,
Омочу бебрян рукав в Каяле,
Оботру кровавы раны князю
На бело́м его могучем теле!..»

Там она, в Путивле, ра́ным-рано
На стене стоит и причитает:

«Ветр-ветрило! Что ты, господине,
Что ты веешь, что на легких крыльях

Носишь стрелы в храбрых воев лады!
В небесах, под облаки бы веял,
По морям кораблики лелеял,
А то веешь, веешь — развеваешь
На ковыль-траву мое веселье...»

Там она, в Путивле, ра́ным-рано
На стене стоит и причитает:

«Ты ли, Днепр мой, Днепр ты мой Сла
По земле прошел ты Половецкой,
Пробивал ты каменные горы!
Ты ладьи лелеял Святослава,
До земли Кобяковой носил их...
Прилелей ко мне мою ты ладу,
Чтоб мне слез не слать к нему с тобою
По сырым зоря́м на сине море!..»

Рано-рано уж она в Путивле
На стене стоит и причитает:

«Светлое, тресветлое ты Солнце,
Ах, для всех красно, тепло ты, Солнце!
Что ж ты, Солнце, с неба устремило
Жаркий луч на лады храбрых воев!
Жаждой их томишь в безводном поле,
Сушишь-гнешь несмоченные луки,
Замыкаешь кожаные тулы...»

———

Сине море прыснуло к полночи.
Мглой встают, идут смерчи́ морские:
Кажет бог князь-Игорю дорогу
Из земли далекой Половецкой
К золотому отчему престолу.

Погасают сумерки сквозь тучи...
Игорь спит, не спит, крылатой мыслью
Мерит поле ко Донцу от Дона.
За рекой Овлур к полночи свищет,
По коня он свищет, повещает:
«Выходи, князь Игорь, из полона».

Ветер воет, проносясь по степи,
И шатает вежи половецки:
Шелестит-шуршит ковыль высокий,
И шумит-гудит земля сырая...
Горностаем скок в тростник князь Игорь,
Что бел гоголь по воде ныряет,
На быстра добра коня садится;
По лугам Донца что волк несется;
Что сокóл летит в сырых туманах,
Лебедей, гусей себе стреляет
На обед, на завтрак и на ужин.

Что сокóл летит князь светлый Игорь,
Что сер волк Овлур за ним несется,
Студену́ росу с травы стряхая.
Уж лихих коней давно загнали.

Вран не каркнет, галчий стихнул говор,
И сорочья стрекота не слышно.
Только дятлы ползают по ветвям,
Дятлы тёктом путь к реке казу́ют,
Соловьин свист зори повещает...

Говорит Донец: «Ох, князь ты Игорь!
Величанья ж ты себе да добыл,
А Кончаку всякого проклятья,
Русской всей земле светлá веселья!»

Отвечал Донцу князь светлый Игорь:
«Донче, Донче, ты ли, тихоструйный!
И тебе да будет величанье,
Что меня ты на волна́х лелеял,
Зелену́ траву мне стлал в постелю
На своем серебряном побережье,
Теплой мглою на меня ты веял
Под темно́й зеленою ракитой;
Серой уткой сторожил на русле,
На струях — чирком, на ветрах — чайкой...
Вот Стугна, о Донче, не такая!
Как пожрет-попьет ручьи чужие,
По кустам, по долам разольется!..
Ростислава-юношу пожрала,
На Днепре ж, на темном побережье,
Плачет мать по юноше, по князе;
Приуныли с жалости цветочки,
Дерева с печали приклонились...»

Не сороки — чу! — застрекотали:
Едут Гзак с Кончаком в злу погоню.

Молвит Гзак Кончаку на погони:
«Коль соко́л к гнезду летит, урвался,
Уж млада́ соколика не пустим,
А поставим друга в чистом поле,
Расстреляем стрелами златыми».

И в ответ Кончак ко люту Гзаку:
«Коль соко́л к гнезду летит, урвался,
Со́кольца опутаем потуже
Крепкой цепью — красною деви́цей».

Гзак в ответ Кончаку слово молвит:
«Коль опутать красною девицей,
Не видать ни сокольца младого,

Не видать ни красной нам девицы;
А их детки бить почнут нас в поле,
Здесь же, в нашем поле половецком».

Стародавних былей песнотворец,
Ярослава певший и Олега,
Так-то в песне пел про Святослава:
«Тяжело главе без плеч могучих,
Горе телу без главы разумной».
И земле так горько было Русской
Без уда́ла Игоря, без князя...
Ан на небе солнце засветило:
Игорь-князь в земле уж скачет Русской.
На Дунае девицы запели;
Через море песнь отдалась в Киев.
Игорь едет, на Боричев держит,
Ко святой иконе Пирогощей.
В селах радость, в городах веселье;
Все князей поют и величают,
Пе́рво — старших, а за ними — младших.
Воспоем и мы: свет-Игорь — слава!
Буй тур свету-Всеволоду — слава!
Володимир Игоревич — слава!
Святославу Ольговичу — слава!
Вам на здравье, князи и дружина,
Христиан поборцы на поганых!

Слава князьям и дружине!
Аминь.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

В переложении Н. Заболоцкого

Вступление

Не пора ль нам, братия, начать
О походе Игоревом слово,
Чтоб старинной речью рассказать
Про деянья князя удалого?
А воспеть нам, братия, его —
В похвалу трудам его и ранам —
По былинам времени сего,
Не гоняясь в песне за Бояном.
Тот Боян, исполнен дивных сил,
Приступая к вещему напеву,
Серым волком по полю кружил,
Как орел, под облаком парил,
Растекался мыслию по древу.
Жил он в громе дедовских побед,
Знал немало подвигов и схваток,

И на стадо лебедей чуть свет
Выпускал он соколов десяток.
И, встречая в воздухе врага,
Начинали соколы расправу,
И взлетала лебедь в облака
И трубила славу Ярославу.
Пела древний киевский престол,
Поединок славила старинный,
Где Мстислав Редедю заколол
Перед всей касожскою дружиной,
И Роману Красному хвалу
Пела лебедь, падая во мглу.

Но не десять соколов пускал
Наш Боян, но, вспомнив дни былые,
Вещие персты он подымал
И на струны возлагал живые, —
Вздрагивали струны, трепетали,
Сами князям славу рокотали.

Мы же по иному замышленью
Эту повесть о године бед
Со времен Владимира княженья
Доведем до Игоревых лет
И прославим Игоря, который,
Напрягая разум, полный сил,
Мужество избрал себе опорой,
Ратным духом сердце поострил
И повел полки родного края,
Половецким землям угрожая.

О Боян, старинный соловей!
Приступая к вещему напеву,
Если б ты о битвах наших дней
Пел, скача по мысленному древу;
Если б ты, взлетев под облака,

Нашу славу с дедовскою славой
Сочетал на долгие века,
Чтоб прославить сына Святослава;
Если б ты Трояновой тропой
Средь полей помчался и курганов, —
Так бы ныне был воспет тобой
Игорь-князь, могучий внук Троянов:
«То не буря соколов несет
За поля широкие и долы,
То не стаи галочьи летят
К Дону на великие просторы!»
Или так воспеть тебе, Боян,
Внук Велесов, наш военный стан:
«За Сулóю кони ржут,
Слава в Киеве звенит,
В Новеграде трубы громкие трубят,
Во Путивле стяги бранные стоят!»

Часть первая

1

Игорь-князь с могучею дружиной
Мила брата Всеволода ждет.
Молвит буй тур Всеволод: «Единый
Ты мне брат, мой Игорь, и оплот!
Дети Святослава мы с тобою,
Так седлай же борзых коней, брат!
А мои, давно готовы к бою,
Возле Курска под седлом стоят.

2

А куряне славные —
Витязи исправные:
Родились под трубами,

Росли под шеломами,
Выросли как воины,
С конца копья́ вскормлены.
Все пути им ведомы,
Все яруги знаемы,
Луки их натянуты,
Колчаны отворены,
Сабли их наточены,
Шеломы позолочены.
Сами скачут по полю волками
И, всегда готовые к борьбе,
Добывают острыми мечами
Князю — славы, почестей — себе!»

3

Но, взглянув на солнце в этот день,
Подивился Игорь на светило:
Середь бела дня ночная тень
Ополченья русские покрыла.
И, не зная, что сулит судьбина,
Князь промолвил: «Братья и дружина!
Лучше быть убиту от мечей,
Чем от рук поганых полонёну!
Сядем, братья, на лихих коней
Да посмо́трим синего мы Дону!»
Вспала князю эта мысль на ум —
Искусить неведомого края,
И сказал он, полон ратных дум,
Знаменьем небес пренебрегая:
«Копие хочу я преломить
В половецком поле незнакомом,
С вами, братья, голову сложить
Либо Дону зачерпнуть шеломом!»

4

Игорь-князь во злат стремень вступает,
В чистое он поле выезжает.
Солнце тьмою путь ему закрыло,
Ночь грозою птиц перебудила,
Свист зверей несется, полон гнева,
Кличет Див над ним с вершины древа,
Кличет Див, как половец в дозоре,
За Сулу, на Сурож, на Поморье,
Корсуню и всей округе ханской,
И тебе, болван тмутороканский!

5

И бегут, заслышав о набеге,
Половцы сквозь степи и яруги,
И скрипят их старые телеги,
Голосят, как лебеди в испуге.
Игорь к Дону движется с полками,
А беда несется вслед за ним:
Птицы, поднимаясь над дубами,
Реют с криком жалобным своим,
По оврагам волки завывают,
Крик орлов доносится из мглы —
Знать, на кости русские скликают
Зверя кровожадные орлы;
Уж лиса на щит червленый брешет,
Стон и скрежет в сумраке ночном...
    О Русская земля!
    Ты уже за холмом.

6

Долго длится ночь. Но засветился
Утренними зорями восток.
Уж туман над полем заклубился,

Говор галок в роще пробудился,
Соловьиный щекот приумолк.
Русичи, сомкнув щиты рядами,
К славной изготовились борьбе,
Добывая острыми мечами
Князю — славы, почестей — себе.

7

На рассвете, в пятницу, в туманах,
Стрелами по полю полетев,
Смяло войско половцев поганых
И умчало половецких дев.
Захватили золота без счета,
Груду аксамитов и шелков,
Вымостили топкие болота
Япанчами красными врагов.
А червленый стяг с хоругвью белой,
Челку и копье из серебра
Взял в награду Святославич смелый,
Не желая прочего добра.

8

Выбрав в поле место для ночлега
И нуждаясь в отдыхе давно,
Спит гнездо бесстрашное Олега —
Далеко подвинулось оно!
Залетело, храброе, далече,
И никто ему не господин —
Будь то сокол, будь то гордый кречет,
Будь то черный ворон — половчин.
А в степи, с ордой своею дикой
Серым волком рыская чуть свет,
Старый Гзак на Дон бежит великий,
И Кончак спешит ему вослед.

9

Ночь прошла, и кровяные зори
Возвещают бедствие с утра.
Туча надвигается от моря
На четыре княжеских шатра.
Чтоб четыре солнца не сверкали,
Освещая Игореву рать,
Быть сегодня грому на Каяле,
Лить дождю и стрелами хлестать!
Уж трепещут синие зарницы,
Вспыхивают молнии кругом.
Вот где копьям русским преломиться,
Вот где саблям острым притупиться,
Загремев о вражеский шелом!
О Русская земля!
Ты уже за холмом.

10

Вот Стрибожьи вылетели внуки —
Зашумели ветры у реки,
И взметнули вражеские луки
Тучу стрел на русские полки.
Стоном стонет мать-земля сырая,
Мутно реки быстрые текут,
Пыль несется, поле покрывая,
Стяги плещут: половцы идут!
С Дона, с моря с криками и с воем
Валит враг, но, полон ратных сил,
Русский стан сомкнулся перед боем
Щит к щиту — и степь загородил.

11

Славный яр тур Всеволод! С полками
В обороне крепко ты стоишь,
Прыщешь стрелы, острыми клинками

О шеломы ратные гремишь.
Где ты ни проскачешь, тур, шеломом
Золотым посвечивая, там
Шишаки земель аварских с громом
Падают, разбиты пополам.
И слетают головы с поганых,
Саблями порублены в бою,
И тебе ли, тур, скорбеть о ранах,
Если жизнь не ценишь ты свою!
Если ты на ратном этом поле
Позабыл о славе прежних дней,
О златом черниговском престоле,
О желанной Глебовне своей!

12

Были, братья, времена Трояна,
Миновали Ярослава годы,
Позабылись правнуками рано
Грозные Олеговы походы.
Тот Олег мечом ковал крамолу,
Пробираясь к отчему престолу,
Сеял стрелы и, готовясь к брани,
В злат стремень вступал в Тмуторокани,
В злат стремень вступал, готовясь к сече.
Звон тот слушал Всеволод далече,
А Владимир за своей стеною
Уши затыкал перед бедою.

13

А Борису, сыну Вячеслава,
Зелен саван у Канйна брега
Присудила воинская слава
За обиду храброго Олега.
На такой же горестной Каяле,
Укрепив носилки между вьюков,

Святополк отца увез в печали,
На конях угорских убаюкав.
Прозван Гориславичем в народе,
Князь Олег пришел на Русь как ворог.
Внук Дажьбога бедствовал в походе,
Век людской в крамолах стал недолог.
И не стало жизни нам богатой,
Редко в поле выходил оратай,
Вóроны над пашнями кружились,
На убитых с криками садились,
Да слетались галки на беседу,
Собираясь стаями к обеду...
Много битв в те годы отзвучало,
Но такой, как эта, не бывало.

14

Уж с утра до вечера и снова
С вечера до самого утра
Бьется войско князя удалого,
И растет кровавых тел гора.
День и ночь над полем незнакомым
Стрелы половецкие свистят,
Сабли ударяют по шеломам,
Копья харалужные трещат.
Мертвыми усеяно костями,
Далеко от крови почернев,
Задымилось поле под ногами,
И взошел великими скорбями
На Руси кровавый тот посев.

15

Что там шумит,
Что там звенит
Далеко во мгле, перед зарею?
Игорь, весь израненный, спешит

Беглецов вернуть обратно к бою.
Не удержишь вражескую рать!
Жалко брата Игорю терять.
Бились день, рубились день другой,
В третий день к полудню стяги пали,
И расстался с братом брат родной
На реке кровавой, на Каяле.
Недостало русичам вина,
Славный пир дружины завершили —
Напоили сватов допьяна,
Да и сами головы сложили.
Степь поникла, жалости полна,
И деревья ветви приклонили.

16

И настала тяжкая година,
Поглотила русичей чужбина,
Поднялась Обида от курганов
И вступила девой в край Троянов.
Крыльями лебяжьими всплеснула,
Дон и море оглашая криком,
Времена довольства пошатнула,
Возвестив о бедствии великом.
А князья дружин не собирают,
Не идут войной на супостата,
Малое великим называют
И куют крамолу брат на брата.
А враги на Русь несутся тучей,
И повсюду бедствие и горе.
Далеко ты, сокол наш могучий,
Птиц бия, ушел на сине море!

17

Не воскреснуть Игоря дружине,
Не подняться после грозной сечи!
И явилась Карна и в кручине

Смертный вопль исторгла, и далече
Заметалась Желя по дорогам,
Потрясая искрометным рогом.
И от края, братья, и до края
Пали жены русские, рыдая:
«Уж не видеть милых лад нам боле!
Кто разбудит их на ратном поле?
Их теперь нам мыслию не смыслить,
Их теперь нам думою не сдумать,
И не жить нам в тереме богатом,
Не звенеть нам сéребром да златом!»

18

Стонет, братья, Киев над горою,
Тяжела Чернигову напасть,
И печаль обильною рекою
По селеньям русским разлилась.
И нависли половцы над нами,
Дань берут по белке со двора,
И растет крамола меж князьями,
И не видно от князей добра.

19

Игорь-князь и Всеволод отважный —
Святослава храбрые сыны —
Вот ведь кто с дружиною бесстрашной
Разбудил поганых для войны!
А давно ли, мощною рукою
За обиды наши покарав,
Это зло великое грозою
Усыпил отец их, Святослав!
Был он грозен в Киеве с врагами
И поганых ратей не щадил —
Устрашил их сильными полками,

Порубил булатными мечами
И на Степь ногою наступил.
Потоптал холмы он и яруги,
Возмутил теченье быстрых рек,
Иссушил болотные округи,
Степь до лукоморья пересек.
А того поганого Кобяка
Из железных вражеских рядов
Вихрем вырвал — и упал, собака,
В Киеве, у княжьих теремов.

20

Венецейцы, греки и морава
Что ни день о русичах поют,
Величают князя Святослава,
Игоря отважного клянут.
И смеется гость земли немецкой,
Что, когда не стало больше сил,
Игорь-князь в Каяле половецкой
Русские богатства утопил.
И бежит молва про удалого,
Будто он, на Русь накликав зло,
Из седла, несчастный, золотого
Пересел в кощеево седло...
Приумолкли города, и снова
На Руси веселье полегло.

Часть вторая

1

В Киеве далеком, на горах,
Смутный сон приснился Святославу
И объял его великий страх,
И собрал бояр он по уставу.
«С вечера до нынешнего дня, —

Молвил князь, поникнув головою, —
На кровати тисовой меня
Покрывали черной пеленою.
Черпали мне синее вино,
Горькое отравленное зелье,
Сыпали жемчу́г на полотно
Из колчанов вражьего изделья.
Златоверхий терем мой стоял
Без конька, и, предвещая горе,
Вражий ворон в Плесенске кричал
И летел, шумя, на сине море».

2

И бояре князю отвечали:
«Смутен ум твой, княже, от печали.
Не твои ль два сокола, два чада
Поднялись над полем незнакомым
Поискать Тмуторокани-града
Либо Дону зачерпнуть шеломом?
Да напрасны были их усилья.
Посмеявшись на твои седины,
Подрубили половцы им крылья,
А самих опутали в путины».

3

В третий день окончилась борьба
На реке кровавой, на Каяле,
И погасли в небе два столба,
Два светила в сумраке пропали.
Вместе с ними, за море упав,
Два прекрасных месяца затмились —
Молодой Олег и Святослав
В темноту ночную погрузились.
И закрылось небо, и погас
Белый свет над Русскою землею,

И, как барсы лютые, на нас
Кинулись поганые с войною.
И воздвиглась на Хвалу Хула,
И на волю вырвалось Насилье,
Прянул Див на землю, и была
Ночь кругом и горя изобилье.

4

Девы готские у края
Моря синего живут.
Русским золотом играя,
Время Бусово поют.
Месть лелеют Шаруканью,
Нет конца их ликованью...
Нас же, братия-дружина,
Только беды стерегут.

5

И тогда великий Святослав
Изронил свое златое слово,
Со слезами смешано, сказав:
«О сыны, не ждал я зла такого!
Загубили юность вы свою,
На врага не вовремя напали,
Не с великой честию в бою
Вражью кровь на землю проливали.
Ваше сердце в кованой броне
Закалилось в буйстве самочинном.
Что ж вы, дети, натворили мне
И моим серебряным сединам?
Где мой брат, мой грозный Ярослав,
Где его черниговские слуги,
Где татраны, жители дубрав,
Топчаки, ольберы и ревуги?
А ведь было время — без щитов,

Выхватив ножи из голенища,
Шли они на полчища врагов,
Чтоб отмстить за наши пепелища.
Вот где славы прáдедовской гром!
Вы ж решили бить наудалую:
«Нашу славу силой мы возьмем,
А за ней поделим и былую».
Диво ль старцу — мне помолодеть?
Старый сокол, хоть и слаб он с виду,
Высоко заставит птиц лететь,
Никому не даст гнезда в обиду.
Да князья помочь мне не хотят,
Мало толку в силе молодецкой.
Время, что ли, двинулось назад?
Ведь под самым Римовым кричат
Русичи под саблей половецкой!
И Владимир в ранах, чуть живой, —
Горе князю в сече боевой!»

6

Князь великий Всеволод! Доколе
Муки нам великие терпеть?
Не тебе ль на суздальском престоле
О престоле отчем порадеть?
Ты и Волгу веслами расплещешь,
Ты шеломом вычерпаешь Дон,
Из живых ты луков стрелы мечешь,
Сыновьями Глеба окружен.
Если б ты привел на помощь рати,
Чтоб врага не выпустить из рук, —
Продавали б девок по ногате,
А рабов — по резани на круг.

7

Вы, князья буй Рюрик и Давид!
Смолкли ваши воинские громы.
А не ваши ль плавали в крови
Золотом покрытые шеломы?
И не ваши ль храбрые полки
Рыкают, как туры, умирая
От каленой сабли, от руки
Ратника неведомого края?
Встаньте, государи, в злат стремень
За обиду в этот черный день,
        За Русскую землю,
        За Игоревы раны —
Удалого сына Святославича!

8

Ярослав, князь Галицкий! Твой град
Высоко стоит под облаками.
Оседлал вершины ты Карпат
И подпер железными полками.
На своем престоле золотом
Восемь дел ты, князь, решаешь разом,
И народ зовет тебя кругом
Осмомыслом — за великий разум.
Дверь Дуная заперев на ключ,
Королю дорогу заступая,
Бремена ты мечешь выше туч,
Суд вершишь до самого Дуная.
Власть твоя по землям потекла,
В киевские входишь ты пределы,
И в салтанов с отчего стола
Ты пускаешь княжеские стрелы.
Так стреляй в Кончака, государь,
С дальних гор на ворога ударь

За Русскую землю,
За Игоревы раны —
Удалого сына Святославича!

9

Вы, князья Мстислав и буй Роман!
Мчит ваш ум на подвиг мысль живая,
И несетесь вы на вражий стан,
Соколом ширяясь сквозь туман,
Птицу в буйстве одолеть желая.
Вся в железе княжеская грудь,
Золотом шелом латинский блещет,
И повсюду, где лежит ваш путь,
Вся земля от тяжести трепещет.
Хинову вы били и Литву;
Деремела, половцы, ятвяги,
Бросив копья, пали на траву
И склонили буйную главу
Под мечи булатные и стяги.

10

Но уж прежней славы больше с нами нет.
Уж не светит Игорю солнца ясный свет.
Не ко благу дерево листья уронило:
Поганое войско грады поделило.
По Сулé, по Рóси счету нет врагу.
Не воскреснуть Игореву храброму полку!
Дон зовет нас, княже, кличет нас с тобой!
Ольговичи храбрые одни вступили в бой.

11

Князь Ингварь, князь Всеволод! И вас
Мы зовем для дальнего похода,
Трое ведь Мстиславичей у нас,

Шестокрыльцев княжеского рода!
Не в бою ли вы себе честном
Города и волости достали?
Где же ваш отеческий шелом,
Верный щит, копье из ляшской стали?
Чтоб ворота Полю запереть,
Вашим стрелам время зазвенеть
За Русскую землю,
За Игоревы раны —
Удалого сына Святославича!

12

Уж не течет серебряной струею
К Переяславлю-городу Сула.
Уже Двина за полоцкой стеною
Под клик поганых в топи утекла.
Но Изяслав, Васильков сын, мечами
В литовские шеломы позвонил,
Один с своими храбрыми полками
Всеславу-деду славы прирубил.
И сам, прирублен саблею каленой,
В чужом краю, среди кровавых трав,
Кипучей кровью в битве обагренный,
Упал на щит червленый, простонав:
«Твою дружину, княже, приодели
Лишь птичьи крылья у степных дорог,
И полизали кровь на юном теле
Лесные звери, выйдя из берлог».
И в смертный час на помощь храбру муж
Никто из братьев в бой не поспешил.
Один в степи свою жемчужну душу
Из храброго он тела изронил.
Через златое, братья, ожерелье
Ушла она, покинув свой приют.
Печальны песни, замерло веселье,
Лишь трубы городенские поют...

13

Ярослав и правнуки Всеслава!
Преклоните стяги! Бросьте меч!
Вы из древней выскочили славы,
Коль решили честью пренебречь.
Это вы раздорами и смутой
К нам на Русь поганых завели,
И с тех пор житья нам нет от лютой
Половецкой про́клятой земли!

14

Шел седьмой по счету век Троянов.
Князь могучий полоцкий Всеслав
Кинул жребий, в будущее глянув,
О своей любимой загадав.
Замышляя новую крамолу,
Он опору в Киеве нашел
И примчался к древнему престолу
И копьем ударил о престол.
Но не дрогнул старый княжий терем.
И Всеслав, повиснув в синей мгле,
Выскочил из Белгорода зверем —
Не жилец на киевской земле.
И, звеня секирами на славу,
Двери новгородские открыл,
И расшиб он славу Ярославу
И с Дудуток через лес-дубраву
До Немиги волком проскочил.
А на речке, братья, на Немиге
Княжью честь в обиду не дают:
День и ночь снопы кладут на риге —
Не снопы, а головы кладут.
Не цепом — мечом своим булатным
В том краю молотит земледел,
И кладет он жизнь на поле ратном,

Веет душу из кровавых тел.
Берега Немиги той проклятой
Почернели от кровавых трав —
Не добром засеял их оратай,
А костями русскими — Всеслав.

15

Тот Всеслав людей судом судил,
Города Всеслав князьям делил,
Сам всю ночь, как зверь, блуждал в тумане,
Вечер — в Киеве, до зорь — в Тмуторокани,
Словно волк, напав на верный путь,
Мог он Хорсу бег пересягнуть.

16

У Софии в Полоцке, бывало,
Позвонят к заутрене, а он
В Киеве, едва заря настала,
Колокольный слышит перезвон.
И хотя в его могучем теле
Обитала вещая душа,
Все ж страданья князя одолели,
И погиб он, местию дыша.
Так свершил он путь свой небывалый.
И сказал Боян ему тогда:
«Князь Всеслав! Ни мудрый, ни удалый
Не минуют божьего суда».

17

О, стонать тебе, земля родная,
Прежние годины вспоминая
И князей давно минувших лет!
Старого Владимира уж нет.
Был он храбр, и никакая сила

К Киеву б его не пригвоздила.
Кто же стяги древние хранит?
Эти — Рюрик носит, те — Давыд,
Но не вместе их знамена плещут,
Врозь поют их копия и блещут.

Часть третья

1

Над широким берегом Дуная,
Над великой Галицкой землей
Плачет, из Путивля долетая,
Голос Ярославны молодой:
«Обернусь я, бедная, кукушкой,
По Дунаю-речке полечу
И рукав с бобровою опушкой,
Наклонясь, в Каяле омочу.
Улетят, развеются туманы,
Приоткроет очи Игорь-князь,
И утру кровавые я раны,
Над могучим телом наклонясь».
Далеко в Путивле, на забрале,
Лишь заря займется поутру,
Ярославна, полная печали,
Как кукушка, кличет на юру:
«Что ты, Ветер, злобно повеваешь,
Что клубишь туманы у реки,
Стрелы половецкие вздымаешь,
Мечешь их на русские полки?
Чем тебе не любо на просторе
Высоко под облаком летать,
Корабли лелеять в синем море,
За кормою волны колыхать?
Ты же, стрелы вражеские сея,
Только смертью веешь с высоты.

Ах, зачем, зачем мое веселье
В ковылях навек развеял ты?»
На заре в Путивле причитая,
Как кукушка раннею весной,
Ярославна кличет молодая,
На стене рыдая городской:
«Днепр мой славный! Каменные горы
В землях половецких ты пробил,
Святослава в дальние просторы
До полков Кобяковых носил.
Возлелей же князя, господине,
Сохрани на дальней стороне,
Чтоб забыла слезы я отныне,
Чтобы жив вернулся он ко мне!»
Далеко в Путивле, на забрале,
Лишь заря займется поутру,
Ярославна, полная печали,
Как кукушка, кличет на юру:
«Солнце трижды светлое! С тобою
Каждому приветно и тепло.
Что ж ты войско князя удалое
Жаркими лучами обожгло?
И зачем в пустыне ты безводной
Под ударом грозных половчан
Жаждою стянуло лук походный,
Горем переполнило колчан?»

2

И взыграло море. Сквозь туман
Вихрь промчался к северу родному —
Сам господь из половецких стран
Князю путь указывает к дому.
Уж погасли зори. Игорь спит —
Дремлет Игорь, но не засыпает.
Игорь к Дону мыслями летит,
До Донца дорогу измеряет.

Вот уж полночь. Конь давно готов.
Кто свистит в тумане за рекою?
То Овлур. Его условный зов
Слышит князь, укрытый темнотою:
«Выходи, князь Игорь!» И едва
Смолк Овлур, как от ночного гула
Вздрогнула земля,
Зашумела трава,
Буйным ветром вежи всколыхнуло.

В горностая-белку обратясь,
К тростникам помчался Игорь-князь

И поплыл, как гоголь, по волне,
Полетел, как ветер, на кое.

Конь упал, и князь с коня долой,
Серым волком скачет он домой.

Словно сокол, вьется в облака,
Увидав Донец издалека.

Без дорог летит и без путей,
Бьет к обеду уток-лебедей.

Там, где Игорь соколом летит,
Там Овлур, как серый волк, бежит,

Все в росе от полуночных трав,
Борзых коней в беге надорвав.

3

Уж не каркнет ворон в поле,
Уж не крикнет галка там,
Не трещат сороки боле,

Только скачут по кустам.
Дятлы, Игоря встречая,
Стуком кажут путь к реке,
И, рассвет веселый возвещая,
Соловьи ликуют вдалеке.

4

И, на волнах витязя лелея,
Рек Донец: «Велик ты, Игорь-князь!
Русским землям ты принес веселье,
Из неволи к дому возвратясь». —
«О река! — ответил князь. — Немало
И тебе величья! В час ночной
Ты на волнах Игоря качала,
Берег свой серебряный устлала
Для него зеленою травой.
И, когда дремал он под листвою,
Где царила сумрачная мгла,
Страж ему был гоголь над водою,
Чайка князя в небе стерегла.

5

А не всем рекам такая слава.
Вот Стугна, худой имея нрав,
Разлилась близ устья величаво,
Все ручьи соседние пожрав,
И закрыла Днепр от Ростислава,
И погиб в пучине Ростислав.
Плачет мать над темною рекою,
Кличет сына-юношу во мгле,
И цветы поникли, и с тоскою
Приклонилось дерево к земле».

Не сороки вó поле стрекочут,
Не вороны кличут у Донца —
Кони половецкие топочут,
Гзак с Кончаком ищут беглеца.
И сказал Кончаку старый Гзак:
«Если сокол улетает в терем,
Соколенок попадет впросак —
Золотой стрелой его подстрелим».
И тогда сказал ему Кончак:
«Если сокол к терему стремится,
Соколенок попадет впросак —
Мы его опутаем девицей». —
«Коль его опутаем девицей, —
Отвечал Кончаку старый Гзак, —
Он с девицей в терем свой умчится,
И начнет нас бить любая птица
В половецком поле, хан Кончак!»

7

И изрек Боян, чем кончить речь
Песнотворцу князя Святослава:
«Тяжко, братья, голове без плеч,
Горько телу, коль оно безглаво».
Мрак стоит над Русскою землей:
Горько ей без Игоря одной.

8

Но восходит солнце в небеси —
Игорь-князь явился на Руси.

Вьются песни с дальнего Дуная,
Через море в Киев долетая.

По Боричеву восходит удалой
К Пирогощей богородице святой.

И страны рады,
И веселы грады.

Пели песню старым мы князьям,
Молодых настало время славить нам:

Слава князю Игорю,
Буй тур Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!

Слава всем, кто, не жалея сил,
За христиан полки поганых бил!

Здрав будь, князь, и вся дружина здрав
Слава князям и дружине слава!

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД

СЛОВА

О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЗАМЕТКА

«Слово о полку Игореве» было написано его автором для современников, у которых события похода Игоря Святославича были еще в памяти. В «Слове» много намеков, много глухих упоминаний, которые были понятны современникам, но которые требуют сейчас многочисленных пояснений. Вот почему обычный перевод «Слова о полку Игореве» оставляет много неясностей. Эти неясности не могут быть устранены и обычными примечаниями: примечания не раскрывают последовательности в ходе мыслей автора, дробят цельное впечатление от «Слова», столь важное при чтении художественного произведения.

Объяснительный перевод должен облегчить читателю понимание содержания «Слова», его идейной стороны и композиции. Однако объяснительный перевод не может заменить обычного перевода, не устраняет объяснительный перевод и необходимости в примечаниях, где подробно толкуются исторические упоминания «Слова» и самый текст.

«Слово о полку Игореве» — произведение исключительно сжатое и содержательное. Оно требует многократного чтения. Читая его вновь и вновь, мы всегда находим в нем новые, не замеченные нами прежде глубины содержания. Для одного из таких чтений и предназначен объяснительный перевод. В скобках помещаются в объяснительном переводе все дополнения и пояснения.

Автор «Слова» отказывается начать свое повествование в старых выражениях и хочет вести его ближе к действительным событиям своего времени; он характеризует старую поэтическую манеру Бояна

Не пристало ли нам, братья, начать старыми (старинными) выражениями горестное повествование о походе Игоревом, Игоря Святославича? — (Нет,) начать эту песнь надо, следуя за действительными событиями нашего времени, а не по (старинному) замышлению (способу, плану, приему) Бояна. Ибо Боян, вещий, если хотел кому песнь сложить, то (вместо того чтобы следовать «былинам сего времени») растекался мыслию по дереву, серым волком по земле, сизым орлом под облаками. Помнил он, как говорил, первоначальных времен войны (и) тогда напускал десять соколов (пальцев) на стадо лебедей (струн): который (из соколов) догонял какую (лебедь), та первая (и) пела песнь («славу») старому Ярославу (Мудрому), храброму Мстиславу (Владимировичу), который зарезал Редедю (касожского князя) перед полками касожскими (в Тмуторокани), прекрасному Роману Святославичу (сыну Святослава Ярославича, князя Тмутороканского). То, братья, Боян не десять соколов на стадо лебедей напускал, но свои вещие персты на живые струны возлагал; они же сами собой (без всяких усилий, в привычных старых выражениях, «старыми словесы») князьям славу рокотали.

Автор определяет хронологические границы своего повествования

(Итак,) начнем же, братья, повествование это от старого Владимира (Святославича Киевского) до нынешнего Игоря (Святославича Новгород-Северского), который препоясал ум крепостью своею (подчинил свои мысли своей «крепости» — мужеству, храбрости) и поострил сердце свое мужеством; исполнившись ратного духа, навел свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую.

Печальное и тревожное начало похода Игоря

Тогда (в начале того печального похода) Игорь взглянул на светлое солнце и увидел (грозное предзнаменование): от него (Игоря) тьмою (затмения) все его воины покрыты. И сказал Игорь дружине своей: «Братья и дружина! Лучше (больше чести) ведь зарубленным быть (в битве), чем плененным (бесславно дома, дожидаясь половецкого набега); так сядем (же), братья, на своих борзых коней (выступим в поход) да поглядим на синий Дон (в земле Половецкой)». Ум князя (мысль) уступил страстному желанию, и охота отведать великого Дона (дойти с победой до Дона) заслонила ему (недоброе) предзнаменование. «Хочу ведь, — сказал (он),— сам копье преломить (сам вступить в единоборство) на границе поля Половецкого; с вами, сыны русские, хочу (или) сложить свою голову, или испить шлемом Дона (победить половцев на Дону)».

Предположение о том, в каких выражениях воспел бы Боян поход Игоря

О Боян, соловей старого времени! Вот бы (уж) ты эти походы (по-соловьиному) воспел, скача, соловей, по воображаемому дереву, летая умом под облаками, соединяя (воедино) славы обеих половин этого времени (славу начальную и конечную времени этого повествования — «от старого Владимира до нынешнего Игоря»),

рыща по тропе (языческого старого русского бога) Трояна через поля на горы (иначе говоря — переносясь воображением на огромные расстояния). (Пришлось бы) внуку тому (то есть Бояну — внуку бога Велеса, о котором говорится ниже) воспеть песнь (в честь) Игоря (в таких старинных выражениях): «Не буря (русских) соколов занесла через поля широкие; стада (половецких) галок (уже) бегут (спасаясь) к Дону великому». Или (так бы) начать петь (тебе), (о) вещий Боян, внук (бога) Велеса: «(Еще только) кони (вражеские) ржут за (пограничною рекою) Сулою, (а) слава (победы уже) звенит в Киеве; трубы (еще только) трубят (созывая войско) в Новгороде (Северском), а стяги (уже) стоят в Путивле!»

Всеволод одобряет намерение своего брата Игоря выступить в поход

(И вот) ждет Игорь милого брата Всеволода (чтобы идти с ним в поход). И сказал ему буйный тур Всеволод (одобряя его): «Один (ты у меня) брат, один свет светлый — ты, Игорь! Оба мы — Святославичи (оба мы одного храброго гнезда). (Так) седлай (же), брат (мой), своих борзых коней, а мои-то (уже) готовы, оседланы у Курска раньше. А мои-то куряне — опытные воины: под трубами повиты, под шлемами взлелеяны, копьем копья вскормлены, пути им ведомы, овраги им знакомы, луки у них натянуты (изготовлены к бою), колчаны отворены (наизготовку), сабли изострены; сами скачут, как волки в поле, ища себе чести, а князю — славы».

Выступление Игоря в поход и грозные предзнаменования

Тогда (после встречи с Всеволодом) вступил Игорь-князь в золотое стремя (выступил в поход) и поехал по чистому полю. Солнце ему тьмою (затмения) путь заграждало (предвещая опасность); ночь, стонущи ему грозою, птиц пробудила (как бы стремясь предупредить его); (зловещий) свист звериный встал (свист степных зверей — сусликов); взбился див (божество восточных народов),

кличет на вершине дерева (предупреждая своих о походе русских), велит прислушаться (к походу русских) земле незнаемой (Половецкой степи), Волге, и Поморию, и Посулию (пограничной с Русью земле по реке Суле), и Сурожу (в Крыму), и Корсуню (там же; иными словами — всем враждебным Руси юго-восточным странам), и тебе, Тмутороканский идол (идолу какого-то языческого бога, стоявшего близ Тмуторокани)! И (вот) половцы непроложенными дорогами (дорогами, заранее, как обычно перед походами, не «протеребленными», то есть в крайней спешке) побежали к Дону великому (навстречу войску Игоря); кричат телеги (их) в полночь, словно лебеди распущенные. (А) Игорь ведет к Дону воинов (несмотря на все дурные предвестия)!

Ведь уже несчастий его (поражения Игоря) подстерегают (хищные) птицы по дубам (ждут добычи на поле битвы); волки (воем своим) грозу подымают по оврагам; орлы клектом на кости зверей зовут (предвкушая добычу); лисицы брешут на красные щиты (русских). О Русская земля! Уже ты за (пограничным) холмом!

Ночлег войска Игоря в степи и построение в боевой порядок утром

Долго наступает ночь. (Вечерняя) заря свет уронила (свет зари погас). (Вот и) мгла поля покрыла. (Наконец и) щекот соловьиный уснул; (утренний) говор галок пробудился. Русские сыны (наутро) великие поля красными щитами перегородили (построившись в боевой порядок), ища себе чести, а князю — славы.

Войско Игоря рассеивает передовые отряды половцев. Богатая добыча досталась войску Игоря; сам же Игорь берет себе только боевые знаки врагов

Спозаранку в пятницу потоптали (они — воины Игоря) поганые полки половецкие (рассеяли боевой порядок половецких полков) и рассыпались по полю (за добычей), помчали красных девушек половецких, а с ними золото, и паволоки, и дорогие оксамиты.

(Добыча их была так велика, что) покрывалами, плащами и кожухами стали мосты (гати) мостить через болота и топкие места и всякими драгоценностями половецкими. (Боевые же знаки:) красный стяг, белая хоругвь, красная челка, серебряное древко (достались) храброму (Игорю) Святославичу.

Снова ночует в поле храбрый выводок князей ольговичей. Лирическое размышление автора о судьбе князей. Движение главных сил половцев к Дону, навстречу Игорю

(И вот) дремлет в поле храбрый выводок ольговичей! Далеко залетел! Не был он в обиду порожден ни соколу, ни кречету, ни тебе, черный ворон, поганый половец! (А между тем) Гзак бежит серым волком, а Кончак (впереди) ему след правит (указывает следом своего войска путь) к Дону великому (навстречу Игорю).

Войска половцев надвигаются. Сетования автора

На другой день совсем рано кровавые зори свет возвещают; черные тучи с моря идут, хотят прикрыть четыре солнца (четырех князей — Игоря, Всеволода, Олега и Святослава), а в них трепещут синие молнии. Быть грому великому! (Быть грому сражения!) Пойти дождю стрелами со стороны Дона великого! Тут копьям изломиться (в рукопашной схватке в начале битвы), тут саблям побиться о шлемы половецкие, на реке Каяле, у Дона великого.

О Русская земля! Уже ты за (пограничным) холмом!

Постепенное развертывание битвы, слитое с изображением надвигающейся грозы

Вот ветры, внуки Стрибога (бога ветров), (уже) веют со стороны моря (с половецкой стороны) стрелами на храбрые полки Игоревы (битва началась перестрелкой из луков). Земля гудит (под копытами конницы, пошедшей в бой), реки мутно текут (взмученные ногами коней, переходящих их вброд), пыль поля покрывает

(от движения множества половецкого войска), стяги (половецкие, своим движением) говорят: половцы идут от Дона (с востока) и от моря (с юга), и со всех сторон русские полки обступили. Дети бесовы (боевым, наступательным) кликом поля перегородили, а храбрые сыны русские перегородили (поля) красными щитами (в сомкнутом строю, с плотно составленными щитами, приготовившись к отражению натиска).

Подвиги в битве буй тура Всеволода. В пылу битвы Всеволод не только не чувствует на себе ран — он забыл и феодальную честь, княжеские обязанности, любовь к жене

Ярый тур Всеволод! Стоишь ты в (самой) середине боя, прыщешь на воинов стрелами, гремишь о шлемы мечами булатными. Куда (ты), тур, поскачешь, своим золотым шлемом посвечивая, — там лежат поганые головы половецкие. Рассечены саблями каленными шлемы аварские тобою, ярый тур Всеволод! Какая из ран дорога (чувствительна) тому, кто (в пылу битвы), братья, забыл (даже) честь (феодальную честь — честь, связанную с выполнением своих феодальных обязательств по отношению к старейшему князю — Святославу Киевскому), и достояние (своего княжества), и отцовский золотой стол города Чернигова, и своей милой-желанной, прекрасной (Ольги) Глебовны (жены Всеволода, дочери Глеба Юрьевича Переяславского) свычаи и обычаи (привычки и обычаи: «любовь и ласку»)!

Лирическое отступление автора. Автор вспоминает прошлое Руси и родоначальника нынешних князей ольговичей — Олега Святославича. Олег своими походами положил начало междоусобиям в Русской земле. Страшные последствия междоусобий Олега Святославича для мирного трудового населения Руси

Были века (бога) Трояна (века языческие), (затем) минули годы Ярославовы (Ярослава Мудрого и его сыновей — ярославичей); были (и) походы Олеговы (Олега Святославича). Тот ведь Олег

мечом крамолу ковал и стрелы по земле сеял. (Только что) ступает (он) в золотое стремя (выступая в междоусобный поход) в городе Тмуторокани, тот же звон (звон раздоров, уже заранее) слышал давний (уже умерший) великий Ярослав (Мудрый — противник раздоров), а сын Всеволода Владимир (Мономах, современник Олега и также противник раздоров) каждое утро уши закладывал в Чернигове (где он княжил; настолько тревожил его этот звон). Храброго же и молодого князя Бориса Вячеславича (сына Вячеслава Ярославича) похвальба (перед битвой на Нежатиной Ниве) привела на суд божий и на (реке) Канине постлала ему зеленое погребальное покрывало (зеленую траву) за обиду (за поруганную честь) Олега (Святославича). С такой же (злосчастной, начавшейся по вине Олега Святославича) Каялы (то есть битвы на Нежатиной Ниве, сравниваемой здесь с битвой на Каяле Игоря) Святополк (Изяславич) повелел привезти отца своего (Изяслава Ярославича) между венгерскими иноходцами (как обычно перевозили раненых и убитых) к (храму) святой Софии в Киеве. (Следовательно, поражение потерпели обе стороны.) Тогда, при Олеге Гориславиче, засевалось и прорастало усобицами, погибало достояние Дажьбожьего внука (русского народа); в княжеских крамолах сокращались жизни людские. Тогда по Русской земле редко пахари покрикивали (на лошадей, распахивая землю), но часто вороны граяли, трупы между собой деля, а галки свою речь говорили, собираясь полететь на добычу.

Сравнение тех ратей Олега Святославича с ратью нынешней — его потомков. Ожесточенность битвы Игорева войска

То было в те (давние) рати и в те походы, а такой рати (как эта — Игоря Святославича) еще не слыхано! С раннего утра до вечера, с вечера до рассвета летят стрелы каленые, гремят сабли о шлемы, трещат копья булатные в поле незнаемом, среди земли Половецкой. Черная земля под копытами костями (павших) была засеяна, а кровью полита: горем взошли (они) по Русской земле.

Поражение войск Игоря. Природа сочувствует несчастью русских

Что мне шумит (что за шум до меня доносится), что мне звенит (что за звон мне слышится) издалека (с поля далекой битвы) рано (утром) перед зорями? (То) Игорь (Святославич) возвращает (бегущие) полки (черниговских ковуев), ибо жаль ему милого брата Всеволода. Бились (ведь они) день, бились другой; на третий день к полудню пали стяги Игоревы (Игорь потерпел поражение). Тут два брата (Игорь и Всеволод) разлучились (захваченные в плен и доставшиеся разным ханам) на берегу быстрой Каялы; тут кровавого вина недостало, тут пир (битву) окончили храбрые русичи: сватов (половцев, половецких князей, которые постоянно вступали в браки с русскими княжнами) напоили, а сами полегли за землю Русскую. (Сама природа сочувствует поражению русских:) Никнет трава от жалости, а дерево с тоской к земле приклонилось.

Печальные размышления автора по поводу тяжелого положения Русской земли

Уже ведь, братья, невеселое время настало, уже пустыня (нежилое пространство — степь) войско прикрыла (трупы убитых покрыла трава). Встала обида в (этих полегших) войсках Дажьбожья внука (то есть русских), вступила девою на землю Трояню (на Русь), восплескала лебедиными крылами на синем море у Дона; плеская, прогнала времена обилия. Борьба князей против поганых прекратилась, ибо сказал брат брату (князь князю): «Это мое, и то (тоже) мое». И стали князья про (всякую) малость «это великое» говорить и сами (тем самым) на себя крамолу ковать. А поганые (пользуясь этим) со всех сторон приходили с победами на землю Русскую.

Оплакивание погибших в бою ратников Игоря

О! (увы!) далеко залетел сокол (Игорь), птиц (половцев) избивая, — к морю! Игорева храброго полка не воскресить (случившегося не воротишь)! По нем (по погибшем полку Игоря) кликнула

(заплакала погребальным плачем) Карна, и Желя (погребальные боги) поскакала по Русской земле, размыкивая огонь в пламенном (погребальном) роге. Жены русские восплакались, приговаривая: «Уже нам своих милых, любимых ни мыслию не смыслить, ни думою не сдумать, ни глазами не повидать, а золота и серебра (и в руках своих) совсем не подержать.

Последствия поражения Игоря

И застонал, братья, Киев от горя, а Чернигов от напастей. Тоска разлилась по Русской земле; печаль обильная потекла посреди земли Русской. А князи сами на себя крамолу ковали, а поганые (половцы), с победами нарыскивая на Русскую землю, сами брали дань по белке от двора.

Объяснение причин, по которым поражение Игоря оказалось столь тяжелым для всей Русской земли: Игорь своим неудачным походом уничтожил плоды предшествующего победоносного похода на половцев Святослава Киевского

Ибо (потому это все произошло, что) те два храбрых Святославича, Игорь и Всеволод, уже коварство (половцев) пробудили (своим) раздором (со своим главой Святославом и с другими князьями, не захотев сражаться вместе против половцев), а его (это коварство) усыпил было «отец» их (их глава) Святослав (Всеволодович Киевский, двоюродный брат Игоря и Всеволода) грозный великий киевский грозою (страхом, который на них нагнал): прибил (половцев) своими сильными полками и булатными мечами, наступил на землю Половецкую (за год перед тем), притоптал холмы и овраги (половецкие), возмутил реки и озера (переходя их вброд), иссушил потоки и болота («мосты мостя» по «грязивым местам» — прокладывая дороги войску). А (самого) поганого (хана) Кобяка от лукоморья (у Азовского моря) из железных великих полков половецких, как вихрь, исторг (захватив в плен): и упал Кобяк в городе Киеве, в Святославовой гриднице (в большой

пиршественной палате, которую иногда, в случае большого количества пленных, использовали как тюрьму). Тут-то немцы и венецианцы, тут-то греки и чехи поют славу Святославу, укоряют князя Игоря, потопившего богатство на дне Каялы — реки половецкой, — насыпавшего (на дно Каялы) русского золота (ведь для Руси прошли времена обилия после поражения Игоря). Тут-то Игорь-князь пересел из седла золотого (княжеского) в седло рабское (стал из князя рабом — пленником). Приуныли у городов забралы (переходы на городских стенах, куда обычно высыпал народ, встречая или провожая войско, где оплакивали павших вдали), и веселье (в городах) поникло.

Автор переносит повествование в Киев, к Святославу Киевскому: Святослав в Киеве видит тяжелый и неясный для него по своему значению сон

А Святослав смутный (непонятный, неясный для него) сон видел в Киеве на горах (где он жил). «В эту ночь с вечера одевали меня, — говорит (он), — черным погребальным покрывалом на кровати тисовой; черпали мне синее вино, с горем смешанное; сыпали мне пустыми (опорожненными от стрел) колчанами поганых иноземцев крупный жемчуг на грудь и нежили меня. Уже доски без князька в моем тереме златоверхом (как при покойнике, когда умершего выносят из дому через разобранную крышу). Всю ночь с вечера серые вороны граяли (предвещали несчастье) у Плесеньска (под Киевом), в предградье стоял лес Кияни (Киянь — речка под Киевом), и понеслись (они) к синему морю (на юг, к местам печальных событий)».

Бояре Святослава объясняют ему значение его сна, рассказывая о поражении Игоря

И сказали бояре князю: «Уже, князь, горе ум (твой) полонило; ведь вот два сокола (Игорь Святославич и Всеволод Святославич) слетели с отчего престола золотого (как с соколиной колодки, с которой слетают соколы при соколиной охоте), чтобы добыть го-

род Тмуторокань или испить шлемом из Дону (одержать победу на Дону). Уже (этим двум) соколам крыльица подсекли саблями поганых, а самих опутали в путины (надевающиеся соколам, чтобы они не улетели) железные (заковали в кандалы).

С новой силой возникает тема поражения Игоря. Мысленно перенесясь в центр Руси — к Святославу в Киев, автор «Слова» оценивает поражение Игоря на этот раз с точки зрения внешнего, международного положения Руси

Ибо (потому так толковали сон бояре, что) темно было в третий день (битвы Игоря с половцами): два солнца (Игорь и Всеволод) померкли, оба багряные столба (лучей) погасли, и с ними (погасли) два молодых месяца — Олег и Святослав (Олег Игоревич и Святослав Рыльский — сын и племянник Игоря) — тьмою заволоклись и в море погрузились, и великую смелость возбудили (своим поражением) в хиновах (восточных народах). На реке на Каяле (в месте поражения Игоря) тьма свет покрыла (темные силы одолели светлые); по Русской земле простерлись половцы, как выводок гепардов. Уже спустился позор на славу (позор поражения заслонил собою былую славу); уже ударило насилие (половецкое) на свободу (русских); уже бросился див на землю (Русскую). И вот готские красные девы запели на берегу синего моря: звоня русским золотом, воспевают (они) время Боза (антского князя, разбитого готским королем Винитаром), лелеют месть за Шарукана (деда хана Кончака, разбитого Владимиром Мономахом). А мы уже, дружина, без веселия (остались)».

Узнав о поражении Игоря, Святослав произносит свое «золотое слово», в котором упрекает Игоря и Всеволода в нарушении феодального послушания, сетует на «непособие» ему русских князей и указывает на первое последствие поражения Игоря — нападение половцев на Переяславль-Русский

Тогда великий Святослав (Всеволодович Киевский) изронил золотое слово, со слезами смешанное, и сказал: «О мои дети (мои младшие князья), Игорь и Всеволод! Рано вы начали (слишком

вы поторопились) Половецкой земле мечами обиду творить, а себе славы искать, но одолели (вы половцев) без чести (для себя), без чести ведь кровь поганую пролили. Ваши храбрые сердца из крепкого булата выкованы и в смелости закалены. Что же сотворили (вы) моей серебряной седине? Не вижу я уже (также) власти (не вижу его держащим власть в своих руках) сильного, и богатого, и обильного воинами брата моего Ярослава (Всеволодовича Черниговского), с черниговскими боярами, с воеводами, и с татранами, и с шельбирами, и с топчаками, и с ревугами, и с ольберами (то есть со всеми черниговскими ордами ковуев). Те ведь без щитов, с одними засапожными ножами, кликом полки побеждают, звоня в прадедовскую славу (побеждают, наводя ужас только боевым кличем и своей славой храбрых воинов, перешедшей к ним от прадедов). Но вы сказали: «Помужествуем сами (сами проявим мужество, не прибегая ни к чьей помощи), прошлую славу (славу предшествующего похода соединенных русских сил под главенством Святослава Киевского) сами похитим (присвоим себе славу замирителей степи, принадлежащую Святославу Киевскому), а будущую (славу своего собственного похода) сами поделим (между собой только, не привлекая других князей к походу)!» А разве дивно, братья, (мне) старому помолодеть (разве удивительно, что я перед тем победил половцев — в том походе, славу которого вы хотели похитить), когда сокол надел оперение взрослой птицы, высоко (он) птиц взбивает; не даст гнезда своего в обиду. (Следовательно: я-то силен, хоть и стар, защищаю свое гнездо), но вот зло — князья мне не в помощь (остальные князья мне не помогают): худо времена обернулись. И вот у Римова кричат под саблями половецкими, а Владимир (Глебович Переяславский) под ранами (полученными им под Переяславлем при обороне его от вторгшихся на Русь вслед за поражением Игоря половцев). Горе и тоска сыну Глебову (Владимиру Глебовичу)!»

На этом заканчивается «золотое слово» Святослава, и сам автор начинает призывать князей на защиту Руси. Автор обращается к Всеволоду Юрьевичу Владимирскому с призывом выступить за Русскую землю

Великий князь Всеволод (Всеволод Юрьевич Владимиро-Суздальский)! (Неужели) и мысленно тебе не прилететь издалека (из Владимира-Суздальского), отцов золотой престол поблюсти (поблюсти киевский престол, на котором когда-то сидел отец Всеволода — Юрий Долгорукий)? Ты ведь можешь Волгу веслами расплескать (у тебя столько воинов, что ты легко можешь завоевать всю Волгу), а Дон шлемами вычерпать (ты не только можешь «испить из Дону воды», то есть завоевать земли по Дону, но ты можешь вычерпать его весь). Если бы ты (только) был (здесь — на юге), то была бы (продавалась бы) невольница (половецкая) по ногате (по мелкой монете), а раб (половчин) — по резани (по еще более мелкой монете; так велики были бы последствия твоего пребывания здесь). Ты ведь можешь посуху живыми копьями метать — удалыми сыновьями Глебовыми! (князьями рязанскими — сыновьями Глеба Ростиславича. Рязанских киязей, княживших на юг от Владимира, автор «Слова» сравнивает с копьями — оружием первой стычки в бою).

Автор обращается к Рюрику и Давыду Ростиславичам с призывом выступить за Русскую землю

Ты, буйный Рюрик (Ростиславич), и Давыд (Ростиславич)! Не ваши ли воины золочеными шлемами по крови плавали (не вам ли отомстить за своих воинов)? Не ваша ли храбрая дружина рыкает, как туры, раненные саблями калеными на поле незнаемом (в земле Половецкой; не ваша ли дружина рвется в бой отомстить за свои раны)? Вступите (же), господа, в золотые стремена (выступите в поход) за обиду сего времени (отомстите за поражение Игоря), за землю Русскую, за раны Игоревы, буйного Святославича!

Автор обращается к Ярославу Владимировичу Галицкому с призывом выступить за Русскую землю

Галицкий (князь) Осмомысл Ярослав! Высоко (на горе в галичском кремле) сидишь ты на своем златокованом престоле, подпер (ты) горы венгерские (Карпаты) своими железными полками, загородив королю (венгерскому) путь (проходы в Карпатах), затворив Дунаю (странам и народам по Дунаю, подвластным Византии) ворота (своей земли; то есть крепко оберегая границы своей земли и от венгерского короля и от Византии), меча тяжести через облака (Ярослав обычно посылал войска в далекие походы, не сопровождая их сам), суды рядя до Дуная (верша суд, управляя землями до самого Дуная). Грозы твои по странам текут (стра́ны боятся тебя), (ты) отворяешь Киеву ворота (Киев тебе покорен), стреляешь с отцова золотого стола (с престола, доставшегося тебе по наследству от отца) салтанов за землями (сидя на своем наследственном престоле и не выступая сам в поход, посылаешь войска против салтана Саладина). (Так) стреляй (же), господин, в Кончака, поганого раба, за землю Русскую, за раны Игоревы, буйного Святославича!

Автор обращается к Роману Мстиславичу Волынскому и к Мстиславу (Пересопницкому или Городенскому) с призывом выступить за Русскую землю

А ты, буйный Роман (Мстиславич Волынский), и Мстислав (Ярославич Пересопницкий или другой князь — Мстислав Всеволодович Городенский)! Храбрая мысль влечет ваш ум на подвиг. Высоко паришь (ты, Роман) на подвиг в отваге, точно сокол, на ветрах паря, стремясь птицу в смелости одолеть. Ведь у вас железные молодцы под шлемами латинскими. От них дрогнула земля, и многие страны — Хинова (восточные народы), Литва, Ятвяги, Деремела (литовские племена) и половцы копья свои повергли (потерпели поражение, бросили оружие), а головы свои подклонили под те мечи булатные (были перебиты мечами).

Обращение к волынским князьям остается незаконченным. Под влиянием воспоминаний о победах Романа вновь возникает тема поражения Игоря. Павших воинов не воскресить!

Но уже (но теперь, в противоположность тем победам над половцами), о князь Игорь, померк солнца свет, а дерево не добром листву сронило: по Роси и по Суле города (русские) поделили (половцы между собою). А Игорева храброго полка не воскресить (не вернуть дружины Игоря)! (Помнишь, князь Игорь, что ты говорил:) «Дон тебя, князь (Игорь), кличет и зовет князей на победу!» (Вот) ольговичи, храбрые князья, (и) поспели на брань... (За год до своего похода Игорь и Всеволод не поспели принять участие в победоносном походе объединенных русских сил под предводительством Святослава Киевского; теперь же, захотев одни «испить Дону», они поспешили лишь к своему поражению.)

Возобновляя свое обращение к волынским князьям, автор перечисляет Игвиря и Всеволода Ярославичей и Мстиславичей: Романа, Святослава и Всеволода. Он призывает их выступить за Русскую землю

Ингварь (Ярославич), и Всеволод (Ярославич), и все трое Мстиславичей (Роман, Святослав и Всеволод — князья волынские)! Не худого гнезда соколы (не плохой вы выводок соколов), (но) не по праву побед расхитили (добыли) себе владения! Где же ваши золотые шлемы, и копья польские, и щиты (на что употребляете вы ваше оружие)? Загородите (же) полю ворота (замкните русские границы со стенью) своими острыми стрелами за землю Русскую, за раны Игоревы, буйного Святославича!

Обращаясь к полоцким князьям, автор прежде всего указывает на общую беззащитность от «поганых» южных (по Суле) и западных (по Двине — у Полоцка) границ Руси. Он вспоминает безнадежную попытку Изяслава Васильковича Полоцкого одному защитить свои границы от врагов Руси и его одинокую кончину на поле битвы

Уже ведь (пограничная река) Сула не течет серебряными струями для города Переяславля (не служит для Переяславля-Южного защитой от нападений половцев) и Двина (другая пограничная река — на северо-западе) болотом течет для тех грозных полочан (не служит защитой для жителей Полоцка) под (боевым) кликом поганых (литовцев; иными словами: пограничная Сула и пограничная Западная Двина как бы превратились в болотистые речушки, не служат преградами, на них не оказывается сопротивление). Один (только) Изяслав, сын Васильков, позвонил своими острыми мечами о шлемы литовские (вступил в сражение с литовцами), прибил славу деда своего Всеслава (потерпев поражение, погубил тем самым славу своего предка Всеслава Полоцкого — славу Полоцкого княжества), а сам под (своими) красными щитами на кровавой траве был прибит на (пролитую) кровь мечами литовскими (вместе) со своим любимцем, а тот и сказал: «Дружину твою, князь, птица (хищная, питающаяся мертвечиной) крыльями приодела, а звери кровь (павших и раненых) полизали!» Не было тут (в этой битве) ни брата (его) Брячислава (Изяславича), ни другого (брата) — Всеволода. Так, в одиночестве, изронил (он) жемчужную душу из храброго тела через золотое ожерелье. Уныли голоса, поникло веселие, трубы трубят городенские (в знак сдачи города).

Описав слабость полоцких князей в защите своих собственных границ, автор обращается с призывом ко всем князьям полоцким — потомкам Всеслава и ко всем остальным русским князьям — потомкам Ярослава Мудрого прекратить взаимную вражду, признать, что обе стороны потерпели в этом междоусобии поражение и погубили славу, перешедшую к ним от дедов

Ярослава (Мудрого) все внуки и (внуки) Всеслава (Полоцкого. Две ветви князей, постоянно враждовавшие)! Уже склоните стяги свои (в знак вашего поражения) и вложите (в ножны) свои

поврежденные (в междоусобных битвах) мечи. Ибо лишились вы (подлинной боевой) славы ваших дедов. Ибо вы своими крамолами стали наводить язычников на землю Русскую (на владение ярославичей), на достояние Всеслава (на Полоцкую землю). Из-за (вашей) усобицы ведь настало насилие от земли Половецкой.

Безнадежность усобиц автор показывает на примере неприкаянной судьбы родоначальника полоцких всеславичей — Всеслава Брячиславича Полоцкого

На седьмом (на последнем) веке (языческого бога) Трояна (то есть напоследок языческих времен) кинул Всеслав жребий о девице ему милой (попытал счастья добиться Киева). Он хитростями оперся на коней (которых потребовали восставшие киевляне) и скакнул (из подгороднего «поруба», где он сидел в заключении, наверх) к городу Киеву и коснулся древком (копья) золотого (княжеского) престола киевского (добыв его ненадолго не по праву наследства и не «копием», то есть не военной силой, а древком копия — как в столкновениях между своими). Скакнул от них (от восставших киевлян — своих союзников) лютым зверем в полночь из Белгорода, объятый синей (ночною) мглою, добыл счастья; в три удара отворил ворота Новгорода, расшиб славу (основоположника новгородских вольностей) Ярослава (Мудрого), скакнул волком до (реки) Немиги от Дудуток (под Новгородом). На Немиге (не мирно трудятся) — снопы стелют из голов, молотят цепами булатными, на току жизнь кладут, веют душу от тела. У Немиги кровавые берега не добром были посеяны — посеяны костьми русских сынов (вместо мирного труда — война на Немиге).

Всеслав-князь людям суд правил, князьям города рядил (властвуя, следовательно, и над простыми людьми и над князьями), а сам (не имея пристанища) ночью (как тогда, когда бежал из Белгорода) волком рыскал: из Киева дорыскивал ранее (пения) петухов до Тмуторокани, великому Хорсу (богу солнца) волком путь перерыскивал (до восхода перебегая ему дорогу). Для него в (его престольном городе) Полоцке позвонили к заутрене рано у святой Софии в колокола, а он в Киеве (в заключении) звон (тот принуж-

ден был) слышать. Хоть и вещая душа (была у него) в храбром теле, но часто (он) от бед страдал. Ему вещий Боян давно (еще) припевку, разумный, сказал: «Ни хитрому, ни умелому, ни птице умелой суда божьего не миновать» (как ни «горазд» был Всеслав, но вся его неприкаянная жизнь была как бы возмездием за его усобицы).

В лирическом отступлении автор вспоминает первых русских князей, их многочисленные походы на врагов Руси и противопоставляет их современным ему несогласиям между братьями Рюриком и Давыдом в сборах на половцев

О, стонать Русской земле, вспоминая первые времена (еще до Всеслава Полоцкого) и первых князей (очевидно, Олега, Игоря, Святослава, Владимира)! Того старого Владимира (Святославича) нельзя было пригвоздить к горам киевским (так часто он ходил в походы на недругов Русской земли); вот ведь (и) теперь встали стяги (приготовившись к походу) Рюрика (Ростиславича) и другие (его брата) Давыда (Ростиславича), но врозь у них развеваются полотнища знамен (нет между ними согласия. Забыты, следовательно, походы первых русских князей на врагов Руси; в нынешних походах нет между князьями согласия). Копья поют (слышатся звуки битвы)!

Возвращаясь к повествованию об Игоре, автор передает плач жены Игоря — Ярославны

На Дунае Ярославнин (жены Игоря — дочери Ярослава Осмомысла) голос слышится (голос Ярославны долетает до крайних границ Руси — до берегов Дуная), кукушкою безвестною рано (она) кукует. «Полечу, — говорит, — кукушкою по Дунаю, омочу шелковый рукав в Каяле-реке (где потерпел поражение Игорь), утру князю (Игорю) кровавые его раны на могучем его теле».

Ярославна рано плачет в Путивле на забрале (на переходах городских стен), приговаривая: «О ветер, ветрило! Зачем ты, госпо-

дин, весть навстречу (русским полкам)? Зачем мчишь хиновские стрелочки на своих легких крыльицах на воинов моего милого (в битве на Каяле ветер дул на русских со стороны моря, со стороны половцев)? Разве мало тебе было в вышине под облаками веять, лелея корабли на синем море? Зачем, господин, мое веселье по ковылю развеял?»

Ярославна рано плачет в Путивле-городе на забрале, приговаривая: «О Днепр Словутич! Ты пробил каменные горы (в местах днепровских порогов) сквозь землю Половецкую. Ты лелеял на себе Святославовы (Святослава Всеволодовича Киевского) насады (суда с «насаженными», надшитыми бортами) до стана Кобякова (до стана половецкого войска хана Кобяка, разбитого Святославом за год до похода Игоря). Прилелей (же), господин, ко мне моего милого, чтобы не слала рано я к нему слез на море» (там, у моря, в приазовских степях, находился в плену Игорь).

Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, приговаривая: «Светлое и трижды светлое солнце! Для всех ты тепло и прекрасно: к чему (же), господине, простерло (ты) горячие свои лучи на воинов моего милого? В поле безводном жаждою им луки согнуло, горем им колчаны заткнуло» (в трехдневном бою воины Игоря жестоко страдали от жажды).

Как бы в ответ на мольбу Ярославны, «богъ путь кажетъ» Игорю на Русскую землю

Прыснуло море в полуночи, идут смерчи тучами. Игорю-князю бог путь указывает (этими приметами) из земли Половецкой в землю Русскую, к отчему золотому столу (в Чернигове).

Описание бегства Игоря

Погасли вечером зори. Игорь спит, Игорь бдит, Игорь мыслью поля мерит от великого Дона до малого Донца. Коня в полночь Овлур (крещеный половец — друг Игоря) свистнул за рекою, велит князю разуметь: князю Игорю не оставаться (в плену)! (Овлур) кликнул, застучала земля (под копытами коней), зашумела (потревоженная) трава, вежи половецкие задвигались (половцы заметили бегство Игоря). А Игорь-князь поскакал горностаем к (прибрежному) тростнику и белым гоголем на воду. Вскочил (на той стороне реки) на борзого коня (приготовленного ему Овлуром за рекою) и соскочил с него серым волком. И побежал к излучине Донца, и полетел соколом под облаками, сбивая гусей и лебедей к завтраку, и обеду, и ужину. Когда Игорь соколом полетел, тогда Овлур волком побежал, стряхивая собою студеную росу: (оба) ведь надорвали своих борзых коней.

Разговор Игоря с рекой Донцом

Донец говорит: «Князь Игорь, немало тебе величия, а Кончаку нелюбия, а Русской земле веселия!»

Игорь говорит (в ответ): «О Донец! Немало тебе величия, лелеявшему князя (Игоря) на волнах, стлавшему ему зеленую траву на своих серебряных берегах, одевавшему его теплыми туманами под сенью зеленого дерева; ты стерег его (Игоря) гоголем на воде (чуткий к приближению человека гоголь предупреждал его об опасности), чайками на струях (чайки, поднимаясь с воды, предупреждали его о приближении погони), чернядями на ветрах (чуткими к приближению человека чернядями). Не такова-то, — говорит (он, Игорь), — река Стугна: мелкое теченье имея, поглотив чужие (с половецкой стороны текущие) ручьи и потоки, расширенная к устью, (когда-то) юношу князя Ростислава (брата Владимира Мономаха) заключила (утопила во время бегства от половцев после поражения). На темном берегу Днепра плачет мать Ростислава по юноше князе Ростиславе. (Тогда) уныли цветы от жалости, и дерево с тоской к земле приклонилось».

Погоня за Игорем. Разговор Гзака и Кончака о том, как удержать Игоря в плену

То не сороки застрекотали — по следу Игоря едут (разговаривая — «стрекоча») Гзак с Кончаком. Тогда вороны не граяли, галки примолкли, сороки не стрекотали (в противоположность помощи Игорю гоголей, чаек, чернядей — вороны, галки и сороки молчали), полозы (степные змеи) ползали только. Дятлы стуком (в зарослях деревьев в глубоких долинах степных рек) кажут путь к реке (Игорю), да соловьи веселыми песнями рассвет возвещают.

Говорит Гзак Кончаку: «Если сокол (Игорь) к гнезду (на родину) летит, расстреляем соколенка (сына Игоря, Владимира, оставшегося в плену) своими золочеными стрелами».

Говорит Кончак Гзаку: «Если сокол к гнезду летит, то мы соколенка опутаем красною девицею (женим его на половчанке)».

И сказал Гзак Кончаку: «Если опутаем его красною девицею, не будет у нас ни соколенка, ни красной девицы (оба уйдут на Русь), и станут нас птицы (соколы — русские) бить в степи Половецкой (русские станут вновь воевать против нас, если упустим заложника)».

Все то говорили Гзак с Кончаком, а вот что сказали Боян с Ходыной о Русской земле, когда в ней нет князя

Сказали Боян и Ходына — песнотворцы Святославовы (Святослава Ярославича) старого времени Ярослава, Олега-князя (Олега Святославича — «Гориславича») любимцы: «Тяжко голове без плеч, беда телу без головы», (так и) Русской земле без Игоря.

Исполнилось все не так, как говорили Гзак и Кончак. Игорь вернулся на Русь

«Солнце светится на небе, (а) Игорь-князь в Русской земле»: (это русские) девицы поют (славу Игорю) на Дунае, — вьются голоса (их) через море до (самого) Киева. (То) Игорь (вернувшись

из плена) едет (в Киев) по Боричеву (подъему) к (церкви) святой богородицы Пирогощей. Села рады, города веселы. (Вся Русская земля, до далеких дунайских русских поселений, радуется возвращению Игоря.)

Заключительная слава князьям — участникам похода и дружине

Певши песнь (славу) старым князьям, потом (следует) и молодым петь: (итак:) «Слава (старым князьям) Игорю Святославичу, буй туру Всеволоду, (а также и молодому князю) Владимиру Игоревичу!» (Будьте) здравы, князья и дружина, борясь за христиан против поганых (половецких) полков!

Князьям слава и дружине! Аминь.

примѣчанія

К стр. 43

...о плъку... — Слово «плъкъ», «пълкъ» («полкъ») имело в древнерусском языке несколько значений: «поход», «войско», «сражение», «сборище» и «народ». В данном случае «полк» означает «поход». Ниже в «Слове о полку Игореве» слово «полк» дважды употребляется в значении «войско».

Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова. — Игорь Святославич, князь Новгород-Северский, родился в 1151 году. Он был сыном черниговского князя Святослава Ольговича и внуком Олега Святославича (Гориславича) Черниговского. Князем в Новгород-Северском, небольшом городе на восточной окраине Черниговской земли, Игорь стал в 1179 году. В 1198 году, после смерти Ярослава Всеволодовича Черниговского, Игорь стал князем в Чернигове. В 1202 году Игорь умер.

К стр. 44

...трудныхъ повѣстий... — По-древнерусски слово «труд» означало не только работу, но и подвиг, а также заботу, страдание, скорбь, горе (ср. ниже: «синее вино съ трудомь смѣшено»), боль, болезнь, недуг. Прилагательное «трудныхъ» мы переводим в данном случае как «печальных», однако допустим и такой перевод: «воинских», «ратных» (от «труд» — «ратный подвиг»).

Боянъ. — Боян упоминается только в «Слове о полку Игореве». В других древнерусских сочинениях, например в летописи, о нем ничего не говорится. Из упоминаний в «Слове» князей, которым пел «славу» Боян, можно заключить, что он жил во второй половине XI века. Подробнее о Бояне см. вступительную статью, стр. 28.

...растѣкашется мыслию по древу... — Образ этот не народно-поэтический, а книжный. В дальнейшем автор «Слова» говорит о «мысленном древе» (см. стр. 48) — и опять-таки, как и здесь, характеризуя поэтическую манеру Бояна. Отдельные книжные, риторические, искусственные выражения встречаются в «Слове» несколько раз, например: «истягну умь крѣпостию своею», «свивая славы оба пола сего времени, рища въ трону Троянню», «спалъ князю умь похоти» и некоторые другие (истолкование этих выражений см. в объяснительном переводе). Замечательно, однако, что все эти немногие книжные, искусственные обороты встречаются по преимуществу в начале «Слова». Вступительная часть «Слова» — там, где автор выбирает, в какой манере ему говорить о походе Игоря, — ближе всего стоит к книжной традиции. В дальнейшем автор «Слова» решительно отбрасывает все эти отдельные элементы книжной речи и пишет так, как говорит: горячо, страстно, проникаясь единственным стремлением убедить, взволновать читателей, возбудить их патриотические чувства, и все чаще обращается к образам и идеям русской народной поэзии. Духом народной поэзии особенно сильно проникнута последняя часть: плач Ярославны и описание возвращения Игоря из плена.

...сѣрымъ вълкомъ... шизымъ орломъ... — В «Слове о полку Игореве» очень много сравнений людей с различными птицами и зверями. Русские воины — соколы; половцы — вороны, галки, выводок («гнездо») нарлусов. Всеслав Полоцкий неоднократно сравнивается с волком, Ярославна — с кукушкой, Игорь — с соколом, горностаем, волком. Всеволод, брат Игоря, носит прозвище «буй тур». Святослав Киевский сам себя сравнивает с перелинявшим соколом. Гзак бежит серым волком. Храбрые дружины Рюрика и Давыда «рыкают, как раненые туры», Роман летит на подвиг подобно парящему соколу («яко соколъ на вѣтрехъ ширяяся»), и т. д. Эти сравнения из области животного мира очень характерны для народной поэзии.

К стр. 46

...старому Ярославу... — Здесь речь идет о Ярославе Владимировиче Мудром (ум. 1054). Ярослав был деятельный князь. При нем еще сохранялось в основном политическое единство Руси. Он успешно отбивал от русских границ кочевников, обстроил Киев великолепными зданиями. При нем высокого развития достигли литература, ораторское искусство, ремесло. Прочным и могущественным было при нем и международное положение Руси.

...храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы касожьскыми... — Речь здесь идет о знаменитом черниговском и тмутороканском князе Мстиславе Владимировиче Великом — брате Ярослава Мудрого, умершем в 1036 году. Вот

что рассказывается в «Повести временных лет» под 1022 годом о его единоборстве с Редедею (цитирую в русском переводе): «В то время Мстислав, находясь в Тмуторокане, пошел на касогов. Услышав об этом, князь касожский Редедя вышел ему навстречу и, когда стали оба полка друг против друга, сказал Редедя Мстиславу: «Чего ради будем мы губить наши дружины? Сойдемся и поборемся сами, и если одолеешь ты, то возьмешь имущество мое, и жену мою, и детей моих, и землю мою; если я одолею, то я возьму твое все». И сказал Мстислав: «Да будет так». И сказал Редедя Мстиславу: «Не оружием будем биться, а борьбою». И стали крепко бороться, и долго боролись, и начал изнемогать Мстислав: ибо был велик и силен Редедя. Мстислав в случае победы мысленно обещал построить церковь, а затем ударил Редедю о землю и, выхватив нож, зарезал Редедю, и пошел в землю его, взял все его имущество, и жену его, и детей его и дань возложил на касогов».

Касоги неоднократно упоминаются в летописи. Это племя, населявшее область Северного Кавказа.

...красному Романови Святъславличю. — Роман Святославич, князь тмутороканский, внук Ярослава Мудрого, сын Святослава Ярославича и брат Олега Гориславича Черниговского — деда Игоря Святославича. Роман был убит половцами в 1079 году.

Боянъ же, братие, не 10 соколовь на стадо лебедѣй пущаще, нъ своя вѣщиа пръсты на живая струны въскладаше; они же сами княземъ славу рокотаху. — Искусная игра на инструменте всегда производит впечатление необыкновенной легкости: инструмент как бы оживает в руках музыканта. Наблюдательный автор «Слова о полку Игореве» это заметил и с большим мастерством выразил.

...отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря...— то есть от Владимира I Святославича (ум. 1015) до Игоря Святославича Новгород-Северского. Действительно, «Слово» упоминает русских князей начиная от Владимира Святославича. Автор «Слова» постоянно обращается от современных ему событий к событиям прошлого и охватывает русскую историю больше чем за полтора столетия.

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты. — Почему солнце прикрывает тьмой воинов Игоря? Речь здесь идет о затмении солнца; солнце же поэтически одушевляется. Затмение представляется делом солнца. Солнце своим затмением как бы предупреждает Игоря не совершать необдуманный поход без сговора с другими князьями. Сравните в дальнейшем: «солнце ему тъмою путь заступаше». Когда Игорь потерпел поражение, его жена Ярославна в плаче обращается к солнцу — просит у него помощи. Солнце как бы сочувствует русским. Сочувствие природы воинам Иго-

ря, различные приметы, которыми природа как бы останавливает русское войско, — все это усиливает впечатление трагичности похода Игоря. Солнечное затмение произошло 1 мая 1185 года; у Донца оно было видно в 3 часа 25 минут по киевскому времени.

К стр. 48

Хощу бо, — рече, — копие приломити... — Копье наряду с мечом было самым распространенным оружием в Древней Руси. Древко древнерусских копий было тонким и длинным. Копье обычно употребляли в начале боя, в первой стычке. Оно легко ломалось, его перерубали противники мечом. Тогда сражающиеся брались за мечи. Выражение «копье приломить» было обычным в воинском обиходе Древней Руси. Оно означало: «вступить в единоборство», «начать битву».

...конець поля Половецкаго... — «Конец» в древнерусском языке не означает непременно «окончание». В данном случае слово «конец» равносильно слову «оконечность», «граница» и точнее всего может быть переведено словом «начало», так как здесь, конечно, разумеется ближайшая к Руси «оконечность» Половецкой земли (ср. в современном русском языке: «Он взялся за конец каната», «На одном конце находился я, а на другом — он», и т. п.).

...а любо испити шеломомъ Дону. — Выражение «испить шлемом из реки» нередко встречается в древнерусской письменности в одном и том же значении победы. Ср. в летописи: «Тогда Володимер Мономах пил золотом шеломом Дон, и приемшю землю их всю» (Ипатьевская летопись под 1201 годом).

...рища въ тропу Трояню... — Троян упоминается в «Слове» еще три раза: «были вѣчи Трояни», «на землю Трояню» и на «седьмомъ вѣцѣ Трояни». Ученые по-разному определяли, кто такой был Троян. По-видимому, Троян здесь языческий бог (бог Троян упоминается в памятниках древнерусской письменности). Если это так, то в «Слове о полку Игореве» выражение «рища въ тропу Трояню» означает — «носясь по божественным путям»; «были вѣчи Трояни» означает «были века язычества»; «на землю Трояню» означает «на Русскую землю» (именно в этом же смысле русский народ называется ниже в «Слове» «Даждьбожьим внуком»); «на седьмомъ вѣцѣ Трояни» означает «на последнем веке язычества» (см. объяснительный перевод). Языческие древнерусские боги неоднократно упоминаются в «Слове» (Велес, Дажьбог, Стрибог). Автор «Слова», конечно, христианин; старых же русских богов он упоминает только как поэтические символы, как художественные обобщения (примерно так в XVIII веке постоянно пользовались в поэзии божествами античности).

Пѣти было пѣснь Игореви, того внуку: «Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая — галици стады бѣжать къ Дону великому». — Здесь автор «Слова» делает предположение, как бы Боян воспел поход Игоря, и приводит даже примерный зачин его песни. Этот зачин совсем в духе народных песен, с характерным для народных песен отрицательным сравнением. Соколы — русские; галки — половцы.

...вѣщей Бояне, Велесовь внуче... — Велес, или Волос («скотий бог»), несколько раз упоминается в летописи. Идолы Велесу-Волосу стояли в X веке в Киеве на Подоле, в Ростове, по преданию — в Новгороде и др. По-видимому, Велес-Волос считался также покровителем певцов-поэтов, пастушеским богом и богом поэзии одновременно.

Характерно отражение пережитков древнего родового общественного строя в представлениях автора «Слова» о языческих богах. Люди и стихии — потомки, внуки богов; боги — деды; Боян — внук Велеса; ветры — внуки Стрибога; русский народ — внук Дажьбога.

Комони ржуть за Сулою — звенить слава въ Кыевѣ... — Половецкое войско было войском конным. Приближение конного войска степняков поражало обычно скрипом телег (ср. ниже: «крычатъ тѣлѣгы полунощы») и ржаньем коней (в летописи о приблизившемся к Киеву войске Батыя говорится: «и не бе слышати от гласа скрипания телег его, множество ревения вельблуд его, и рьжания от гласа стад конь его»). Сула (левый приток Днепра) была наиболее близкой и опасной к Киеву границей Половецкой степи. В целом фраза эта, в которой передается поэтическая манера Бояна прославлять победы русского оружия, может означать следующее: «только враги подошли к границам Руси, как слава русской победы над ними уже звенит в Киеве».

...въ Новѣградѣ... — Здесь имеется в виду Новгород-Северский — в Черниговской земле, на реке Десне. Северским он называется потому, что находился в стране северян (одно из древнерусских племен). В летописи Новгород-Северский впервые упоминается сравнительно поздно — в 1141 году. Значительным городом он становится только во второй половине XII века.

...въ Путивлѣ... — Путивль — небольшой город в нижнем течении реки Сейма. Путивль находился в составе Новгород-Северского княжества, на юге от Новгород-Северского, по пути в степь. В нем княжил сын Игоря Святославича — Владимир.

Игорь ждетъ мила брата Всеволода. — Всеволод — родной брат Игоря Святославича, князь трубчевский и курский (ум. 1196). Летописец так харак-

теризует Всеволода Святославича: «Во олговчех всих удалее рожаемь и воспитаемь, и возрастом (ростом) и всею добротою и мужественою доблестью и любовь имеяше ко всим». Игорь два дня ждал Всеволода у реки Оскола. Всеволод шел к Осколу иным путем — из Курска.

буй туръ... — Тур в Древней Руси был символом мужества и силы (в летописи, например, сказано о Романе Мстиславиче Галицком. «храбор бе яко и тур»). Турами в Древней Руси назывались два вида диких быков: первобытный бык и зубр. Охота на туров считалась очень опасной. Владимир Мономах пишет в своем «Поучении к детям», что его дважды метал тур рогами. Когда византийский император Андроник Комнин приехал в 1154 году в гости к Ярославу Осмомыслу (тестю Игоря Святославича), Ярослав устроил для своего гостя охоту на туров. Впоследствии сцены из этой охоты Андроник приказал изобразить на стенах своего дворца.

...у Курьска... – Курск расположен в верховьях Сейма, на берегах рек Тускори и Кура (от последней и название — Курск). Впервые Курск упоминается уже в первой половине XI века. Курск имел пограничное значение: он находился недалеко от Половецкой степи. Отсюда и качества бесстрашных курских кметей (то есть лучших, отборных воинов): степные пути им ведомы и степные овраги им знакомы.

К стр. 52

...подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяни... – В народной поэзии также часто в сходных образах рассказывается о воспитании богатырей. В былине о Волхе Всеславьевиче рассказывается, что ребенком Волх говорил, обращаясь к своей матери:

А и гой еси, сударыня матушка,
Молода Марфа Всеславьевна!
А не пеленай во пелену червчатую,
А не пояси в поясья шелковые,
Пеленай меня, матушка,
В крепки латы булатные,
А на буйну голову клади злат шелом,
По праву руку палицу,
А и тяжку палицу свинцовую,
А весом та палица в триста пуд.

В былине, как и в «Слове о полку Игореве», будущие воины с колыбели, следовательно, привыкают к оружию.

...луци у нихъ напряжени...— Лук обычно держался с ослабленной тетивой. Перед боем тетива напрягалась. Куряне, следовательно, держали свое оружие начеку, готовые отразить внезапное нападение половцев или самим быстро напасть на них (см. дальше: «тули отворени, сабли изъострени»).

...ищучи себе чти, а князю славъ.— Выражение это было обычным в дружинном обиходе и часто встречается в летописи. «Искать» чести, славы для себя и для своего князя было в Древней Руси главной добродетелью дружинника.

...въ златъ стремень... — Золотыми или золочеными были только предметы княжеского обихода (княжеский шлем, княжеский стол, княжеское стремя, княжеское седло). «Слово о полку Игореве» со свойственной этому произведению точностью применяет эпитет «золотой» только к вещам княжеского быта.

Солнце ему тъмою путь заступаше... — Здесь и дальше говорится о сочувствии природы русскому войску. Природа (солнце, птицы, звери) как бы стремится остановить русское войско на его гибельном пути. Грозные предзнаменования усиливают впечатление трагичности похода немногочисленного войска Игоря.

...свистъ звѣринъ въста...— Из зверей свистят только степные зверьки — байбаки и суслики. Зверьки эти свистят обычно, когда светло. Поэтому фраза «свистъ звѣринъ въста» означает, что наступило утро. Это поэтическое иносказание было вполне понятно для древнерусских читателей, знакомых с природой степи. Зачем понадобилось автору это поэтическое иносказание? Оно создает то настроение неопределенной, но сильной тревоги, которой сопровождался поход Игоря. Степные звери, птицы в «Слове» то сочувствуют и тревожатся за русских, то грозят им, злобствуют.

...збися дивъ — кличетъ връху древа... – Слово «див» не получило общепризнанного объяснения. Большинство исследователей считает «дива» мифическим существом (чем-то вроде лешего или вещей птицы). В «Слове о полку Игореве» «див» предупреждает враждебные Руси страны, это божество восточных народов, сочувствующее им, а не Руси.

...и Посулию, и Сурожу, и Корсуню...— Посулие — пограничная с Половецкой степью область по реке Суле (левый приток Днепра южнее Киева). Город Сурож — ныне Судак в Крыму, важный торговый центр. Корсунь — греческая колония Херсонес в Крыму (недалеко от нынешнего Севастополя).

...и тебѣ Тьмутороканьскый блъванъ! — Тмуторокань находилась в районе нынешней Тамани, на северном берегу Черного моря. Область эта в X веке известна по византийским историческим источникам под названием Таматархи.

В XI веке Тмуторокань была русским княжеством с многочисленным русским населением. Она была тесно связана с Черниговским княжеством, управлялась черниговскими князьями. Вот почему Игорь Святославич рассматривал Тмуторокань как «отчину» (наследственный удел) черниговских князей и конечной целью своего похода ставил возвращение Тмуторокани из-под владычества половцев, которыми она была отторгнута от Руси во второй половине XI века. Что такое этот «блъванъ»? По-видимому, это идол, столп, статуя. Около Тамани еще до самого XVIII столетия стояли две огромные статуи божеств Санерга и Астарты, воздвигнутые в III веке до нашей эры. Возможно, что речь идет об одной из таких статуй.

К стр. 54

А половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону великому... — В XI—XII веках перед выступлением в поход большого войска обычно чинились дороги и прокладывались по болотистым местам гати (мосты) — «требился путь и мостились мосты». Половцы двигались навстречу войску Игоря с большой поспешностью — «неготовами дорогами».

...крычатъ тѣлѣгы полунощы, рци, лебеди роспущени. — Кочевники не смазывали колеса своих телег. Движение многих телег в степи поднимало громкий, далеко слышный в степи, особенно тихими ночами, скрип. Крик северного лебедя — кликуна — отчасти напоминает этот звук.

Уже бо бѣды его пасетъ птиць по дубию... - Хищные птицы и хищные звери в древности часто следовали за войском, поджидая добычу на поле битвы. Ночами птицы отдыхали в недалеких от стана войска дубравах, тревожа воинов карканьем и клекотом.

...лисици брешутъ на чрълены щиты. — В «Слове о полку Игореве» очень точен и разнообразен подбор слов, которыми определяются звуки, издаваемые различными птицами и зверями. Лисицы «брешут», кони «ржут», туры «рыкают», соловей издает «щекот», галки «говорят», вороны «грают», орлы издают «клекот», дятлы — «текот», лебеди «поют» и «кричат», кукушка «кычет», сороки «трескочут» и т. д. Язык «Слова» точен и богат. Что касается до щитов, то они в XII веке были легкие, деревянные, миндалевидной или овальной формы, оковывались железом. Черлень, в которую были окрашены щиты русских, — яркая розово-красная краска, которую изготовляли из особого насекомого — червеца. О ярко-розово-красной окраске русских щитов дает представление то место Ипатьевской летописи, где описывается смотр, который устроил войску Даниил Галицкий, и где щиты русских воинов сравниваются с зарей, из-за которых, как восходящее солнце, блестят светлые шлемы воинов.

О Руская земле! уже за шеломянемъ еси! — Это восклицание, которым автор прерывает свое повествование, встречается в «Слове» ниже один раз. Дважды повторенное, оно усиливает чувство тревоги за русское войско. Автор «Слова» как бы мысленно сопровождает русское войско и испытывает горькое чувство вместе со всеми русскими воинами, когда они углубляются в Половецкую степь и родная Русская земля перестает быть видной, скрывается за пограничным холмом.

Длъго ночь мрькнетъ. — Войско Игоря ожидало сражения на следующее утро и провело тревожную ночь. Автор «Слова» верно подметил, что бессонная ночь накануне решающего дня кажется всегда томительно долгой. После слов «длъго ночь мрькнетъ» описывается, как постепенно спустилась ночь и как постепенно наступило утро. Этим последовательным описанием того, как наступала ночь, а затем утро, передается ощущение длительности ночи. Русские воины не спали и могли наблюдать смену ночных явлений — от вечерних до утренних: «Долго ночь меркнет. Заря свет уронила. Мгла поля покрыла. Щекот соловьиный уснул. Говор галок пробудился. Русские сыны великие поля красными щитами перегородили, ища себе чести, а князю славы» (приводим в переводе на современный русский язык).

Щекотъ славий успе; говоръ галичь убуди. — Соловей — ночная птица, галка — дневная. Здесь, следовательно, образно говорится о том, что ночь сменилась утром. Хорошо подобраны в этом месте метафоры. О соловьином щекоте говорится, что он «уснул», а о «говоре» галок — что он «пробудился»: речь ведь идет о ночи и об утре, именно об этом и напоминают метафоры.

Русичи великая поля чрьлеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а князю — славы. — Здесь описывается построение наутро в боевой порядок русского войска. Русские войска перегородили поле щитами, чтобы в бою искать себе чести, а князю славы. Боевой порядок русских войск с плотно сомкнутыми щитами описывает византийский историк Лев Дьякон: в сражении под Доростолом русские во главе со Святославом Игоревичем вышли навстречу грекам, «сомкнув щиты и копья наподобие стены».

Съ зарания въ пятокъ потопташа поганыя плъкы половецкыя... — Битва началась утром в пятницу. Выражение «потопташа» — военный термин Древней Руси, означающий «рассеяли боевые порядки», «разрушили боевое построение полков». Слово «поганые» сохраняет здесь древнее значение — языческие (от латинского слова «paganus» — языческий, нечистый).

...рассушиясь стрѣлами по полю... — Рассыпаться стрелами или расстреляться стрелами по полю — образ, часто употребляющийся в народной поэзии.

Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя плъкы Игоревы.— Битва обычно начиналась издали перестрелкою стрелков, двигавшихся впереди строя. Противный ветер способен отклонить и замедлить полет стрелы. Половцы имели преимущество — попутный ветер со стороны моря (ср. выше: «чръныя тучя съ моря идутъ»). Вот почему в дальнейшем Ярославна упрекает ветер: «О вѣтрѣ, вѣтрило! Чему, господине, насильно (то есть напротив, вопреки) вѣеши? Чему мычеши хиновьскыя стрѣлкы на своею нетрудною крилцю на моея лады вои?» Автор «Слова» очень точен в передаче обстоятельств похода и битвы. Стрибог — один из языческих русских богов. Между прочим, он упоминается в летописи в числе богов, поставленных Владимиром I Святославичем в 980 году в Киеве «на холме вне двора теремного». По-видимому, Стрибог был богом ветра.

К стр. 60

...рѣкы мутно текуть...— Здесь продолжается картина наступления половцев, изображаемая как картина надвигающейся грозы. Реки текут мутно, потому что они взмучены в своих верховьях сильным дождем и потому что надвигающаяся конница половцев взмутила их, переходя вброд. Вместе с тем мутно текущая вода в народной поэзии символ печали. В народных песнях говорится и о Дунай-реке, которая «с песком возмутилась», потому что в ней утонула девица, о Доне-кормильце, который «всё мутен течет», потому что он страдает за своих «ясных соколов, донских казаков». Перед нами в «Слове о полку Игореве» в описании наступления половцев развернутое сравнение его с грозой, сравнение, имеющее к тому же и символическое значение — надвигающегося несчастья.

...пороси поля прикрываютъ...— Пороси — множественное число от «порох» (пыль). Пыль поднималась в выжженной степи и предгрозовым вихрем и движением массы конного войска. Как мы уже сказали выше, здесь в «Слове о полку Игореве» картина битвы и картина грозы слиты в единое изображение. Сравните в народной поэзии:

Не пыль в поле пылится,
Не туман с моря подымается,
Не грозна туча накатается,
Не из той тучи молонья сверкает —
Подымалася силушка зла, неверная.

...стязи глаголютъ...— Метафора «глаголютъ» очень уместна. Движением стягов управляли войском в битве. Вокруг стягов собирались, «стягивались» воины. За стягом двигалось войско. На захваченных городских укреплениях во-

дружались стяги победителей. Падение стягов означало поражение. По движению стягов половцев войска Игоря определяют, как много войск половцев наступает на них со всех сторон. Среди поднятой движением масс половецкого войска пыли высокие стяги были к тому же видны лучше, чем самое войско.

...половци идуть отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ Рускыя плъкы оступиша. — Летопись также отмечает, что половцев было чрезвычайно много, они наступали «ак борове», то есть как лес. Небольшое русское войско собрало против себя «всю Половецкую землю». Летопись говорит, что русские были окружены половцами плотным кольцом и не могли пробиться.

Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбрии русици преградиша чрьлеными щиты.— Здесь два глагола одного и того же корня, но в одном случае корень с русским полногласием («прегородиша»), а в другом — с церковнославянским неполногласием («преградиша»). В русском языке слова церковнославянского происхождения и чисто русского дают различные оттенки значения. Это увеличивает богатство и гибкость языка, позволяя выражать различные, очень незначительные оттенки значения, особенно важные в художественной речи. Автор «Слова о полку Игореве» этим широко пользуется. У него «воронъ» и «вранъ», «голова» и «глава», «соловей» и «славий», «ворота» и «врата», «боронь» и «брань» и т. д. Два глагола — «перегородиша» и «преградиша» — имеют также каждый свои оттенки. Русские «преградили» поля своими щитами, они преграждают путь половцам, а половцы поля «перегородили» кликом — их боевой клик премит от края и до края поля, они хотят напугать русских.

...мечи харалужными... — Неоднократно встречающееся в «Слове» прилагательное «харалужный» и существительное «харалуг», по-видимому, означают «булатный», «булат». Происхождение слова «харалуга», «харалужный» остается до сих пор неясным.

...златымъ шеломомъ...— «Золотые шеломы» упоминаются в «Слове» и ниже: «кое ваши златые шеломы». Кроме «златых», упоминаются в «Слове» и «злаченые шеломы»: «не ваю ли вои злачеными шеломы по крови плаваша». И «златые» и «злаченые» шлемы в равной мере были золочеными шлемами, а не сделанными из сплошного золота: сделанный из одного золота шлем был бы слишком мягок и тяжел. Сохранилось несколько «золотых шлемов» русских князей. Все они очень искусной работы, говорящей о высоком мастерстве русских ремесленников.

Оварьскыя. — Авары известны в «Повести временных лет» под именем «обров». Авары появились на северных берегах Черного моря в V веке. Летописец отмечает полное исчезновение этого племени («погибоша аки обры») в IX веке.

...отня злата стола...— Князь Всеволод Святославич был сыном Святослава Ольговича (ум. 1164), князя черниговского. В 1185 году черниговский стол занимал Ярослав Всеволодович.

...красныя Глѣбовны...— Ольга Глебовна — жена буй тура Всеволода Святославича, дочь Глеба Юрьевича, внучка Юрия Долгорукого и сестра Владимира Глебовича Переяславского.

Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля; были плъци Олговы, Ольга Святъславличя. — В связи со сказанным выше о Трояне как о древнерусском языческом боге (см. примеч. к стр. 48), это место следует понимать так: «Были языческие времена, наступили времена Ярослава; были и походы Олега, Олега Святославича». Здесь, следовательно, автором «Слова» намечаются три этапа русской истории: языческие времена, Ярославово время, как время христианской и единой Руси, и время междоусобий Олега.

...плъци Олговы... — Здесь имеются в виду братоубийственные войны (походы — «плъци») Олега Святославича («Гориславича») — родоначальника черниговских ольговичей и постоянного противника Владимира Мономаха. Олег Святославич был дедом Игоря Святославича Новгород-Северского и Всеволода буй тура. Олег вспоминается здесь не случайно. Политику Игоря автор рассматривает как политику «родовую», ведущую свое начало от Олега. Так, ниже, говоря о полоцких князьях, автор «Слова» вспоминает их родоначальника — Всеслава. Олег Святославич — обобщающий образ всех князей ольговичей, как Всеслав — обобщающий образ всех князей всеславичей.

К стр. 62

...той же звонъ слыша давный великый Ярославь, а сынъ Всеволожь, Владимиръ... — Это место в дошедшем до нас тексте «Слова» испорчено. Восстанавливаем его здесь предположительно. Ярослав Мудрый и Владимир Мономах в летописях XII—XIII веков часто поминаются как идеальные старые князья — представители единой Руси, подобно тому как Олег Святославич — обобщающий образ князей-крамольников. Ярослав уже «слышал» шум княжеских раздоров (ему приписывается завещание, в котором он предостерегает своих наследников от братоубийственных войн).

Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе...— Смерть в бою часто рассматривалась в Древней Руси как суд судьбы; так же и в устном народном творчестве (ср. в былине: «Илье-то было не к суду пришло», то есть не к смерти).

Борис Вячеславич — внук Ярослава Мудрого, союзник Олега Святославича. Битва, в которой Борис Вячеславич был убит, произошла при следующих обстоятельствах. В 1077 году Олег Святославич (Гориславич), родоначальник князей ольговичей, лишился своей отчины — Чернигова: в Чернигове сел отец Владимира Мономаха — Всеволод Ярославич. Олег бежал в Тмуторокань, собрал там войско, в том числе и половцев, вернулся на Русь (см. выше в «Слове»: «ступаетъ въ златъ стремень въ градѣ Тьмутороканѣ») и изгнал Всеволода. В отсутствие Олега Всеволод Ярославич с сыном своим Владимиром Мономахом и киевский князь Изяслав Ярославич с сыном Ярополком соединенными силами обступили Чернигов. Олег Святославич и Борис Вячеславич направились к Чернигову. Изяслав и Всеволод выступили против них. Олег не надеялся победить четырех князей, но Борис «похвалился вельми» один победить своих противников. Битва произошла близ Чернигова, «у села на Нежатиной Ниве», в 1078 году. В битве первым пал Борис Вячеславич, на противной стороне — Изяслав. Олег с остатками дружины вновь бежал в Тмуторокань, а отец Владимира Мономаха, Всеволод Ярославич, сел на киевском столе.

...на Канину...— По-видимому, Канина — это река, протекавшая около Чернигова, там, где была битва, в которой погиб Борис Вячеславич. Река эта — Канина — однажды упоминается в Ипатьевской летописи под 1152 годом.

...зелену паполому постла... — Паполома — погребальное покрывало, обычно черного цвета. Под зеленой паполомой подразумевается трава. Трупы убитых, зарастающие травой, — обычный образ народной поэзии.

...храбра и млада князя...— Эти слова, по-видимому, относятся к Борису Вячеславичу, хотя некоторые исследователи относят их к Олегу Святославичу.

Съ тоя же Каялы Святоплъкь повелѣ яти отца своего междю угорьскими иноходьци ко святѣй Софии къ Киеву.— Отец Святополка Изяславича, Изяслав Ярославич, был убит в 1078 году близ Чернигова в той же битве на Нежатиной Ниве, где был убит и Борис Вячеславич, сражаясь против Олега Святославича и Бориса Вячеславича. Его сын Святополк в битве не участвовал. Софийская первая летопись, как и «Слово о полку Игореве», указывает место погребения Изяслава в киевском храме Софии.

...междю угорьскими иноходьци...— Иноходцем называется лошадь, выдрессированная бежать особым аллюром, при котором одновременно выносятся сначала обе ноги правые, а затем обе левые. При таком аллюре езда на верховой лошади гораздо спокойнее. Иноходцев использовали при перевозке на

крылах лебединых, садилась она на черлен корабль, обернулась красною девицей»; «Знать, Судинушка (ср. в «Слове» — «обида») по бережку ходила, страшно-ужасно голосом водила, во длани Судинушка плескала»; «Белой лебедью воскликати, красной девицей восплакати» и ми. др.

К стр. 68

А Игорева храбраго плъку не крѣсити! — Самое тяжелое в смерти любимых людей — это невозвратимость утраты. В народных плачах по умершим эта невозвратимость постоянно подчеркивается. Подчеркивается она и здесь: храбрые воины Игоря не оживут! Неутолимое горе как бы заставляет автора «Слова» возвращаться к одной и той же мысли: не вернуть воинов Игоря!

За нимъ кликну Карна, и Жля поскочи по Руской земли, смагу людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ.— По-видимому, Карна — олицетворение кары и скорби (от древнерусского слова «кара», «карание», «карьба»). Жля — то же, что и «жéля», плач по убитым. «Желя» неоднократно упоминается в летописи; между прочим как раз в описании поражения Игоря: «И тако, во день святого воскресения наведе на ны плачь и во веселие место желю, на реце Каялы» (Ипатьевская летопись). Смага — огонь, пламя, сухость, жар. Здесь, возможно, имеется в виду какой-либо погребальный обычай.

...ни мыслию смыслити, ни думою сдумати...— В этом месте два характерных для народной поэзии тавтологических сочетания, вроде: «слыхом не слыхать», «видом не видать», «дождь дождит».

К стр. 70

...отецъ ихъ — Святъславь...— Речь идет о Святославе Всеволодовиче Киевском — сыне Всеволода Ольговича, двоюродном брате Игоря и Всеволода Святославичей. Отцом Игоря и Всеволода Святослав назван как их феодальный глава. Святослав Всеволодович провел бурную жизнь. В 1141 году он получил в княжение Туров. Затем до 1146 года княжил во Владимире-Волынском. Вскоре за тем в Северской земле несколько лет деятельно поддерживал Святослава Ольговича, отца Игоря Святославича, в его борьбе с мономаховичами. Тогда, по-видимому, и установилось у Святослава нежное, отеческое отношение к Игорю. После смерти Изяслава Мстиславича Святослав получил в княжение от Ростислава Мстиславича Туров и Пинск. С 1158 по 1164 год Святослав княжил в Новгород-Северском, откуда перешел на княжение в Чернигов. В 1174 году

Святослав осаждал Киев. Во время смут во Владимире-Суздальском после смерти Андрея Боголюбского Святослав поддерживал его брата Всеволода Юрьевича и Михалку. С 1180 года Святослав надолго утвердился в Киеве, но владел только Киевом. Остальные города Киевского княжества были подчинены Рюрику Ростиславичу. Совместно с Рюриком Святослав организовал несколько объединенных походов русских князей на половцев, из которых особенно успешным был тот самый поход 1184 года, в котором не успел принять участие Игорь Святославич (см. вступительную статью, стр. 12—13). Возрастающему влиянию Всеволода Юрьевича Владимиро-Суздальского Святослав пытался оказать сопротивление, но безуспешно. Умер Святослав в 1194 году. Данные исследования выстроенного Святославом в Чернигове Благовещенского собора позволяют говорить о своеобразной школе зодчества Святослава Всеволодовича, воскресившей архитектурные традиции единой Руси XI века. Таковы некоторые внешние данные его биографии, за которыми кроется трудная, бурная, обильная событиями жизнь незаурядного, умного и деятельного русского князя XII века.

...Святъславь грозный великый киевскый... притопта хлъми и яругы, взмути рѣкы и озеры, иссуши потокы и болота. — Поход Святослава 1184 года был действительно очень большим и успешным, но в «Слове о полку Игореве» он все же гиперболизован, чтобы подчеркнуть различие между походом Святослава Киевского и походом Игоря. Походу Святослава в «Слове» приданы размеры стихийного явления: Святослав, подобно буре («грозе»), «притоптал холмы и овраги, возмутил реки и озера, иссушил потоки и болота».

А поганаго Кобяка изъ луку моря, отъ желѣзныхъ великыхъ плъковъ половецкыхъ, яко вихръ, выторже: и падеся Кобякъ въ градѣ Киевѣ, въ гридницѣ Святъславли. — Половецкий хан Кобяк был захвачен в плен в походе объединенных русских сил под предводительством Святослава Киевского 1183 года. Русские взяли тогда семь тысяч пленных. Кроме Кобяка, попали в плен к русским и другие половецкие ханы и знатные половцы. У Азовского лукоморья находились главные зимние кочевья половецких орд, объединенных ханом Кобяком. Гридницей называлась большая пиршественная зала, где сходились гриди — дружинники князя. О громадных размерах гридницы можно судить по тем данным, которые сообщает арабский путешественник X века Ибн-Фадлан: он говорит, что во дворце русского князя с ним находится четыреста его военных сподвижников, среди которых он сидит на престоле; верхового коня к нему подводят прямо к престолу. В XII веке, в период феодальной раздробленности, княжеские пиры были гораздо скромнее по размерам, чем в XI веке, и устраивались по большей части на сенях. Помещения же гридниц часто использовались для заключения пленных, в частности там заключили и хана Кобяка.

Уныша бо градомъ забралы... — З а б р а л ы городских стен — это их верхняя часть, переходы, где сосредоточивались защитники во время осады. В более узком значении — это бруствер, защищавший находившихся на верху стен воинов. Забралы были своего рода общественными местами. Здесь собирался народ, встречая или провожая князя. С забрал велись переговоры с неприятелем. На забралах плакали по павшим вдали (ср. ниже в тексте «Слова»: Ярославна плачет по Игоре на забрале в Путивле). Образ унывающих городских стен встречается в народной поэзии. В былине о Василии Игнатьевиче и Батыге говорится:

А тут плакала не душа красна девушка,
А тут плакала стена да городовая,
Она ведает над Киевом несчастьицо,
Она ведает над Киевом великое.

...сыпахуть ми тъщими тулы поганыхъ тльковинъ великый женчюгь на лоно и нъгуютъ мя. — В народных поверьях видеть во сне жемчуг считалось предвестием слез. В народной поэзии жемчуг — символ слез.

Ты рассыпься, крупен жемчуг,
Что по атласу да по бархату!
Ты расплачься, невестушка...
...Перед батюшкой стоюци.

Или:

Порассыпься, крупный жемчуг,
По столам, столам дубовым.
Порасплачься, невеста душа,
Пред своим кормильцем батюшкою.

Уже дьскы безъ кнѣса в моемъ теремѣ златоврьсѣмъ... — К н ѣ с — князек, то есть перекладина, на которой сходятся стропила крыши, или «матица», на которой держатся доски потолка. По древнерусским поверьям, видеть во сне дом без князька служило предвестием большого несчастья. Это была дурная примета. Сон Святослава полон и других тревожных предзнаменований: Святославу подносят «синее» вино «с трудом» смешано, сыплют на него крупный жемчуг.

...у Плъсньска... — Вряд ли здесь разумеется Плесеньск, город в Галицком княжестве; скорее это какая-то местность под Киевом.

...на болони... — Б о л о н ь е — свободное пространство перед городскими стенами, оставляемое обычно без застройки, чтобы оно легче простреливалось со стен.

...а самаю опуташа въ путины желѣзны.—«Путы», или «путины», надевались на ноги ловчим птицам, чтобы они не улетели. Позднее эти «путы» назывались «ногавками». См. также ниже: «соколнца опутаевѣ», «аще его опутаевѣ».

...два солнца помѣркоста... — Здесь идет речь об Игоре и Всеволоде. Сравнения князя с солнцем были обычны в устной традиции.

...и с нима молодая мѣсяца — Олегъ и Святъславъ...— Олег — это сын Игоря, родившийся в 1175 году (о его участии в походе говорится в Лаврентьевской летописи), Святослав — племянник Игоря, князь рыльский. Не назван Владимир, старший сын Игоря, несомненный участник похода Игоря.

...и великое буйство подаста хинови. — Кто такие эти «хинови»? «Хинове» упомянуты еще раз в перечислении врагов Руси, а также в плаче Ярославны («чему мычеши хиновьскыя стрѣлкы на своею непрудною крилцю на моея лады вои?»). Предположений существует много. По-видимому, слово это означает каких-то неведомых восточных народов. Подобно тому как победы Руси встречают радостный отклик у венецианцев, моравов, греков, немцев, так и победы половцев вызывают радостное возбуждение («великое буйство») у далеких восточных народов, которых на Руси представляли себе неясно, — «хиновах», и у готов (см. ниже).

На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла...— Победа половцев над русскими в «Слове» воспринимается как победа тьмы над светом. С этим согласуется и описание затмения солнца в начале «Слова о полку Игореве» как предвестия поражения русских. Там солнце покрывает тьмою воинов Игоря. «Каяла» неоднократно упоминается в «Слове» как место поражения Игоря. Какая река называлась в XII веке Каялой, точно не установлено. По-видимому, это река Макатиха вблизи Торских озер, впадающая в реку Голую Долину.

...акы пардуже гнѣздо. — Пардус — гепард, крупный зверь из семейства кошачьих (не смешивать с барсом, леопардом и др.). Пардусы в диком состоянии на Руси не водились. Их привозили на Русь в качестве охотничьих зверей. Эти охотничьи звери обычно выходили на охоту либо в одиночку, либо парой, либо «гнездом», то есть выводком, но не стаей. Как охотничьи звери пардусы ценились в Древней Руси очень высоко. Из летописи известно, что отец Игоря Святославича в 1147 году подарил Юрию Долгорукому двух пардусов. За пардусами ухаживали специально к ним приставленные «пардусники».

Уже снесеся хула на хвалу; уже тресну нужда на волю; уже връжеся дивь на землю. — «Хула», «нужда», «дивь» — по смыслу это все воплощения различных несчастий. В народной поэзии воплощение горя, злой судьбины, нужды, кручины очень часто. Иногда они являются там в виде зловещей птицы, ворона, иногда приобретают человеческий облик. Например, запертое в счастливые времена Горе освобождается и бросается на землю при несчастье («с подземелья злое Горе разом бросилось, черным вороном в чисто поле слетело»). Иногда в народной поэзии Горе или Нужда освобождаются с громом, с треском (см. в «Слове»: «уже тресну нужда на волю»).

Се бо готьскыя красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю: звоня рускымъ златомъ... — Готы жили в Крыму и частично около Тмуторокани (см. примеч. к стр. 52). Поход Игоря был направлен к этой старой русской Тмуторокани. Готы радуются победе половцев, с которыми они находились в торговых отношениях, и звонят русским золотом, награбленным половцами и доставшимся готам, очевидно, путем торговли. Готские красные девы звонят русским золотом, в то время как русские жены не могут «потрепати» злата и сребра (о русских женах говорится выше, там, где описывается плач русских жен по своим погибшим «милым ладам» — воинам Игоря).

К стр. 76

...поютъ время Бусово... — Бус — это, по-видимому, антский князь Бос, Боус или Бооз. Как рассказывает римский историк Иордан, гот по происхождению, в 375 году нашей эры готский король Винитар, внук Вультвульфа, победил антов (предков восточных славян — русских) и приказал распять на кресте короля антов Боза, его сыновей и семьдесят знатных антов. Готские девы воспевают это время.

...лелѣютъ месть Шароканю. — Месть за Шарукана, которую лелеют на берегу синего моря готские красные девы, упомянута в «Слове» отнюдь не случайно. Шарукан был дедом хана Кончака. Шарукан потерпел жестокое поражение от Владимира Мономаха в 1106 году. Его сына Отрока Владимир Мономах загнал на Кавказ, за Железные Ворота. Внук Шарукана и сын Отрока — хан Кончак впервые смог отомстить после поражения Игоря за бесславие своего деда и своего отца.

Тогда великый Святъславъ изрони злато слово с слезами смѣшено... — Святослав «изронил» свою речь («слово»), он как бы говорит ее против воли, ему тяжело упрекать Игоря. Значителен и эпитет «злато»: речь Святослава — тяжелая, весомая и драгоценная, так как полна большого, важного смысла, значения.

О моя сыновця, Игорю и Всеволоде! — Святослав Киевский называет Игоря Святославича и Всеволода Святославича «сыновцами» (племянниками) как старший в лестнице феодального подчинения. На самом деле Игорь и Всеволод приходились Святославу двоюродными братьями.

Рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати. — Упрек Святослава Игорю и Всеволоду за то, что они слишком «рано» выступили против половцев, находит себе поясиение в летописи. Когда Святослав услышал о походе Игоря, он «утер слез своих», ему было «нелюбо», что они поторопились отправиться, «утаившеся» его, то есть без сговора с ним.

К стр. 78

...брата моего Ярослава... — Ярослава Всеволодовича Черниговского, родного брата Святослава Всеволодовича Киевского.

...съ черниговьскими былями, съ могуты, и съ татраны, и съ шельбиры, и съ топчакы, и съ ревугы, и съ ольберы. — Здесь в «Слове» перечисляются отдельные племена тех степных кочевых народов тюркского происхождения, которые издавна осели в пределах Черниговского княжества, подпав под культурное влияние русских. Из этих осевших кочевников в Черниговском княжестве собирались полки, носившие название «ковуев». Черниговские ковуи были и в войске Игоря Святославича. Их прислал Ярослав Всеволодович Черниговский, и они действовали под начальством боярина Ольстина Олексича.

...засапожникы... — ножи, носившиеся за голенищем сапога. Нож как орудие боя употреблялся только в самых ожесточенных схватках, когда противники сходились настолько близко, что нельзя было размахнуться мечом, и когда самые щиты могли только мешать и связывать движения сражающихся.

...звонячи въ прадѣднюю славу. — «Звонить в славу» — смелое и очень сильное выражение, каких немало в «Слове о полку Игореве». Оно означает — «гордиться славой предков» и «быть окруженным ореолом славы предков». Ср. также «расшибить славу», «выскочить из дедовской славы».

Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ: не дастъ гнѣзда своего въ обиду. — Термин «в мытех» означает период линьки, особенно той, когда у молодого сокола появляется оперение взрослой птицы. Взрослые соколы отважно защищают свои гнезда от более сильных хищных птиц (например, от орла-беркута).

Се у Римъ кричатъ подъ саблями половецкыми, а Володимиръ подъ ранами. — После поражения Игоря половецкие ханы Гзак и Кончак двинулись на Русь. Гзак осадил Путивль, но не смог его взять; его войска разорили Посемье. Кончак пошел на Переяславль-Русский (Южный), где переяславский князь Владимир Глебович, князья Святослав Киевский и Рюрик Ростиславич нанесли ему поражение. На обратном пути Кончак осадил и захватил Римов. При осаде Переяславля на вылазке был ранен Владимир Глебович Переяславский, схватившийся оразу со многими половцами. Окруженный, он был ранен тремя копьями, но дружина отбила его у врагов.

Туга и тоска сыну Глѣбову! — Перед нами очень распространенное в народной поэзии синонимическое сочетание. Ср. в народной поэзии: «тоска — кручина», «знаю — ведаю», «нагота — босота» и др. Синонимические сочетания встречаются в «Слове о полку Игореве» не один раз («то было въ ты *рати* и въ ты *плъкы*»; «въстана, бо, братие, Киевъ *тугою,* а Черниговъ *напастьми*» и др.).

Великый княже Всеволоде! — Всеволод Юрьевич Владимиро-Суздальский, сын Юрия Долгорукого и внук Владимира Мономаха; по позднейшему прозвищу — Большое Гнездо. Выдающийся политический деятель своего времени. Один из самых сильных князей Руси XI—XIII веков. По словам летописца, Всеволод «много мужествовав и дерзость имев на бранех показав»; «сего имени токмо трепетаху вся страны и по всей земли изыде слух его» (Лаврентьевская летопись под 1212 годом). Всеволод вел неустанную борьбу с боярством за укрепление княжеской власти. Его боялись и слушались прочие русские князья: князья-соседи и князья далекой южной Руси. Он первым из владимирских князей принял титул великого князя и стремился утвердить за Владимиром-Залесским значение центра Руси. Он обстроил Владимир замечательными зданиями, «не искав мастеров от немец». При нем был построен во Владимире княжеский дворец с придворным Дмитровским собором, знаменитым своими скульптурными украшениями, и расширен Успенский собор.

...отня злата стола поблюсти. — Отец Всеволода, Юрий Долгорукий, несколько раз захватывал киевский престол военной силой и умер в Киеве в 1157 году.

Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти! — Словами «ты бо можеши Волгу веслы раскропити» определяется многочисленность дружины Всеволода и его могущество над волжскими странами. Всеволод и в самом деле энергично продолжал начавшееся еще очень давно покорение Поволжья. В 1183 году, за два года до похода Игоря, Всеволод с «судовой ратью» (то есть с речным флотом) успешно осаждал «великий город» волжских

болгар, заключив выгодный для себя мир. В битве на Волге русские загнали волжских болгар в их «учаны» (речные суда), часть из которых опрокинулась, и более тысячи болгар утонуло.

Автор «Слова» верит, что если бы Всеволод двинулся на половцев (на Дон), то его войско смогло бы до конца победить их. Испить шлемом из какой-либо реки было в Древней Руси знаком победы над страной по этой реке; вычерпать же реку было знаком полного уничтожения врага.

Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ. — Чага — рабыня (или ребенок), кощей — раб. Ногата и резана — названия мелких монет (в гривне 20 ногат или 50 резан).

...шереширы... — Что означает это слово — неясно. Возможно, оно происходит от греческого и новогреческого слова, означающего копье.

...сыны Глѣбовы — сыновья Глеба Ростиславича, рязанские князья, зависимые от Всеволода Георгиевича Суздальского.

Ты, буй Рюриче...— Рюрик Ростиславич, буй Рюрик «Слова о полку Игореве», принадлежит к одним из самых деятельных, беспокойных и вместе с тем по-своему примечательных князей XII века. Предприимчивый и смелый, гостеприимный и запальчивый, «мудролюбивый» и непостоянный, Рюрик провел всю свою жизнь в походах на половцев и в феодальных распрях, сражался и за Русь и за свои личные интересы. Семь раз добивался он киевского «золотого стола» и дважды добровольно его уступал своим побежденным соперникам. Несколько раз Рюрик являлся инициатором походов соединенных сил русских князей против половцев, но в 1203 году подверг Киев вместе с половцами такому страшному разгрому, который по последствиям уступал только его опустошению ордами Батыя. Он был одним из образованнейших людей своего времени и обладателем закаленной в боях дружины. Его покровительству и инициативе обязаны мы составлением летописного свода 1200 года, сохранившего в своем составе киевскую летопись XII века — одну из лучших по своим литературным достоинствам русских летописей, богатую событиями, богатую по языку, полную деталей княжеского и дружинного быта — звоном оружия, честью и славой Руси. Летопись эта читается ныне в Ипатьевской летописи за годы 1118—1200. До страсти преданный искусству, Рюрик, по выражению летописи, имел «любовь несытну о зданьих». Его зодчим и личным другом был знаменитый «художник» — зодчий — Петр Милонег. В 1205 году Рюрик был насильно пострижен в монахи Романом Мстиславичем Волынским. В том же 1205 году Рюрик сбросил с себя монашескую рясу и в последний раз сел на киевском столе. В 1210 году он, по-видимому, добровольно уступил киевский стол Всеволоду Чермному и умер в 1215 году на княжении в Чернигове.

...и Давыде!— Давыд Ростиславич Смоленский — брат Рюрика Ростиславича (см. предыдущее примечание), внук Мстислава Владимировича. Много воевал самостоятельно и принимал участие в походах своего брата. Перед смертью добровольно постригся в чернецы. Летописец дает ему такую по-своему приукрашенную характеристику: «Се же благоверный князь Давид возрастом (ростом) бе середний, образом леп (красив), всею добродетелью украшен, благонравен, христолюбив; любовь имея ко всим... бе крепок на рати, всегда бо тосняшеться (устремлялся) на великая дела; злата и сребра не сбирашеть, но давашеть дружине, бе бо любя дружину, а злыя кажня (казня), якоже подобаеть царемь творити» (Ипатьевская летопись под 1198 годом — годом смерти Давыда).

Не ваю ли вои злачеными шеломы по крови плаваша. — «Вои» вставлено предположительно, по смыслу. По-видимому, здесь имеется в виду битва с половцами в 1183 году на реке Орели, в которой участвовали войска Рюрика и Давыда Ростиславичей.

К стр. 82

...за раны Игоревы... — Слово «рана» в древнерусском языке имело более широкое значение, чем в современном русском языке. Оно значило и «поранение» и беда, поражение, болезнь. Здесь имеются в виду и раны Игоря (Игорь был ранен в битве в левую руку) и его поражение. Такая многозначность слов встречается в «Слове о полку Игореве» не один раз. Она увеличивает значительность всего того, что в нем сказано. «Слово о полку Игореве» — произведение удивительно сжатое, краткое, насыщенное значением. Несколько значений часто имеют в «Слове» и отдельные художественные образы, сравнения (см., например, что сказано выше о картине битвы; примеч. к стр. 62 и 64).

Галичкы Осмомыслѣ Ярославе!— Ярослав Владимирович Галицкий — тесть Игоря Святославича, отец Ярославны. Он был князем богатого Галичского княжества и вел постоянную борьбу с местным очень сильным галичским боярством. Его княжение казалось могущественным для всех окружавших его стран, однако он не раз принужден был смиряться перед собственным боярством. Под конец жизни он взял себе в жены простую горожанку Настасью, которую впоследствии бояре сожгли на костре. Его любимого сына от этой Настасьи бояре выгнали после смерти Ярослава из Галича. Этот князь «одни худою своею головою, ходя удержал всю Галичскую землю». Он принимал у себя византийского императора Андроника Комнина, который по возвращении в построенном им дворце велел написать сцены из его прошлой жизни и, между прочим, различные эпизоды охоты на зубров («туров») во время пребывания у Ярослава. Ле-

тописец так его характеризует: «бе же князь мудр и речен языком, и богобоин, и честен в землях и сливен полкы» (Ипатьевская летопись под 1187 годом).

Прозвище Ярослава «Осмомысл» имеет несколько толкований: от восьми его мыслей или забот; от знания восьми языков; от того, что он вообще был умен за восьмерых, и т. п.

Высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ...— Эпитет «златокованный» (то есть сделанный из сплошного, кованого золота) подчеркивает богатство Галича. Богатство галицких князей неоднократно отмечается и в летописи и в былинах (в былине о Дюке Степановиче). Галич действительно в XII—XIII веках переживал пору экономического расцвета. Кремль Галича, где находился и дворец Ярослава, был расположен на высокой горе. Отсюда и выражение «высоко сѣдиши».

...горы Угорскыи...— Карпаты. Угорскыи — венгерские.

...меча бремены чрезъ облакы... — Перед нами рисуется характерный образ галицкого князя Ярослава. Он сидит высоко на горе в Галиче на своем златокованом престоле и отсюда распоряжается судьбами стран, подпирает венгерские горы своими полками, швыряет тяжести через облака, стреляет за землями (то есть за странами) турок султана Саладина.

...стрѣляеши съ отня злата стола салътани за землями. — Предполагают, что галичане принимали участие в третьем крестовом походе против турок султана Саладина.

А ты, буй Романе...— Роман был деятельный, предприимчивый, отважный и неутомимый князь, хозяин и устроитель своих владений. Упорной борьбой он добивается соединения своего наследственного Владимиро-Волынского княжества с богатым соседним княжеством Галичским. Он пренебрегает Киевом, обращая в конце концов Киев в окраинный форпост своих сильных галицко-волынских владений. Твердой рукой сдерживает он распад юго-западной Руси и направляет свои главные удары против могучего галицкого боярства. «Не передавивши пчел, меду не есть», — говорил он о боярах и одних уничтожал в открытой борьбе, других — хитростью, не стесняясь прибегать к обману. Он наводил ужас на окрестные народы — половцев, литву, ятвягов и поляков. Его именем, говорилось в народе, половцы пугали своих детей. Летопись пишет о нем, что он устремлялся на поганых, как лев, сердит был, как рысь, губил их, как крокодил, проходил через землю их, как орел, храбр же был, как тур (Ипатьевская летопись под 1201 годом). Только один Владимир Мономах мог сравниться с ним в победах над половцами. Первый же поход Романа на половцев, по словам византийского историка Никиты Хониата, заставил их спешно покинуть пределы Византии, где они угрожали самому Константинополю.

Завоевывая окрестные земли, он переустраивал их хозяйственную жизнь. Он заставил побежденных литовцев расчищать леса под пашни, корчевать лес и заниматься земледелием. Литовцы много лет спустя говорили о нем: «Роман, Роман, худым живешь, Литвою орешь». Имя Романа было хорошо известно во всех европейских странах. Его послов видели в Константинополе. Его богатые пожертвования попали даже в саксонский монастырь св. Петра в Эрфурте, где находился крупный центр международной торговли. Он приютил у себя византийского императора Алексея III Ангела после изгнания его крестоносцами из Константинополя. Западноевропейские источники постоянно называют его «королем Руси». Русские летописи называют его «самодержцем всея Руси» и «царем». Папа Иннокентий III предлагал ему королевскую корону под условием признания его власти, но Роман отверг его предложение. Роман погиб при походе в Польшу 19 июля 1205 года. Польские историки приписывали ему намерение завоевать люблинские земли. О его смерти так записано во французской хронике: «Король Руси, по имени Роман, выйдя за пределы своих границ и желая пройти через Польшу в Саксонию... убит двумя братьями, князьями польскими, Лешком и Конрадом, на реке Висле». Польский хронист XV века Длугош говорит, что Лешко и Конрад в благодарность за победу над Романом посвятили алтарь в краковском соборе св. Гервазию и Протасию, в день памяти которых был убит Роман. Таково было впечатление от смерти этого неукротимого и могущественного князя.

...и Мстиславе! — Кто такой этот Мстислав, по всему судя — близкий к Роману, деливший с ним победы, — неясно. У Романа не было родного брата с таким именем, но был двоюродный брат — Мстислав Ярославич Пересопницкий. Возможно, однако же, что здесь имеется в виду Мстислав Всеволодович Городенский, участник походов на половцев, постоянно сражавшийся также с литвой, ятвягами, деремелой.

К стр. 84

Ятвязи — ятвяги, одно из литовских племен.

Деремела — вероятно, ятвяжская область и ятвяжское племя.

...сулици своя повръгоша...— Сулица — то же, что копье, но употреблявшееся для метания.

...по Рси...— Рось — правый приток Днепра, южнее Киева; пограничная с Половецкой степью река.

...и по Сули... — Сула — левый приток Днепра, южнее Киева; пограничная с Половецкой степью река. По Суле шла линия укрепленных городов, среди них и Рим, захваченный половцами после поражения русских на Каяле.

Инъгварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславичи... — Ингварь и Всеволод — это сыновья Ярослава Изяславича Луцкого; но кто такие «и вси три Мстиславичи»? Здесь, несомненно, имеются в виду единственные в ту пору на Руси три брата, сыновья Мстислава Изяславича: Роман, Святослав и Всеволод. Все эти три Мстиславича, как и Ингварь и Всеволод, были князьями волынскими — вот почему они объединены в едином обращении к ним. Они не названы по имени, так как автор «Слова» уже назвал несколько выше одного из них — Романа. В этом месте он повторяет свое обращение к Роману, объединяя его со всеми его волынскими братьями. Он говорит «и вси три Мстиславичи», подчеркивая этим, что речь перед тем шла только об одном Мстиславиче, а теперь идет о всех.

...не худа гнѣзда шестокрилци! — У сокола оперение крыла делится на три части (большие маховые, малые маховые перья и крылышко). Всего у сокола как бы шесть крыльев. Отсюда название сокола «шестокрылец».

Не побѣдными жребии собѣ власти расхытисте! — Исторический смысл этих слов неясен, так как самые события княжения этих трех мстиславичей известны плохо.

К стр. 86

Кое ваши златыи шеломы и сулицы ляцкыи и щиты? — Чем объясняется, что у мстиславичей «ляцкие» (польские) сулицы и щиты? Мстиславичи эти были по матери полуполяками — внуками польского короля Болеслава Кривоустого. Однако дело здесь не только в полупольском происхождении мстиславичей. Автор «Слова» намекает здесь также и на ту военную поддержку, которую не раз получали волынские князья из Польши.

Уже бо Сула не течетъ сребреными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ. — Поэтический образ, знак поражения: и Сула и Двина, две пограничные русские реки, лишились своих вод (см. примеч. к стр. 80, на стр. 207), вместе с тем они уже как бы не могут служить реальными препятствиями для врагов Руси.

...Изяславъ, сынъ Васильковъ... Не бысть ту брата Брячяслава, ни другаго — Всеволода. — Летопись упоминает полоцких князей Брячислава Василь-

ковича и Всеслава Васильковича и их отца Василька Рогволодовича. Всеволод и Изяслав летописью не упомянуты: эта ветвь княжеского рода вообще известна плохо.

...и с хотию на кров, а тъи рекъ... — В издании 1800 года и в екатерининской копии это место читается так: «и схоти ю на кровать и рекъ». Поправок этого неясного места было предложено много, но ни одна из них не могла быть признана достаточно удовлетворительной. Предлагали исправления «с хотию» (то есть с милой, с женой), и «схыти», «схопи» (схватил), «и схоти (схватил) юнак (юноша) рова (могилы)» и т. д. Принятое в настоящем издании чтение одно из возможных.

Дружину твою, княже, птиць крилы приодѣ... — Здесь образ, рисующий смерть дружины. Хищные птицы (орлан-белохвост или гриф), садясь на добычу, прикрывают ее своими распростертыми крыльями, чтобы не подпустить других хищников.

К стр. 88

...изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла чресъ злато ожерелие. — Злато ожерелие — это круглый или квадратный глубокий вырез ворота княжеской одежды, обычно обшивавшийся золотом и драгоценными камнями. Другое название этого «ожерелья» — «оплечье». Золотое ожерелье служило в Древней Руси одним из отличий одежды высших классов. Образ жемчужной души в золотом ожерелье отличается какой-то особой, почти ювелирной законченностью: сочетание жемчуга с золотом считалось особенно изысканным.

...трубы трубятъ городеньскии! — Изяслав Василькович, упомянутый в «Слове» выше, был, по-видимому, князем городенским (от Городно или Гродно — неясно).

Ярославли вси внуце и Всеславли! — В первом издании «Слова» и в екатерининской копии читается не «Ярославле», а «Ярославе». Однако никакого Ярослава, усобицы которого с «внуками Всеслава» были бы так велики по последствиям и для Полоцкой земли и для всей Русской, — неизвестно. Вряд ли при этом такой Ярослав оказался бы незамеченным летописью. Ведь в «Слове» имеются в виду какие-то крупные события. Поэтому предполагаем, что в это место при его прочтении первыми издателями вкралась ошибка. Читать следует не «Ярославе», а «Ярославли»: «Ярославли вси внуце и Всеславли», то есть «Ярославовы внуки и все внуки Всеславовы». Перед нами призыв прекратить

вековые раздоры между князьями — потомками Ярослава Мудрого и полоцкими князьями — потомками Всеслава Полоцкого (иногда они назывались также в летописи потомками полоцкого князя Рогволода, также противопоставляясь «Ярославлим внукам»). Итак, в этом месте «Слова» речь, по-видимому, идет не о какой-то мелкой вражде, настолько мелкой, что она даже не была отмечена летописью, а о большом, длительном историческом явлении: о длительной вражде полоцких князей со всеми остальными русскими князьями. Усобицы полоцких князей, стремившихся обособиться от Киева, с киевскими князьями, безуспешно пытавшимися восстановить зависимость Полоцка от Киева, действительно продолжались в XI и XII веках. В этой междоусобной войне автор «Слова» считает побежденными обе стороны, победителями же оказываются «поганые» — половцы и литовцы. Вот почему автор «Слова» и обращается в дальнейшем в большом отступлении к истокам этой громадной вражды, охватившей всех русских и всех полоцких князей, — к истории родоначальника всеславичей — Всеслава Брячиславича Полоцкого.

На седьмомъ вѣцѣ Трояни... — Согласно изложенному выше (см. примеч. к стр. 48), Троян — русский языческий бог. Всеслав действует на седьмом, то есть на последнем, веке языческого бога Трояна, иными словами — напоследок языческих времен. Значение «седьмого» как последнего определяется средневековыми представлениями о числе семь: семь дней творения, семь тысяч лет существования мира, семь человеческих возрастов и т. д. Почему же, однако, Всеслав Полоцкий, по представлениям автора «Слова о полку Игореве», действует «напоследок языческих времен»? Всеслав Полоцкий действует в обстановке поднявшихся восстаний смердов — в Киеве, в Новгороде, на Белоозере, — восстаний, сомкнувшихся с движением волхвов с реакцией древнерусского язычества. Всеслав воспользовался этими восстаниями и этой реакцией язычества в своих целях. Сам Всеслав, по летописной легенде, родился «от волхвования» и носил на голове амулет, вследствие чего якобы пролил много чужой крови.

...връже Всеславъ жребий о дѣвицю себѣ любу. — Под девицей здесь разумеется Киев. Решив воспользоваться в 1068 году восстанием киевлян, чтобы взойти на киевский стол, Всеслав действительно играл своей судьбой — «кинул жребий».

Тъй клюками подпръ ся о кони и скочи къ граду Кыеву и дотчеся стружиемъ злата стола киевьскаго. — Здесь Всеслав напоминает тех сказочных богатырей, которые добывают руку царевны, сидящей высоко в тереме у окошка, доскочив до него на коне. Этот сказочный образ особенно здесь ясен, так как перед этим Киев называется приглянувшейся ему «девицей»: «На седьмомъ вѣцѣ Трояни връже Всеславъ жребий о дѣвицю (то есть о Киеве) себѣ любу». Исторические события вокняжения Всеслава в Киеве были следующие: в

1068 году половцы разбили войско трех братьев — сыновей Ярослава Мудрого: Изяслава, Всеволода и Святослава. Киевляне потребовали от Изяслава выдать им коней и оружие, чтобы взять дело обороны Киева в свои руки. Изяслав, боясь киевлян, отказался это сделать. Тогда киевляне пошли к «порубу» (к тюрьме), где сидел князь Всеслав Полоцкий, захваченный ярославичами перед тем, в 1067, и поставили его киевским князем. Очевидно, что Всеслав удовлетворил требование киевлян — выдал им коней и оружие. Он пришел, следовательно, к власти хитростью, «опершись на коней».

К стр. 90

***Скочи** отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи изъ Бѣлаграда, обѣсися синѣ мьглѣ...* — В 1069 году против Всеслава пошли походом Изяслав и польский король Болеслав. Всеслав выступил против них вместе с киевлянами. Но еще до встречи с войском Изяслава и Болеслава, по неясным для нас причинам, Всеслав принужден был бежать ночью из Белгорода тайно от киевлян (см. «Повесть временных лет» под 1069 годом). Следовательно, «они» — это киевляне. «Синяя мгла» — это мгла ночи. «Обеситься» по-древнерусски означает «повиснуть» или «быть обнятым» (в данном месте «Слова» — конечно, последнее значение).

...обѣсися синѣ мьглѣ утрѣже вазни, с три кусы отвори врата Новуграду... — Место это в первом издании «Слова о полку Игореве» одно из самых трудных для объяснения. Толкование этого места, обычно принимавшееся до сих пор, не может в настоящее время считаться правильным. Мы принимаем здесь деление на слова, предложенное Р. Якобсоном в 1948 г. Однако перевод, им предлагаемый («знать, трижды ему довелось урвать по куску удачи»), кажется нам неудачным, так как образность его («куски удачи» и пр.) в древнерусской литературе не встречается и не соответствует образности «Слова». Предлагаем в переводе свое понимание этого места, преимущество которого по крайней мере в том, что он эстетически нейтрален и не дает новых сильных образов.

...разшибе славу Ярославу... — С именем Ярослава Мудрого в древнем Новгороде Великом связывались представления о начале новгородской независимости. Ярослав княжил в Новгороде по 1016 год, ослабив зависимость Новгорода от Киева и дав новгородцам какие-то не сохранившиеся до нас «грамоты», в которых новгородцы вплоть до конца XV века видели главное обоснование своей независимости.

...съ Дудутокъ. — Дудутки — это, по-видимому, местность под Новгородом.

На Немизѣ снопы стелютъ головами... — Немига — небольшая река, на которой стоял Минск (сейчас этой реки нет). На Немиге Всеслав потерпел поражение от трех сыновей Ярослава: Изяслава, Всеволода и Святослава. Это поражение было действительно ужасным.

...не бологомъ бяхуть посѣяни — посѣяни костьми рускихъ сыновъ. — Здесь типичное для народной поэзии повторение «посѣяни, посѣяин». В народной поэзии они часты: «из лесу было, лесу темного», «того ли то соболя заморского, заморского соболя ушистого, ушистого соболя пушистого» и т. д.

...а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше... — То убегая от погони, то стремясь захватить города, то отстаивая свою вотчину, Всеслав действительно носился, как волк, по всей Русской земле. Есть прямое свидетельство быстроты передвижений Всеслава. Владимир Мономах говорит в своем «Поучении», что он гнался за Всеславом (в 1078 году) со своими черниговцами «о двою коню» (то есть с поводными конями), но тот оказался еще быстрее: Мономах его не нагнал.

...дорискаше до куръ Тмутороканя... — До куръ — то есть до пения петухов. Определение времени по пению петухов (петух — по-древнерусски «кур», петушок — «курок») было широко распространено в народе в Древней Руси.

...великому Хръсови... — Хорс — славянский языческий бог, по-видимому бог солнца. Следовательно, слова «великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше» означают, что Всеслав «рыскал» до восхода солнца.

Тому въ Полотьскѣ позвониша заутренюю рано у святыя Софеи въ колоколы, а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша. — Здесь, по-видимому, имеется в виду следующее: Всеслав сидел в Киеве в заключении (в «порубе»), в то время как в родном его Полоцке его считали князем и поминали как князя в церковных службах (1067—1068).

К стр. 92

Того старого Владимира нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ киевьскымъ... — Здесь, несомненно, под «старым Владимиром» разумеется Владимир I Святославич с его многочисленными походами на внешних врагов Русской земли.

...нъ розно ся имъ хоботы пашутъ. — Автор «Слова» хочет этим сказать, что между войсками братьев Рюрика и Давыда Ростиславичей не было согласия. Действительно, в 1185 году, после поражения Игоря и нападения Кончака, Свя-

тослав и Рюрик пошли против половцев, но брат Рюрика, Давыд, вернулся от Треполя, так как его смоленские войска встали вечем и заявили: «Мы пошли до Киева, даже бы была рать, билися быхом (то есть пошли на защиту Киева и, если бы случилась необходимость биться, бились бы); нам ли иное рати искати (следует ли нам отправляться в какой-то иной поход!), то не можемь, уже ся есмы изнемогле» (Ипатьевская летопись под 1185 годом). Таким образом, «стяги» (полки) Давыда отказались выступить совместно со стягами Рюрика и вернулись назад.

...Ярославнынъ гласъ... — Ярославна — жена Игоря, Ефросинья (?) Ярославна, дочь Ярослава Владимировича Осмомысла (см. примеч. к стр. 82).

...зегзицею незнаема рано кычеть... — Слово «зегзица» в других древнерусских памятниках письменности не встречается. В областных современных диалектах встречается довольно много созвучных слов со значением «кукушка»: «зогза» (вологодское), «загоска», «зезюля» (псковское). В украинском и белорусском языках имеются также близкие по звучанию слова со значением кукушки.

...омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ. — Рукава верхней одежды знати в Древней Руси делались длинными. Их обычно поднимали кверху, перехватывая обручами у запястий. В ряде церемониальных положений их спускали книзу (стояли «спустя рукава»). Такой длины рукав легко можно было омочить в воде, чтобы утирать им раны, как платком. Бебръ, беберъ, как установлено в последнее время Н. А. Мещерским, — белая шелковая ткань особой выделки. Бебрянъ — шелковый.

К стр. 94

О вѣтрѣ, вѣтрило! Чему, господине, насильно вѣеши? Чему мычеши хиновьскыя стрѣлкы на своею нетрудною крилцю на моея лады вои? — Обращение Ярославны к ветру близко к народной поэзии. Такие обращения встречаются в народных плачах по умершим:

Вы подуйте, ветры буйные,
Со все четыре стороны,
Растащите, ветры буйные,
Все желтые песочинки,
Сдуньте, ветры буйные,
Тонки белы полотенечки
С моеё лады милыя...

Или:

Подхватите вы, буйны ветры,
И снесите вы, буйны ветры,
Голоса-то великне
Далеко по святой Руси,
Высоко против небеси
За реки-то за быстрые,
За моря-то за синии,
В города-то во дальние...

О Днепре Словутицю! Ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую. — Такие обращения к рекам часто встречаются в народной поэзии. Например:

Ой ты, батюшка наш, батюшка,
Быстрый Терек ты Горынич!
Про тебя лежит слава добрая,
Слава добрая, речь хорошая!
Ты прорыл-прокопал горы крутые,
Леса темные...

К стр. 96

Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли насады до плъку Кобякова. — Ярославна вспоминает победоносный поход русских князей на половцев 1184 года под предводительством Святослава Всеволодовича Киевского. В результате этого похода объединенные ханом Кобяком силы половцев были разбиты, а сам хан Кобяк захвачен в плен. Насады — ладьи с «насаженными» бортами. В основу насада клалось одно цельное дерево. Это дерево выдалбливалось по форме ладьи и «надшивалось» (или «насаживалось») досками с бортов. Такие «насады» могли вместить несколько десятков человек. В них русские бесстрашно пересекали море, появляясь под стенами Константинополя (в X и XI веках).

Въ полѣ безводнѣ жаждею имь лучи съпряже, тугою имъ тули затче? — В трехдневной битве войска Игоря, люди и кони, отрезанные половцами от воды, страдали от жары и жажды.

К стр. 98

Овлуръ — половец, бежавший на Русь вместе с Игорем. В летописи он назван Лавр или Лавор. Игорь первоначально долго не доверял Лавру. Русский историк XVIII века В. Н. Татищев на основании неизвестных нам источников сообщает, что Лавр был «муж твердый, но оскорблен от некоторых половцев.

мать же была его русская из области Игоревой». Вернувшись из плена, Игорь «учинил вельможею» Лавра и выдал за него дочь тысяцкого Рагуила, щедро наградив.

А Игорь князь поскочи горностаемъ къ тростию и бѣлымъ гоголемъ на воду... полетѣ соколомъ подъ мьглами... — Описание бегства Игоря носит характер народной сказки. В сказках часто герой, спасаясь бегством от колдуна, превращается в различных животных.

К стр. 100

...на своихъ сребреныхъ брезѣхъ... — Донец несет в своих водах много взмученного мела (Донец прорезает меловые горы Артема). Летом, когда вода в Донце спадает, отмели, окрашенные мелом в белый цвет, блестят на солнце, как серебряные.

...стрежаше его гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чрьнядьми на ветрѣхъ. — Чайки, гоголи (порода нырковых уток) и черняди (другая порода нырковых уток) очень пугливы и издали замечают приближение человека. Игорь, скрываясь днем в зарослях у рек, мог по поведению гоголей, чаек и чернядей судить, не приближается ли погоня.

К стр. 102

Не тако ти, рече, рѣка Стугна: худу струю имѣя, пожрѣши чужи ручьи и стругы, рострена къ устью, уношу князю Ростиславу затвори. — Река Стугна мелководна и утонуть в ней нельзя, но к устью она расширяется за счет притоков, главным образом с правой, половецкой стороны (вот почему здесь и говорится, что Стугна была расширена к устью, поглотив «чужие» ручьи и потоки). Юноша Ростислав погиб как раз в ее полноводной части — в устье, около города Треполя. Враждебная река Стугна, поглотившая много чужих речушек, противопоставляется здесь сочувствующему князю Игорю полноводному Донцу. Князь Ростислав Всеволодович, сын Всеволода Ярославича, утонул в 1093 году 22 лет от роду на глазах у своего брата Владимира Мономаха.

Днѣпрь темнѣ березѣ плачется мати Ростиславля по уноши князи Ростиславѣ. — Этот плач матери Ростислава следующим образом описывается в «Повести временных лет»: «Ростислава же искавше обретоша в реце; и вземше принесоша и (его) Киеву, и плакася по немь мати его, и вси людье пожалиша си по немь повелику, унности (юности) его ради» (Лаврентьевская летопись под 1093 годом).

А не сорокы втроскоташа — на слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ. — В этом месте «Слова» типичное для народной поэзии отрицательное сравнение.

...полозие ползаша...— Полозие — полозы, вид крупной змеи, водящейся в степях. Шуршание полозов может быть слышно только в полной тишине. Эту глубокую и тревожную тишину хорошо подчеркнул наблюдательный автор «Слова», упомянув о том, что «только полозы ползали».

Дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ... — Здесь автор «Слова» также проявил свою тонкую наблюдательность. В степи деревья растут только в долинах рек. Долины эти глубокие: издали не видно ни реки, ни деревьев. Вот почему только стук дятлов в деревьях указывал Игорю путь к речным зарослям, где он мог скрыться от погони.

К стр. 104

Аще его (Владимира Игоревича. — *Д. Л.*) *опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице...*— В народной поэзии (в поэзии свадебной) опутать сокола означает женить молодца. Сын Игоря, Владимир, действительно женился на дочери Кончака, вернулся на Русь в 1187 году с женой и ребенком и здесь был уже обвенчан по церковному обряду.

Рекъ Боянъ и Ходына, Святъславля пѣснотворца стараго времени Ярославля, Ольгова коганя хоти: «Тяжко ти головы...» — Место это настолько испорчено, что не позволяет сколько-нибудь уверенно его исправить. Удовлетворительнее всего объясняется текст, если принять предложенное И. Е. Забелиным прочтение «ходы на» (так в издании 1800 года и в екатерининской копии) как «Ходына» и предположить в этом Ходыне певца вроде Бояна, а в «хоти» видеть двойственное число от «хоть» — любимец (ср. это же слово в объяснении места «и с хотию на кров»). Это прочтение и принято нами в переводе. Слава Бояна и Ходыны противопоставлены разговору («стрекотанию») Гзы и Кончака. Каган — титул владык хазарских и аварских; применялся иногда и к русским князьям в X—XI веках.

«Солнце свѣтится на небесѣ,— Игорь князь въ Руской земли»: дѣвицы поютъ на Дунай, — вьются голоси чрезъ море до Киева. — Возвращающихся из походов князей жители обычно встречали, выходя им навстречу, пением «славы».

...дѣвицы поютъ на Дунаи...— В низовьях Дуная находились русские поселения. Еще Владимир Мономах «посажа посадники по Дунаю» (Ипатьевская

летопись под 1116 годом). Посадники Мономаха, впрочем, не смогли надолго закрепиться в дунайских городах. В XII и XIII веках в придунайские города (главным образом в Берлад) стекались недовольные, изгнанные и т. п. Воскресенская летопись XVI века дает в списке русских городов и города на нижнем Дунае. Память о русских городах на Дунае сохранялась, следовательно, и в XVI веке. Упоминанием о пении девиц на Дунае автор «Слова» подчеркивает радость по поводу возвращения Игоря в самых отдаленных уголках Руси, даже в тех, которые не входили в состав ее независимых княжеств.

К стр. 106

...по Боричеву...— Боричев взвоз (подъем), неоднократно упоминаемый в летописи, вел снизу, от днепровской пристани, наверх — к центру Киева.

...къ святѣй, богородици Пирогощей — церковь богородицы Пирогощей: была заложена в Киеве в 1132 году и завершена в 1136 году. Так названа по иконе «Пирогощей», привезенной в Киев из Константинополя.

Аминь. — Слово «аминь» происходит от греческого слова, означавшего «да будет так», «истинно». Обычно оно ставилось в конце древнерусских литературных произведений.

СОДЕРЖАНИЕ

Д. Лихачев. Золотое слово русской литературы . . . 5

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ. Текст и перевод . . . 39

Поэтические переложения «Слова о полку Игореве»:

А. Майков. Слово о полку Игореве 111

Н. Заболоцкий. Слово о полку Игореве 131

Объяснительный перевод «Слова о полку Игореве» . . 157

Примечания 181

Вступительная статья, редакция текста, дословный и объяснительный перевод с древнерусского, примечания

Д. С. ЛИХАЧЕВА

Гравюры к тексту и переводу, титульный лист, фронтиспис и переплет

В. А. ФАВОРСКОГО

Гравюры к поэтическим переложениям, украшения и шмуцтитулы

М. И. ПИКОВА

Макет книги

В. В. ПАХОМОВА

Для
старшего школьного возраста

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Ответственный редактор
Н. В. Белякова

Художественный редактор
Н. З. Левинская

Технический редактор
Е. М. Захарова

Корректоры
Л. И. Дмитрюк и Э. Л. Лофенфельд

ИБ № 9187

Подписано к печати с готовых диапозитивов 20.08.84. Формат 70×90 1/16. Бум. офсет. № 1. Шрифт литер. Печать офсет. Усл. печ. л. 16,38. Усл. кр.-отт. 33,2. Уч.-изд. л. 10,32. Тираж 100 000 экз. Заказ № 2938. Цена 55 коп.
Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.
Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

48 **Слово** о полку Игореве/Вступит. ст., ред. текста, досл. и объяснит. пер с древнерус., примеч. Д. С. Лихачева; Грав. В. А. Фаворского и М. И. Пикова. М.: Дет. лит., 1984.— 221 с., с ил.

В пер.: 55 к.

В величайшем памятнике древней русской литературы «Слово о полку Игореве» (1187) воплотились лучшие черты русского народа: любовь к родине, стремление к единству и независимости, мужество и бесстрашие в борьбе с врагами. В книгу включены: древнерусский текст «Слова» и перевод его, два поэтических переложения «Слова» А. Н. Майкова и Н. А. Заболоцкого. Во вступительной статье дается анализ произведения.

С $\frac{4803000000-469}{М101(03)84}$ Без объявл. **Р1**